

УРАЛЬСКИЙ

ледопыт

7
ИЮЛЬ
1959

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ИЮЛЬ 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

СВИНЦОВЫЙ ЗАЛП
Мих. Зуев-Ордынец

ИМРЕ ГАБОШ — ОТВАЖНЫЙ СЫН
ВЕНГРИИ
А. Чекасин

КОНЕЦ КОЛЧАКА
И. Новокшенов

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПОСЛЕДНЕГО ЦАРЯ
Т. Наумова-Теумина

КАК ОСВОБОДИЛИ ЕКАТЕРИНБУРГ
Генерал-майор в отставке А. Гундориц

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА
П. Бляхин

КОМДИВ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
Е. Тимофеев

КОММУНАРЫ «РАССВЕТА»
Ф. Булатов

НЕСОЗНАТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКА
А. Показаньев

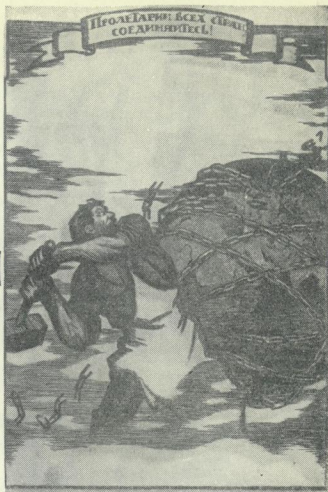
ЧТО УВИДЕЛ СЛЕДОПЫТИК
К. Костин

ДОМАШНИЕ ЛОСИ
Е. Кнорре

На второй странице обложки
рисунк А. Табачникова и В. Шапкина
«1919 год. Набат».

На четвертой странице об-
ложки рисунок Г. Перебатова к очерку
«Что видел следопытик».

Свердловское Книжное Издательство
1959

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,
Никогда! Никогда!
Никогда! Никогда!

Коммунары не будут рабами.
Враг силен — не беда!

Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами.
Никогда! Никогда!

Никогда! Никогда
Коммунары не будут рабами.

Коль не хватит солдат,
Старики станут в ряд,
Станут дети и жены бороться.

Всяк боец рядовой —
Сын семьи трудовой,
Всяк, в ком сердце мятежное бьется.

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,

Никогда! Никогда!
Никогда! Никогда!
Коммунары не будут рабами.

В. КНЯЗЕВ

1918 г.

ТОВАРИЩИ,

Всераз!
КАЧУРА!

СМЕРТЬ

ВОЛЧАКУ

и прочим

ПРИСПЕШНИКАМ

ЦАРЯ и

КАПИТА

ЛИЗМА

Иванов

УРАЛЬЦЫ ПРАЗДНУЮТ

сорокалетие со дня освобождения от белогвардейцев и иностранных интервентов, пытавшихся утвердить власть адмирала-палача Колчака

«Этот опыт колчаки для нас самый ценный опыт, он нам в небольшом размере показывает то, что происходит во всем мире он показывает нам настоящие источники, — и источники непобедимые, источники неискоренимые, — того, чем большевики сильны. Мы казались бессильными, когда Сибирь была в руках наших врагов. Теперь вся эта гигантская сила развалилась. Почему? Потому что мы были правы в своей оценке империалистической войны и ее последствий, были правы, когда говорили, что из этой войны человечество по-старому не выйдет, — люди так исстрадались, измучились, озлобились на капитализм, что настанет господство рабочего класса и установится социализм».

В. И. ЛЕНИН, 1919 г.

«КРАСНЫХ ПОБЕДИТЬ НЕЛЬЗЯ»

В Свердловском архиве хранятся письма бойцов и командиров, советских патриотов, которые в 1919 году освободили Урал от колчаковских банд. С простыми искренними словами воины обращаются к родным и близким, друзьям и товарищам.

Вот отрывки из этих писем.

«Не верьте никаким слухам, что красных можно победить. Если даже весь мир на нас пойдет, то мы их сотрем с лица земли».

«Прошу вас стать стойкими защитниками Советской власти, то есть своих собственных интересов...»

«На нашем фронте успехи хорошие. Колчака гонят во всю ивановскую, а пленные прибывает как следует — целыми полками».

«Колчак бежит в Сибирь... Взяли в плен 36 ппов с винтовками в руках».

«Колчака опять гоним всюю. Я со своей стороны согласен есть полфунта хлеба всю зиму, лишь бы только гнать белых архангелов».

«Мы, сыны рабочих и крестьян, отражаем врагов трудового класса. Настроение всей нашей армии хорошее, и у всех одна мысль: скорей его разбить и возвратиться на родину».

«Скоро разобьем Колчака: бежит — не поймаешь. Дела на фронте хорошие. Все должны помнить, что идем за благо народа».

«Колчаку придется улететь без оглядки до Иркутска. Пишу это, зная хорошо местность Сибири. Думаю, что ему удобной позиции там не будет».

«Войска теперь в большинстве из добровольцев местностей, освобожденных из-под ига Колчака, которые, испытав нагайку, больше его не желают».

«Умрем, издохнем с голоду, но не изменим присяге, пролетариату».

«Колчак разрушил все живое, его армия напоминает стадо бродячих волоков».

«Как они издевались над нашими товарищами, выкалывали глаза, вырезывали нос, руки и ноги. Страшно было глядеть. Придет время, и они захлебнутся в нашей рабочей крови».

«Мы скоро покончим с этим мировым хищником капитала, не будет на нас нападать, тогда вернемся в свой кров родимый и будем строить новую жизнь».

Слева, на стр. 2, и на первой странице — плакаты времен гражданской войны.

М. В. Васильев

ГЕРОЙ ЖИВЕТ В ПЕСНЕ

Летом и осенью 1918 года рабочие и крестьяне Урала насмерть дрались против полчищ белогвардейцев, наседавших на наш край с востока и юга. В этих боях едва ли не самые тяжелые испытания выпали на долю 29-й (Уральской) дивизии Красной Армии, принявшей на себя главный удар врага.

Дивизию эту возглавлял Макар Васильевич Васильев (1889—1940). Простой солдат царской армии, он обладал выдающимися организатор-

скими и военными способностями, которые во всей широте развернулись в условиях гражданской войны.

В боях под Нижним Тагилом, где дивизия разгромила чехословацкие и белогвардейские части генерала Войцеховского, васильевцы сложили песню. После Тагила каждый решающий бой давал песне свое продолжение. Таким образом, в ней отразились этапы боевого пути дивизии и отношение ее бойцов к своему нацдиву.

Автор этих строк впервые услышал песню о нацдиве Васильеве в 1932 году от Л. Ф. Некрасова — бывшего командира Первого Камышловского полка и И. И. Филимонова — пулеметчика 4-го Уральского полка. Публикуется песня в том виде, в каком она сохранилась в памяти немногих живых соратников легендарного рабочего генерала.

С. НЕУСТРОЕВ

ПЕСНЯ О НАЦДИВЕ ВАСИЛЬЕВЕ

Было дело,— не забыли!—
Штурмовали старый мир.
В бой нас вел Макар Васильев —
Боевой наш командир.

Дело было под Тагилом,
Войцеховский удирал.
Впереди нас шел

Васильев —

Наш рабочий генерал.
Мы под Кушвой в бой ходили,
Врага били наповал,
Рядом с нами был

Васильев —

Наш крестьянский генерал.

Пепеляев хвастал силой:
Славен, грозен и удал.
Да разбил его Васильев —
Наш народный генерал.

Колчака в Перми лупили,
Шли обратно на Урал.
Впереди нас шел Васильев —
Наш советский генерал.

Насмерть всех врагов
громили,
Защищали новый мир.
В бой нас вел Макар
Васильев —
Наш любимый командир.

Свинцовый Залп

Михаил ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ

Рисунки В. Бубенщикова

Быль

Серый зимний день скрадывал дали, застлал их холодным туманом, и шум колчаковского обоза партизаны услышали раньше, чем увидели его. Стучали колеса, ржали кони, разговаривали простуженные голоса. А потом медленно выползли из тумана первые запряжки. Огромные, массивные, словно сошедшие с конных монументов, битюги тянули накрытые рогожами военные фуры. Партизаны насчитали их десять. Последней ехала полевая кухня, дымившая, как маленький паровоз. Конвой, десяток «голубых уланов», ехал по обе стороны обоза.

Когда передовая фура поравнялась с засадой, дружно ударили трещотки, изобразившие пулеметы, жидко захопала партизанские обрезы и берданки. Но обозники не остановились. Напуганные рассказами о зверствах партизан, они принялись нещадно нахлестывать лошадей. Остановить обоз было легко, перестреляв лошадей. Но на чем потащить тогда фуры в партизанский лагерь?

— А ведь уйдут колчаки, — подумал Крутогон, солдат царской службы, один в отряде имевший пехотную винтовку.

Он выстрелил навскидку, и хлеставший битюга улан свалился с седла. Дослав в ствол новый патрон, Крутогон выбежал на дорогу и бросился на мчавшуюся фуру. Навалившись грудью на ее высокий борт, он повис, беспомощно болтая ногами. Сейчас его можно было без труда пристрелить, но стрелять было некому. Ездовой скатился с козел и побежал в лес. Крутогон потянулся к вожжам и увидел, что рогожа, прикрывавшая фуру, шевелится.

— Руки вверх! — заорал он, целясь в рогожу. Рогожа приподнялась, и показалась голова в летней кепке, сверху повязанная теплым бабьим платком. Потом появился плешивый собачий воротник дешевенького городского пальто. Человек сел и вытирал глубоко засунутые в рукава красные от мороза руки, но не поднял их, а погрозил Крутогону пальцем:

— В меня, отец, стрелять нельзя.

— Пошто нельзя? — удивился старый солдат.

— А пото. Я полиграфист, — ответил человек в летней кепке и спокойно сунул руки опять в рукава.

— Ай, некогда мне! Считаю, что ты мой

трофей! — крикнул Крутогон и, схватив вожжи, повернул фуру поперек дороги. На нее налетели задние фуры и остановились. Ускакали только две передние, а с ними и «голубые уланы».

Разгружали фуры при кострах, весело, с шутками. Радовали удача и предвкушение плотного ужина. Налет на колчаковский обоз был сделан ради продовольствия. Партизаны второй месяц ели похлебку из брюквы и тяжелый липкий хлеб, выпеченный наполовину с мороженой картошкой. А семь отбитых фур были нагружены шотландской бараниной и американской свиной в консервах, ящиками кокосового масла и сгущенного молока.

В восьмой фуре были плоские ящики, небольшие, но такие тяжелые, что выгружали их по два человека. Решили, обрадовавшись, что это гвозди. Вот спасибо скажут в родных деревнях! А когда вскрыли ящики, удивленно переглянулись.

— Дробь, што ль? — нерешительно пощупал Крутогон металлическую крупу, насыпанную в клеточки ящиков. — А пошто она с буквинками?

— А шут ее знает! — почесал заросшую щеку стоявший рядом партизан.

— Стой-ка! На этой фуре мой трофей ехал. Полиграфист аль телеграфист, не помню, — сказал Крутогон. — Где он? Пущай объяснит нам про эту штуковину.

Про ехавшего на восьмой фуре Крутогонова трофей как-то забыли в суматохе, и он невозбранно бродил по партизанской зимовке. Вытянув тоненькую щиплячью шею, он с любопытством разглядывал землянки, покачивая головой, смотрел на партизан, на их худую одежду. Разглядывали и партизаны пленного, его летнюю кепчонку, заношенное пальто и голые — это в декабре-то! — руки. Городской бедолага какой-то! Но лицо у него заносчивое и насмешливое.

Пленник подошел к партизанскому «пулемету», березовой чурке, выкрашенной в защитный цвет и просунутой через фанерный щит. Тут же лежала трешотка, при необходимости изображавшая «стрельбу».

— Убивает только психически? — насмешливо шмыгнул он красным носом.

— А ты видал, как твои «голубые уланы» драпали от нашего березового пулемета? — спросили задорно партизаны.

— Они такие же мои, как и ваши, — вежливо ответил пленный. — А это что за история сродних веков? — он кивнул на партизанскую пушку — кедровый ствол, выдолбленный и обмотанный медной проволокой. — Стреляет только шумом?

— Становись на пятьдесят шагов! — обиделись за свою артиллерию партизаны. — Ага, не встанешь?

— На пятьдесят не встану, — согласился трофей. — А на сто шагов — пожалуйста! И еще сто лет проживу.

— Угадал, сатана! — засмеялись партизаны. — На сто она не в силах. Ничего. Начали с деревянных, будут и настоящие. А как тебя зовут, чудак-человек?

— Почему чудак-человек? Это вы чудак. Я из деревянной пушки не стреляю! — заносчиво вскинул голову трофей. — А зовут меня Семен Семенович Чепцов.

— Тогда скажи, Семен Семеныч, почему ты два разных банта носишь? — указали партизаны на черный и зеленый банты, приколотые к его пальто.

— Черный — это анархия, мать порядка. Зеленый — эсеры, мужицкая партия. Еще не знаю, какой выбрать, — потрогал Чепцов банты.

— А белый, колчаковский?

— Определенно не симпатизирую.

— А красный?

— Не прояснилась еще для меня ваша программа. Присматриваюсь.

— Огурец-желтопуз, вот ты кто! Ни соку в тебе, ни вкуса, ни нутра настоящего! — сказал сердито подошедший Крутогон. — И ладно тебе побаски рассказывать. Скажи лучше нам, что это за хреновинка? — подвел он Чепцова к ящику с металлической крупой.

— Разве не видите? — пожал тот плечами. — Это петит, в других ящиках, понашему кассах, есть еще десятый строчной. И курсив есть, и боргес. И заголовочные шрифты.

— Не морочь ты мне голову своими боргесами-моргесами! — взмолился Крутогон. — Объясни точно, что ты есть за человек?

— Я уже объяснял. Полиграфист! Типографский наборщик. Видите? — поднес Чепцов к глазам Крутогона пальцы, темные от ввешшей в кожу свинцовой пыли и краски.

— Семнадцать лет в наборщиках хожу! А в фуре этой. полный комплект для плоской печати.

— Напечатай тогда нам визитные карточки! — засмеялся завхоз Вакулин, тяпавший на рогоже коровью тушу. — Адмиралу Колчаку преподнесем.

— Какие там визитные карточки! Прокламации будем печатать!

Это крикнул обрадованно подошедший Афанасьев, сельский учитель. Он вел в отряде распространением прокламаций среди населения и колчаковских солдат.

Вместе с молодым разведчиком Фелей Коровиным он полез в фуру и нашел в ней все необходимое для маленькой типографии. Кроме шрифтов, два рулона бумаги, банку краски, бидон со спиртом для мытья шрифтов и всякую типографскую мелочь.

— А печатная машина где? — забеспокоился Афанасьев.

— Была ручная «бостонка». На передней повозке ехала, — ответил Чепцов.

— Э-э-х! Не состоялась наша типография! — махнул рукой Афанасьев и полез с фуры.

— Виктор Александрович, глядите сюда! А это что? Это не годится? — остановил его Федя Коровин, все еще копавшийся в фуре. Покраснев от натуги, он приподнимал что-то очень тяжелое.

— Это пресс для оттисков корректу-

ры, — сказал Чепцов. — Каждый ребенок знает.

— Пресс для оттисков, говоришь? — посмотрел на него Афанасьев. — Значит, будут у нас печатные прокламации! Что там прокламации, газету будем выпускать!

— Скажете тоже, товарищ Афанасьев! Газету! — засмеялся завхоз. — Для газеты писатели нужны, которые газету сочиняют. Называются корреспонденты. А где у нас такие?

— Не встревай, захвост! — даже оттолкнул его Крутогон. — Я буду газету сочинять! Я согласен в писатели идти!

— Во-первых, не пихайтесь, папаша Крутогон, вы не в церкви, — отстранился опасливо завхоз. — А во-вторых, от вашего сочинительства и у медведя голова заболит.

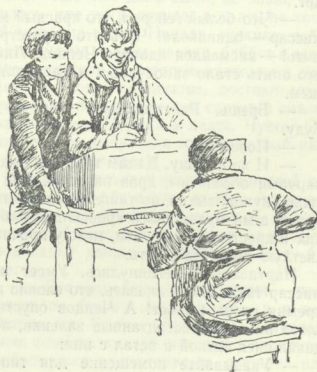
— Бросьте спорить, товарищи! — остановил их Афанасьев. — Газету мы выпустим! И будет наш свинцовый залп разить врага не хуже пулемета. Верно, товарищ наборщик?

— Все дело в том, какой тираж, — ответил уклончиво Чепцов.

— На первое время двести экземпляров.

— На сто не согласитесь? Ведь не машина, а тискалка... Ладно, давайте попробуем двести! — согласился наборщик.

— Тогда я в штаб побегу, согласую. А вы забирайте всю эту типографию. Кроме, — покосился Афанасьев на красный

нос Чепцова, — кроме бидона со спиртом. Мы его в лазарет отдадим.

— А шрифты чем я промывать буду? — остановился шагнувший было к фуре Чепцов.

— Керосином. Слышал я, можно и керосином промывать.

— С керосином мазня, а не печатанье! Тогда прощайте, лихо не вспоминайте! — подергал наборщик козырек кеплонки и сел на пень. — Категорически отказываюсь!

— Где раньше работал? — спросил строго глуховатый голос. Все обернулись. Это подошел незаметно начальник штаба, он же комиссар отряда, Арсенадзе.

— В Кунгуре, в Электрической типографии «Корзинкин и сын!» — гордо ответил Чепцов.

— А куда ты ехал в этой фуре?

— В эту... в типографию военного округа, — тихо сказал наборщик.

— К генералу Блохину? Смертные приговоры рабочим и мужикам печатать? — дернулся у комиссара ус, и потемнели глаза.

Круглый, как у рыбы, рот Чепцова задрожал.

— Разве ж я по добру согласился у них работать? Взяли за конверт и в ящик!

— А ты думаешь, и мы не сможем за конверт тебя взять? — сунулся к наборщику Федя Коровин.

— Подожди, Федя, — отвел его рукой комиссар. — Значит, генеральские приказы печатал бы, а партизанскую газету не хочешь? Смотри, дорогой, тебе же хуже будет.

— Что белый генерал, что красный комиссар — одинаково! Чуть что — расстрелять! — засмеялся ядовито Чепцов. Лицо его опять стало заносчивым и насмешливым.

— Врешь. Расстреливать тебя я не буду.

— Повесишь?

— И не повешу. Дадим тебе землянку, харчами обеспечим, дров наколем. Спи в тепле, кушай сытно, по тайге для аппетита гуляй, а мы будем своей кровью для рабочих и крестьян и для тебя, между прочим, светлую долю добывать.

Партизаны переглянулись. Умеет комиссар такие слова сказать, что словно из кремня огонь выбьет! А Чепцов опустил глаза вниз, на растоптанные валенки, подавил снег пяткой и встал с пня:

— Указывайте помещение для типографии...

Дятел стучит в сосну, как пазойливый гость, белка стрекочет, сплетничая с соседкой, а под сосной, по соседству с берлогой, в просторной и светлой землянке, колдует у наборной кассы Чепцов. Тоже, как дятел, постукивает он по верстатке рукояткой шила. У окна Афанасьев — редактор, секретарь и корректор — правит отгиснутые гранки. Отгиски лежат под обрезом. Так удобнее: и то и другое под рукой. Вертится около наборной кассы и Федя Коровин, смотрит через плечо Семена Семеновича на ловкую его работу. Федя выпросил у комиссара разрешение поработать типографским учеником, поскольку он кончил сельскую двухклассную школу. Но, конечно, без отчисления его от команды разведчиков.

— Виктор Александрович, — обернулся от кассы Чепцов, — лозунг сверху какой пустим? «Пролетарии всех стран, соединитесь!»?

— А может, «Анархия — мать порядка»? — съязвил Федя.

— Ты меня не подкалывай. У вас порядка тоже пока не вижу. Учись лучше, пока я жив. Помру скоро — сам за кассу встанешь.

Выхода своей газеты партизаны ждали с нетерпением. И, когда отпечатан был первый экземпляр, весь отряд собрался к редакционной землянке. Газета пошла по рукам.

Бросался в глаза крупный заголовок — «Партизанская правда», клише которого вырезал Федя из крепкого, как железо, кедра. Передовая статья комиссара Арсенадзе разъясняла белым солдатам, за кого и против кого они воюют, и призвала их повернуть штыки против Колчака. Кроме комиссаровой, была в газете и еще одна статья. Писали ее чуть ли не всем отрядом. В ней партизаны обращались к братьям — крестьянам, заводским рабочим, старателям, охотникам, ко всем трудящимся деревень и тайги с призывом подняться на борьбу с «его империалистическим безобразием, верховным мерзавцем всей Руси, вешателем и кнутобойцем адмиралом Колчаком»¹. Федя Коровин, писавший статью под диктовку партизан, прибавил

¹ Из уральской партизанской прокламации.

от себя концовку: «Вот в чем вся соль и ребус международного положения!» Кроме этих двух статей, была в газете и небольшая боевая хроника отряда, и невеселая хроника окрестных деревень: порки, расстрелы, грабежи и бесчинства карательных отрядов.

В общем, газета всем очень понравилась, и Чепцова даже качали под крики «ура».

— Газетка ничего, подходящая, — растроганно вытирал Семен Семенович рукавом красный свой нос — Только вот заголовки не броские, опять же рекламы в конце нет. А в общем, ничего.

— Будет тебе реклама! — сказал Крутогон, пряча под рубашку пачку газет. Он сам вызвался быть, по словам Афанасьева, «заведующим отделом распространения и экспедирования». — Попомни мое слово, будет реклама!

Вернулся он через неделю. Сел у костра с котелком партизанского гулеша на коленях и, зачерпывая полной ложкой, неспеша рассказывал:

— Газету из рук рвали, из деревни в деревню «по веревочке» передавали. Ну, и само собой, подействовало! В Чунях, к примеру, у карателей десять лошадей от-

равили. Это первое! — загнул Иван Васильевич палец и начал загибать их один за другим. — В Зюсельке на волостное правление напали, податные ведомости и списки недоимщиков сожгли. А в Косом Броде железнодорожную охрану дубинками пошибали и гайки от рельсов отвинтили. Чего там дале было, не знаю, пришлось мне уйти оттуда, а врать не хочу. И того еще мало. Начали мужики собирать пустые гильзы, свинец, баббит с заводов потащили, а которые винтовки и гранаты с фронта принесли, достают самостоятельно из подпола, из-под сараев и смазывают жирно. Ну, так и далее. Чуете? Означает, что выпустили мы свинцовый наш залп прямо по врагу!

Иван Васильевич заглянул в пустой котелок, вытер рот и снял шапку. Люди думали, что он будет божу молиться, за хлеб насущный бога благодарить, а он отодрал подкладку шапки и вытащил лист бумаги.

— Это вам обещанная реклама, — протянул он бумагу Афанасьеву, — а в ней список, кто Колчаку продается. Колчаковские шпионы, кулаки, которые у карателей добровольно проводниками служат, или сами в карателях зверствуют. Этот вот,

коммунистов вешал, а этот Иуда, кулацкий сынок, выдал партизанов, которые в деревню греться зашли. Список народ составил и на сходах миром приговорил: каждый может их убить, как бешеных собак. Вот и объяви эту рекламу в нашей газетке.

— Объявим в следующем номере,— взял список Афанасьев.

— А заголовок дадим «К стенке!»— сказал с тихой ненавистью Федя Коровин.

Весна поджаралась незаметно. Выше стало ходить солнце, заблестели, залоснились, как облизанные, сугробы, ослепительно отражая солнечные лучи. Крутогон вернулся из очередного газетного похода мокрый до пояса.

Он рассказал о новых случаях нападения мужиков на колчаковских милиционеров, о казнях агентов белой контрразведки, о поджогах волостных правлений и об открытом бунте в запасном батальоне. И туда через солдат-отпускников забросил Иван Васильевич «Партизанскую правду». Он помолчал, покусывая обкуренные солдатские усы, потом сказал хозяйственно и озабоченно, будто сидел не в партизанской тайге, а в родной деревне, на угреве, на бревешках рядом с деревенскими шабрами:

— Мужики спрашивают, готовиться к севу иль нет? А заодно и про школы пытаются, ремонтировать их, иль погодить? Прсят мужики ответить через газету.

— Ну, Иван Васильевич, эта твоя весточка всех остальных дороже!— блеснул горячо глазами Арсенадзе.— Значит, верит народ в нашу окончательную победу и вперед смотрит.

— Народ считает, что к покосу управимся. Очистимся то есть от колчаковской нечисти,— сказал солидно Крутогон.

— А это самое дорогое!— воскликнул комиссар.— Душу свою народ не потерял. Понимаешь, дорогой? Немедленно ответим через газету. Слышишь, редактор?

— Слышу,— ответил смущенно Афанасьев, катая ладонью карандаш по столу.— А у нас, Давид Леонович, одна неприятность за другой.

— Какая неприятность? Доклады-вай!— посуловел комиссар.

— Сначала краска кончилась. Но с этим делом выкручиваемся. Федя и днем и ночью над коптилкой железный лист держит и сажу соскребает. На керосине затрем, и ничего, печатать можно. Спасибо Семену Семеновичу, научил.

Комиссар посмотрел на Чепцова, сидевшего скромно у печной дверцы. Тот смутился под веселым и добрым взглядом комиссара, схватил кочергу и начал шуровать печь.

Афанасьев покашлял нерешительно в кулак и dokonчил:

— А теперь новая напасть: бумага кончилась. Не знаем, как и быть.

— Бумага кончилась?— откинулся комиссар, как от удара, и вспылил.— Разбазарили бумагу?

— Срыву у нас много,— откликнулся от печки Чепцов и покосился сердито на пресс.— Техника времен Ивана Федорова-первопечатника! Попробуйте, Давид Леонович, приправьте с первого раза на этой тискалке!

— Приправлю я вам всем!— мрачно ответил Арсенадзе.— Где же взять бумагу? Где взять?

— Возьмем,— просто ответил Чепцов.

— Где? В тайге под кустиком?

— Зачем в тайге, в городе Боровске. Работал я там в типографии городской думы. А в какой типографии нет бумаги!

— Идея богатая, дорогой!— повеселел комиссар.— Сегодня же доложу штабу о вашем предложении, Семен Семенович.

Штаб одобрил налет на Боровск и назначил день. А накануне налета Арсенадзе вызвал к себе Чепцова и сказал:

— Вы тоже, кажется, в поход собирались? Не пойдете!

— Почему?— тихо и трудно спросил наборщик.

— Воюйте верстаткой, это у вас здорово получается. Понимаете, дорогой?

— А я хотел заголовочные шрифты там отобрать,— по-прежнему тихо ответил Чепцов.— Не играю у нас заголовки.

— Мы все шрифты сюда притащим, здесь и отберете. Хорошо?

Чепцов ничего не ответил и вышел из штаба, забыв закрыть за собой дверь.

— Обидели вы его,— тихо сказал Афанасьев.

— Знаю,— расстроился комиссар.— А как иначе? Не можем мы им рисковать!

Дверь медленно открылась. На пороге — Чепцов. Круглый рот его дрожал.

— Может, вы, товарищ комиссар, сомневаетесь?— сказал он от порога. И, не дожидаясь ответа, сорвал черный и зеленый банты, швырнул их на пол и придал каблучком.— Видите? В голове у меня прояснилось теперь. Все же рабочий я.

поймите это в виду. Прошу разрешения в бою заслужить красный бант!

Темные, пристальные глаза комиссара потеплели:

— Хорошо, пойдете в налет. А знаете, с какого конца винтовка стреляет?

— Разберусь! — счастливо крикнул Семен Семенович.

...В город просочились по одиночке и небольшими группами в два-три человека. На типографию, помещавшуюся в здании городской думы, напали ночью. Но оказалось, что здесь же была и казарма колчаковской милиции. Милиционеры защищались отчаянно, зная, что от партизан им пощады не ждаты. Казарму пришлось забросать «лимонками». Здание загорелось. Когда пожар перекинулся на типографию, Чепцов, волоча винтовку за ствол, бросился к ее дверям с криком:

— Бумага горит!.. Шрифты спасай!

Пулеметная очередь опрокинула наборщика на пороге. Партизаны вытащили его, тяжело раненного, из-под обстрела. А типография сгорела. Лишь остов обгоревшей печатной машины да сплавившиеся в свинцовые комья шрифты нашли в ней партизаны. Можно было считать, что налет не удался.

Чтобы не связывать отряд при отходе, в налет была взята только одна пароконная фура, под бумагу. Завхоз, обшарив уцелевший от пожара казарменный склад, нагружил ее доверху английскими солдатскими ботинками, на подошве в палец толщиной. Была уже дана команда к отходу, когда прибежал Федя Коровин и показал комиссару сверток обоев:

— У здешнего магазинщика аннулировал! У него целая гора этого добра.

Арсеналде развернул свиток, полюбовался рисунком, перевернул наизнанку и сказал:

— Пойдет! На одной стороне будем печатать.

Полюбовался обоями и завхоз и сразу понял суть дела:

— Веселая у нас газетка будет! Придется половину фуры освободить.

— Освобождай всю! — приказал Арсеналде.

— Товарищ комиссар, да вы что? — взмолился завхоз. — Весна на носу, а у меня ребята сплошь в валенках ходят!

— Головой думаешь, дорогой, или чем другим? — посмотрел пронзительно комиссар на завхоза. — Сам говоришь, весна!

Сеять надо! Красная Армия придет, чем кормить будем? Понятно или повторить?

— Не надо повторять. С первого раза понятно, — поник завхоз и крикнул партизанам: — Разгружайте фуру, ребята! А ботинки на себя вешайте. Все равно ни пары не брошу!

Чепцов лежал на повозке. Он то поднимался, порываясь спасти горящую бумагу и шрифты, то снова падал на подстилку. Дыхание его стало порывистым, и пряди влажных от испарины волос прилипали ко лбу. Крутогон с испугом смотрел на его маленькое, какое-то детское лицо и умолял раненого:

— Семен Семенович, трофей ты мой бесценный, ты натужься и не помирай. Слышишь? Не помирай, говорю...

Очередной номер «Партизанской правды» набирал уже Федя, то и дело чертыхаясь шепотом, когда на верстатку лезла совсем не та литера. Ночью, когда тискался на обоях весенний, посевной выпуск газеты, умер Чепцов. Партизаны вереницей шли в лазарет проститься с наборщиком. На груди Семена Семеновича был приколот большой красный бант цвета пролитой в боях рабочей крови.

"По долинам"

Слет внуков

15 июля 1957 года. На станции Паленый Лог (близ г. Лысьва, Пермской области) собрались тысячи проверов и школьников Свердловской и Пермской областей, гости из Ленинграда и Китая на Слет внуков.

Вместе с «внуками» на слет приехали их «деды», бойцы и командиры частей Особой бригады Красной Армии, сражавшейся в этих местах.

Плечом к плечу, как много лет назад, встали Иван Петрович Ермаков, командир Лысьвенского полка, венгр Деже Францевич Хроматко, командовавший Коммунистическим интернациональным отрядом, Иван Платонович Вырышев, командир 3-й бригады 29-й дивизии, татарин Рашид Каримович Хуснуллин, боец 28-й дивизии, и многие другие. Напротив шеренги ветеранов гражданской войны — отряды юных следопытов. Они получили из рук «дедов» вымпел с названием частей, историю которых должны изучить. Ребята обещали пройти по местам боев 28-й, 29-й, 30-й дивизий и через два года на этом месте отчитаться о проделанной работе.

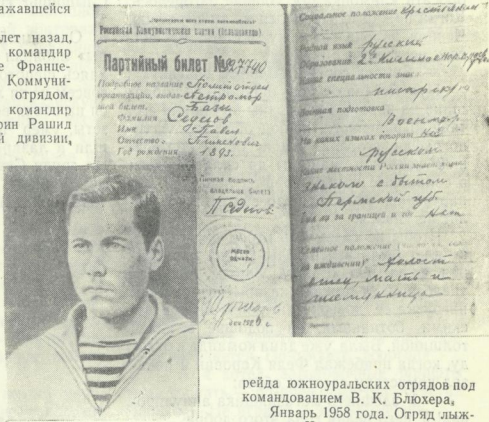
На месте гибели бронепоезда № 2 «внуки» заложили памятник бойцам Особой бригады: команде бронепоезда № 2, состоявшей из матросов с крейсера «Аврора» и «Рюрик», китайцам, корейцам и венграм из Интернационального отряда, которые погибли здесь в декабре 1918 года (фото 1).

1

По местам боев 30-й дивизии

Юные краеведы общества «Глобус» прошли От Нязепетровска до Кунгура. Они собрали сотни редких фотографий, военное снаряжение, документы и воспоминания бойцов и командиров легендарной 30-й дивизии, участников героического

рейда южноуральских отрядов под командованием В. К. Блюхера,

Январь 1958 года. Отряд лыжников в Красноуфимском районе.

В Артинском заводе ребята познакомились с Николаем Павловичем Паначевым, бывшим командиром 3-го батальона 1-го Красноуфимского полка. С гордостью носит он именные золотые часы, подаренные ему за храбрость и боевое руководство на поле боя. От Красноуфимска до Вятки, от Вятки до Иркутска прошел он вместе со своим батальоном трудный, но славный путь.

Много ярких страниц вписали бойцы его батальона в историю Краснознаменного 262-го полка. Громя отступающие части Колчака, батальон форсировал реку Ишим, стремительной атакой захватил артиллерийскую батарею белых и открыл из нее огонь по бегущему в панике врагу. Так он дал возможность полкам дивизии наладить переправу. По приказу командования, батальон одним из первых ворвался в Иркутск, захватил ставку Колчака и 15 вагонов золота, которое отправили в Москву.

Юные следопыты были там, где зародился

и по взгорьям...

«ВАТ»
«КОММУНСТ»

„От героя революции“

Историко-краеведческий кружок в школе № 72 в городе Свердловске организовался совсем недавно. Но ребята уже успели узнать много увлекательного из истории гражданской войны на Урале. В апреле 1959 года, по заданию общества «Глобус», они выехали в город Пермь. Здесь ребята встретились с женой Степана Акимовича Окулова, командира 260-го Петроградского полка. Она рассказала, как полк освободил город Пермь от колчаковских банд.

Особенно краеведы заинтересовались группой разведчиков при штабе полка Окулова. Эти 13—15-летние деревенские ребята доставляли в штаб ценные сведения о противнике, вместе с отрядом участвовали в лихих налетах на врага.

Когда отряд стал регулярной частью Красной Армии, шесть героев-разведчиков остались служить ординарцами в Петроградском полку. От тех лет, овеянных юношеской романтикой и порохом боев, сохранилась фотография 14-летнего паренька в военном френче, с кавалерийской шашкой. На ней надпись: «На добрую память Степану Акимовичу Окулову от героя революции Сергея Ивановича Сергомасцева» (фото 4).

* * *

К славному дате 40-летия освобождения Урала от Колчака 500 экспедиционных отрядов школ города Свердловска, объединяющих более 10 тысяч ребят, провели огромную исследовательскую работу.

П. ИСТОМИН,
зав. отделом туризма и краеведения Свердловского Дворца пионеров.

1-й Красноуфимский полк, нашли первых бойцов и командиров, собрали реликвии.

Январь 1959 года. Снова в пути. На этот раз ребят интересуют боевые дела 2-го Красноуфимского полка, который в составе 30-й дивизии гromил Колчака, Врангеля, Махно и белополяков. Пройдя по маршруту: Красноуфимск — Ачит — Суксун — Кунгур, краеведы встретились с бойцами и командирами этого полка.

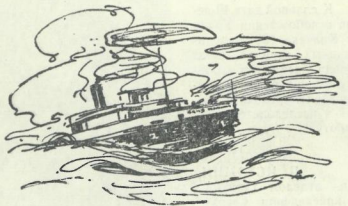
Житель села Большие Ключи Павел Пименович Седегов (фото 2), бывший моряк подводной лодки «Ягуар», сражался на Восточном фронте в батальоне связи. Долгие годы хранил Павел Пименович бесхозырку с надписью на ленте «Штаб начальника отряда сетей заграждения». Она напоминала ему о матросских митингах в Гельсингфорсе в 1917 году, о ледовом походе из Гельсингфорса в Кронштадт. Бережно развернул Павел Пименович перед ребятами пожелтевшие страницы партийного билета, который он получил в Кронштадте в 1918 году, показал фотографии моряков, сражавшихся в 30-й дивизии.

Не устоял моряк перед молящими глазами ребят и передал дорогие ему вещи и документы в музей Дворца пионеров.

Ребята узнали о кровопролитных боях на Песчаной горе, о четырехмесячной обороне под Суксуном, о подвигах легендарного пулеметчика полка Ивана Парамонова. П. А. Хлызов подарил им редкую фотографию командиров 2-го Красноуфимского полка, сделанную в 1918 году (фото 3).

«ВАНЯ- КОММУНИСТ»

В каком полку,
В каком краю
Держал он шаг и строй?
В каком году,
В каком бою
Он умер, как герой?
И шла молва, стуча в сердца,
По рекам вверх и вниз,
Что звали Ванею бойца
И был он коммунист.
Беляк с востока напирал,
Грозила нам беда.
Матрос в окопе повторял:
— К нам Ваню бы сюда!
Он воскресал,
Могуч, плечист,
И, отразись в волне,
Название «Ваня-коммунист»
Алело на броне.
Отважно он встречать привык
Кипящую струю.
Как человек,
Как большевик,
Держался он в бою.
Вдоль дымных камских берегов
Он шел бойцом стальным,
И цепи красных на врагов
Бросались вслед за ним.
Снаряды белых батарей
Обшивку рвут по швам.
Матрос, приятель всех морей,
Кричал: «Держись, Иван!»
Но пар ударил из котла,
Пожар пылал кругом.
Матрос, огромный, как скала,
У пушки лег ничком.
Где берег каменный, кремнист
Над Камой встал стеной,
Захлестнут «Ваня-коммунист»
Тяжелюю волной.
Вот так, в бою за нашу власть,
Погиб тот пароход.
Об этом песня родилась,
И слава не умрет!

ИМПРЕ

Деже Францевич Хроматко

Недавно наш отряд ездил в Пермь собирать материалы о 29-ой стрелковой дивизии, прославившейся в боях гражданской войны. Нам посчастливилось встретиться с Деже Францевичем Хроматко, командиром Коммунистического Интернационального отряда этой дивизии.

Деже Францевичу 76 лет, он бодр и жизнерадостен. Узнав, что мы из Свердловска, он засыпал нас вопросами. С Екатеринбургом у него связаны самые луч-

ГАБОШ-

ОТВАЖНЫЙ СЫН ВЕНГРИИ

ше воспоминания: в нашем городе в ноябре 1917 года был сформирован Интернациональный отряд. В него вошли 200 венгров, бывших военнопленных. В Екатерининбурге 1 марта 1918 года Хроматко вступил в Коммунистическую партию.

Деже Францевич показал нам старые, пожелтевшие от времени газеты, фотографии, документы и рассказал, как в 1918 году Интернациональный отряд бок о бок с красногвардейскими полками сдерживал наступление колчаковской армии.

В сентябре 1918 года в Перми в отряд влились китайцы и корейцы, и он получил задание — выбить колчаковцев из деревни Кын. Четыреста бойцов с одним пулеметом пошли против пушек, пулеметов и тысячи хорошо вооруженных колча-

ковцев. Девять раз позиции переходили из рук в руки. На десятый — колчаковцы отступили окончательно. В этом бою смертельно раненный венгр Имре Габош подполз к пулемету белых, мешавшему продвижению отряда, и гранатой заставил его замолчать. Имя этого отважного героя, павшего в бою за освобождение Урала от Колчака, должны знать все уральцы.

В составе 29-й стрелковой дивизии Коммунистический Интернациональный отряд прошел боевой путь от Урала до Забайкалья, гремя колчаковские войска.

Алексей ЧЕКАСИН,
капитан историко-краеведческого кружка общества «Глобус»,

г. Свердловск

Легендарные места

СЕМЬ БРАТЬЕВ И СЕСТРА

Недалеко от Свердловска, близ озера Таватуй, в густом лесу возвышаются гиганты — останцы древнего плотного гранита. Много легенд сложено в народе об этих каменных столбах.

В одной из них говорится, что в давние времена жил на Верх-Нейвинском заводе свирепый управляющий, у него было семь сыновей и одна дочь. Семейка издевалась над рабочими, и, не стерпев притеснений злодея, люди ночью подожгли его дом. Сам управляющий сгорел, а дети сбежали в лес. Рабочие прокляли их, и на горе, где их наступило проклятие народа, семь братьев и сестра окаменели.

Так и стоят в лесу семь каменных столбов, а немного в стороне восьмой, поменьше — сестра.

Есть и достоверные исторические факты, связанные с этими скалами. До революции они были местом тайных сходок рабочих. Недалеко от Семи Братьев находится братская могила рабочих, расстрелянных колчаковцами в 1918 году.

На снимке: скала Сестра.

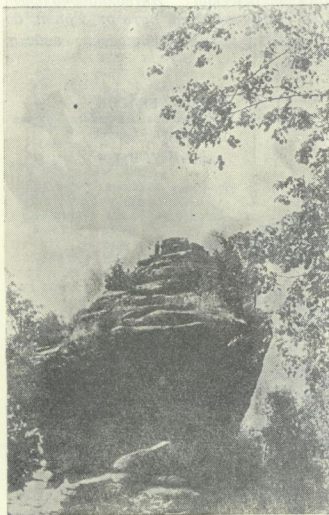

Фото и текст Р. РУБЕЛЬ

КИТАЙСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ НА УРАЛЕ

2 октября 1918 г. Нижняя Салда.

...Полк пополняется. Прибыли две роты китайских добровольцев — человек около 200.

Все они рабочие уральских заводов, копей и лесорубы...

7 октября 1918 г. Станция Салка.

...Видел раненых китайцев. Очень мужественно переносят боль. И сражаются до последней возможности. Когда кончаются патроны, с криком «контрами!» бросаются в штыки. Что такое «контрами», никто толком не ведает, но предполагаем что-нибудь вроде «бей контру!»

Под Шадринском сражались плечом к плечу с мадьярами, а теперь с нами китайские товарищи.

Как это прекрасно! Значит, и за пределами России люди понимают, что Октябрь несет свободу всему миру...

...Сегодня китайские товарищи вместе с нами проливают кровь под Нижним Тагилом. Но придет час, когда и мы поможем трудовому Китаю освободиться от своих и пришлых угнетателей...

17 октября 1918 г. Кушва.

...В Кушве я опять увидел китайцев. Теперь они сведены в особый батальон. Командует батальоном Жен Фу-чен. Однажды при мне китайские товарищи фотографировались на улице вместе с Филиппом Егоровичем Акуловым, Ослоповским, Юдиным и помощником командира полка С. Т. Акуловым.

Среди наших бойцов много разговоров о китайских товарищах.

Известно, что они любят оружие и никогда с ним не расстаются. Особенно ценят «машинки». Так они называют пулеметы. Штыков на винтовках у них больше, чем у нас. Следят за обмундированием, ходят с красными бантами.

У китайцев, как я успел заметить, дисциплина крепкая. Безоговорочно выполняют любое требование не только батальонного или ротного командира, но и взводного, и отдельного. Сами красноармейцы строго следят за порядком. К нам относятся, как братья. При встречах смеются, хлопают по плечу, жмут руку.

Жаль будет, если придется расстаться с ними. А такие разговоры ведутся. Говорят, что создается китайский полк.

Из дневника пулеметчика полка Красных Орлов, ныне генерала армии Ф. И. ГОЛИКОВА.

Бойцы китайского батальона с командованием
полка Красных Орлов.

Командный состав китайского батальона, действовавшего в составе 29-й стрелковой дивизии на Восточном фронте.

КОНЕЦ КОЛЧАКА

Иван НОВОКШОНОВ

И. М. Новокшонов.

Этот очерк написан ныне покойным уральским писателем Иваном Михайловичем Новокшоновым. В годы гражданской войны он командовал партизанскими соединениями Сибири. Старшее поколение уральских читателей до сих пор помнит его книгу «Партизанские были». Жена писателя Серафима Михайловна Новокшопова прислала в редакцию «Уральского следопыта» отрывок из воспоминаний своего мужа, посвященный гражданской войне в Сибири.

1

В середине ноября 1919 года до сибирских партизан дошли сведения, что Красная Армия заняла Омск, а Колчак, бросив свои войска, в особом поезде следует на Дальний Восток.

Белогвардейские части, огрызаясь на каждом удобном рубеже, отходили на восток, вдоль Сибирской магистрали. Разыгравшись метели, ударили морозы. Сибирские красные партизаны, появляясь то тут, то там, довольно успешно уничтожали белых, вступая с ними в ожесточенные бои.

В середине января 1920 года, когда 5-й Зиминский кавалерийский партизанский красный отряд, которым в то время мне довелось командовать, стоял в 18 верстах от станции Зима на Филипповском участке, в наш штаб приехали члены Зиминского революционного комитета товарищи Уразметов, Трифонов и Добрый-день.

Торопливо поздоровавшись со мной и партизаном чехом-коммунистом Кратохвиллом, Уразметов тщательно закрыл дверь на крючок и спросил, каким количеством свободных людей я располагаю в данное время.

— Сотни полторы-две, — ответил я, удивляясь вопросу.

— Маловато, — проговорил задумчиво Добрый-день. — А где остальные?

— Часть под Балаганском, часть под Тулуном, ну, еще кое-где. А собственно, зачем вам эти сведения?

— Для того, чтобы арестовать Колчака! — торжественно заявил Добрый-день, весело подмигнув нам. — Получили достоверную информацию от чешской подпольной ячейки: завтра днем в Зиму прибывает эшелон, в котором едет Колчак.

— А откуда ячейка об этом знает? — поинтересовался я.

— Значит, знает, если сообщает нам, партизанам. Даже номер поезда назвали — 58-«бис», офицерский вагон.

Эти сообщения для нас были неожиданностью. У меня, да и у многих из нас, почему-то сложилось мнение, что Колчак уже успел улизнуть за Байкал, и вдруг он еще только подъезжает к Зиме. Выдать, нелегко было «верховному правителю России» улирать от наступавшей Красной Армии, медленно двигался, осмотрительно: наших партизан боялся.

— Такого случая упустить нельзя, — торопливо говорил Добрый-день, шагая по комнате. — При всех условиях, во имя революции мы обязаны Колчака задержать.

Но, сколько мы ни толковали, так и не

придумали, как арестовать Колчака: у нас не было достаточных сил, на станции Зима у белочехов стояли: 4-й кавалерийский полк, три дивизиона артиллерии, один пехотный полк и два бронепоезда, один считая роты белогвардейцев, которая несла охрану станции. Соотношение сил далеко не в нашу пользу.

— Тогда хоть едем с нами в Зиму,— предложил Трифонов.— Может быть, там что-нибудь придумаем.

— Хорошо,— согласился я. Вызвал адъютанта Соседко, эскадронного командира Угроватого и ординарца Клещенко и сказал им седлать коней. Моим помощникам — Никитенко и Вакуленко приказал стянуть к штабу отряда все ближайшие части и быть готовыми выступить по первому требованию.

2

В город Зиму мы пробрались на рассвете 13 января через кладбище. На квартире Трифонов, куда пришли все члены местного революционного комитета, началось совещание. Между тем время шло. Со станции от одного чеха-коммуниста принесли записку, в которой он сообщал, что поезд 58-«бис» вышел со станции Тулун.

Необходимо было что-то решить очень быстро. И мне пришла в голову мысль отправиться непосредственно к начальнику белочехского гарнизона полковнику Ваня и в категорической форме потребовать от него выдачи Колчака.

— Так он тебе его и выпустит! — засмеялся Добрыйдень.— Тебя арестуют, и только.

— Попытка не пытка,— возразил я.— А арестовать — сейчас время не то: в Иркутске власть уже взяли в руки восставшие рабочие.

Меня поддержали почти все присутствующие.

Прямо средь бела дня Трифонов, Добрыйдень, Угроватов, Уразметов, Соседко и я пошли из квартиры Трифонов по городу и направились к вагону, стоявшему в тупике подле вокзала. Наше появление вызвало переполох. И не удивительно. Я и Соседко были одеты в длинные бурятские шубы, с нашивками на груди красными лентами, с надписью: «Вся власть Советам!» На шапках — красные партизанские треугольники, не говоря уже

об оружии, которым мы были увешаны, что называется, с головы до ног.

Подойдя к вагону, постучали. На дверях была дощечка с надписью: «Начальник гарнизона и комендант станции Зима полковник ВАНЯ».

На стук вышел ординарец, испуганно посмотрел на нас и спросил:

— Что угодно?

— Мы к полковнику по делу от политического центра. Доложите! — сказал Трифонов.

Нас пригласили в вагон.

В салоне стоял полумрак, лишь горела на письменном столе лампа под зеленым абажуром. В тени стоял широкоплечий полковник.

— Мы от политического центра,— обратился к нему Уразметов.— А это,— указал он на меня,— командующий Зиминским фронтом красных войск Ново-кшенов.

— Прошу садиться,— ответил полковник.

Мы сели.

— Дело в следующем,— начал я,— мой штаб получил сведения, что сегодня поездом 58-«бис» в офицерском вагоне едет Колчак.

— Вы уверены в своих сведениях? — со снисходительной улыбкой спросил полковник.

— Мой штаб еще не ошибался,— сказал я уверенно.— Сейчас же мы требуем от вас выдачи Колчака.

У полковника моментально вытянулось лицо.

— Этого я не могу сделать.

— Почему?

— Потому что Колчака здесь нет, и вам сказали неправду.

— Но мы знаем еще,— вмешался в разговор Добрыйдень,— что вы часа два тому назад получили телеграфное уведомление о движении поезда с Колчаком, а час тому назад вы, полковник, лично интересовались этим поездом.

— Однако вы знаете слишком много,— криво усмехнулся полковник.— Но все же выдать Колчака я не имею полномочий!

— Почему?

— Колчак находится в распоряжении Высшего союзного командования.

— Тогда мы возьмем его силой,— заявил я и, повернувшись к двери, где стоял Соседко, сказал ему: — Сейчас же отдайте приказ, чтобы все наши части подтяги-

вались к линии железной дороги и ожидали моих распоряжений.

— Слушаюсь, товарищ командующий,— не моргнув и глазом, ответил догадливый адъютант и, круто повернувшись, вышел из вагона.

Полковник нахмурился, потом поднял телефонную трубку и с кем-то стал топливо разговаривать по-чешски.

Нам сразу пришло в голову, не хочет ли он нас задержать. И все мы положили руки на оружие. Полковник заметил это, нахмурился, поспешно закончил телефонный разговор и более мягким тоном спросил:

— Для чего вам Колчак?

— Это враг нашего русского народа. Народ должен судить его! — ответил я резко.

— И все равно выдать его я не могу. Повторяю, он следует в распоряжение Союзного командования. Если вы хотите драться, я принимаю вызов...

В это время на первый путь, пыхтя, пошел поезд.

— Это пятьдесят восьмой? — спросил я.

— Да! — сухо подтвердил полковник.

— Тогда разрешите мне занять прохода для разговора с Союзным командованием.

— Не возражаю, — согласился полковник. Он явно хотел выиграть время.

3

На вокзале дежурный телеграфист с удивлением уставился на меня. Но ему тут же позвонили. Достав из полевой сумки карандаш и бумагу, я быстро набросал текст телеграммы, но не Союзному командованию белогвардейцев и оккупантов, а по Сибирской магистрали: «Всем, всем, всем. Всем начальникам партизанских отрядов и рабочих дружин... Сегодня 13 января в Зиму с поездом НР 58-«бис» зпт чешском вагоне прибыл Колчак тчк Принимаю меры его задержанию и аресту тчк Случае неудачи примите все меры задержанию Иркутске тчк Подтягивайте силы линии тчк Командующий Зиминским фронтом красных войск Новокшонов».

Телеграфист стал передавать мое сооб-

Н. МЕРЕЖНИКОВ

МИХАЙЛОВСКИЙ

В 1958 году Михайловский завод отпраздновал свое 150-летие. В годы царизма рабочие завода много раз бастовали под руководством большевистской организации. На заводе бывал в 1906 году руководитель Уральской 52-инициативной организации Артем (Сергеев). В годы гражданской войны многие рабочие Михайловского завода сражались в рядах Красной Армии и оказали помощь частям 28-й дивизии при освобождении Екатеринбург от белых.

Он стоит на причале
У речного пруда.
У него за плечами
И дела, и года.

Здесь взлетали листовки
По-над Первым Ключом.
Здесь бывал на маевке
Наш товарищ Артем.

Здесь в леса уходили,
В партизанский отряд,
И колчаковцев били
Из незримых засад.

шение. В это время Уразметов, отозвав меня в сторону, сообщил, что белочехи усиливают охрану колчаковского вагона.

— Продолжайте наблюдать,— сказал я тихо, не зная еще сам, что предпринять.

Подойдя к телеграфисту, который уже закончил передачу моей депеши, я потребовал, чтобы он вызвал к аппарату в Иркутске главного представителя Франции генерала Жанена.

Потянулись минуты томительного ожидания. Располагавшие на станции Зима значительными воинскими силами и наверняка знавшие силы наших партизанских отрядов, белочехские и колчаковские офицеры ничего не предпринимали. Только позднее, уже будучи в Иркутске, я понял, что они попросту боялись, были растеряны: Красная Армия в стремительном марше продвигалась к Иркутску. В случае боя с партизанами наша армия нагнала бы белочехов, они нарушили бы соглашение, отходя на восток, не вступать ни с какими революционными силами в боевые действия. А русские белогвардейцы — что они без иностранной помощи?

— У аппарата генерал Жанен,— вдруг выкрикнул испуганным голосом телеграфист.

— Передавайте,— стал диктовать я,— с генералом Жаненом говорит командующий Зиминским фронтом красных войск Новокшонов.

Телеграфист стал отстукивать мои слова, но вскоре заморгал глазами:

— Перебивают, требуют, чтобы мы выслушали их.

— Пусть говорят.

Телеграфист стал читать телеграфную ленту.

«С красными вообще не разговариваю. Жанен».

И аппарат затих.

Было уже около часу ночи, когда нам удалось, используя железнодорожный телеграф, связаться с революционным центром в Иркутске. Договорились, что Колчака не высаживать из поезда, пропустить до Иркутска. Но с поездом поедет наша охрана. Поехал мой адъютант Соседко.

Закончив все переговоры, я не мог отказать себе в удовольствии глянуть на Колчака. Пошел в вагон, где он находился. Постучался в купе.

— Да-да,— послышалось из-за двери.

Мне почему-то вспомнилась иркутская тюрьма. В Иркутске Колчак принял на себя звание верховного правителя России. Там колчаковцы перестреляли многих, в их застенках с невероятной жестокостью истязались невинные люди. Конечно, в Иркутске и должен быть конец Колчаку.

Взяв себя в руки, я резко открыл дверь.

На маленьком предоконном столике догорала свеча, в одиночестве сидел небольшой перепуганный человечек. Это

СТАРЫЙ ЗАВОД

...О заре всей округе
Возвещает гудок.
Льется в двери упругий,
Мускулистый поток.

Жжет привычные лица
Огневая пурга,
Меж валами струится
И свинец, и фольга.

И увозят вагоны
По лучистым путям
Этот груз многотонный
В Ленинград и Вьетнам.

Но шуметь не привычен
Работяга-завод.
Здесь в спокойном величье
Семялетка идет.

был сам Колчак. Одет он был в черный френч с адмиральскими погонами. Но вид у него был прежалкий, как у всякого, кто слишком много берет на себя и, не получив поддержки народа, терпит крах.

Естественно, что говорить нам с ним было не о чем.

Выйдя из вагона, я подозвал Угроватого и отдал распоряжение готовить лошадей. Соседко, расцеловавшись со мною, полез в вагон.

Через час мы уже двигались на лошадах из Зимы к себе в штаб отряда. У опуш-

ки леса, что тянулся возле села Ухтуй, услышали паровозный свисток и остановились. Мимо нас прошел длинный состав из пассажирских вагонов. Этот поезд шел на Иркутск под недремлющим и строгим наблюдением революционных рабочих и партизан на каждой станции, на каждом полустанке.

Иркутск стал последней станцией адмирала Колчака. 7 февраля 1920 года Иркутский военно-революционный комитет выполнил волю рабочего класса. Колчак был расстрелян.

Ангара наших дней.

КОЛЧАК

7 февраля в 5 часов утра на берегу реки Ангары приговор над Колчаком был приведен в исполнение. Вот как описал этот акт председатель Иркутской Чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновский:

«Все формальности, наконец, закончены. Выходим за ворота тюрьмы. Мороз — 32—35 градусов по Реомюру. Ночь лунная, светлая. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской отдается гудкое эхо отдаленных оружейных и ружейных выстрелов. Конвой разделен на два колья. В середине колец — Колчак.

В 4 часа утра пришли мы к назначенному месту. К этому времени выстрелы со стороны Иннокентьевской стали слышаться все яснее, все ближе и ближе. Порой казалось, что перестрелка происходит совсем недалеко от нас. Мозг сверлила мысль: в то время, когда здесь кончат свою подлую жизнь враг народа, в другой части города, может быть, контрреволюция делает еще одну попытку громить мирное трудящееся население.

Раньше чем отдать распоряжение стрелять, я в нескольких словах разъяснил дружинникам значение этого акта.

Все готово. Отдал распоряжение. Дружинники, взяв ружья наперевес, становятся полукругом. На небе полная луна, светло.

Мы стоим у высокой горы, к подножию которой примостился небольшой холм. На этот холм поставлен Колчак — высокий, худощавый, тип англичанина. Голова немного опущена.

Команда дана. Где-то далеко раздался пушечный выстрел, и в унисон с ним, как бы в ответ ему, дружинники дали залп. И затем, на всякий случай, еще один.

Приказ ревкома выполнен. Расстрел Колчака ускорила контрреволюция своими выступлениями, поэтому яма не была приготовлена.

— Куда девать труп? — спрашивают начальники дружины и командант тюрьмы.

За меня ответил один из дружинников:

— Палача сибирского крестьянства надо отправить туда, где тысячами лежат ни в чем не повинные рабочие и крестьяне, замученные колчаковскими карательными отрядами... В Ангару!

И труп был спущен в вырубленную дружинниками прорубь.

Так закончил свой путь «правитель» Колчак!.

Старому Екатеринбургу

Домики, дома...

дома-гнилушки

Да заборы между них косые.

Ревматизмом будо

скрючил избушки,

Старые избушки, вековые...

Древний город грязноват и бур,

В землю гор уходят избы-срубы.

Старый-старый Екатеринбург

Тихо шепчет

сквозь гнилые зубы:

— Худо мне,

глаза болят от лоска

Новых улиц и домов просторных.

Уступаю место я Свердловску,

Неохотно уступаю,

но покорно!

Кое-где еще цепляюсь.

Грязью жидкой

Заливаю зеркала дорог.

Жители мги дома-пожитки

Выбросить стремятся за порог...

Да, прощай, старик,

седой и древний.

Кем ты был?

Дворцы среди деревни!

Мы оставим их себе, как память,

Гордые творенья наших зодчих.

Здания, что сделаны руками

Крепостных, потомственных рабочих.

Все, что гений твой поставил броско,

Что историей завешано беречь нам,

Мы всегда на улицах Свердловска

Будем чтить, хранить,

и любоваться

вечно!

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Татьяна Ильинична Наумова-Теумина — член КПСС с 1917 года, участница вывоза последнего русского царя Николая Романова с семьей из Тобольска в Екатеринбург. Эта операция была проведена под руководством начальника Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии матроса Павла Хохрякова по заданию Уральского исполкома Советов.

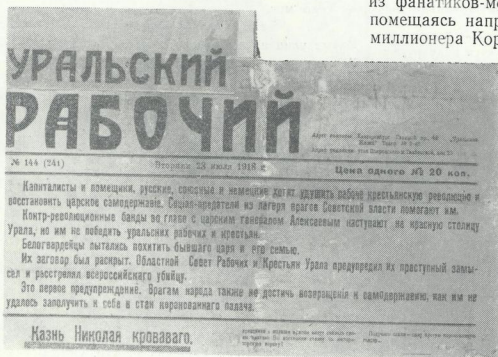
Заметки «Последние дни последнего царя» написаны Татьяной Ильиничной по просьбе «Уральского следопыта».

В начале 1918 года из Екатеринбурга в Тобольск несколькими мелкими группами отправились 16 уральских большевиков. Поехали тайно: одни — будто бы на свадьбу к родственникам, другие — на заработки, третьи — за рыбой.

В Тобольске, на высоком берегу Иртыша, в центре города, в самом лучшем, бывшем губернаторском доме, жил со своей семьей последний русский царь Николай Романов, прозванный Кровавым. По требованию рабочих Петрограда после Февральской буржуазной революции он был арестован, и затем правительство Керенского спрятало его в Тобольске:

словно сыр в масле катались. Дом стоял в огромном парке. В восемнадцати комнатах — роскошные портьеры на дверях и окнах, на полу — ковры, прекрасная мебель, частью привезенная из царских дворцов. В дни, когда рабочие жили впроголодь, Николай Романов задавал пиры. Однажды газета «Уральский рабочий» напечатала обеденное меню царя в Тобольске, и эта заметка вызвала всеобщее возмущение уральцев — в редакцию посыпались гневные письма с требованием «прижать» Николая Кровавого. Масса челяди с низкими поклонами и величаниями обслуживала царя, специальная охрана из фанатиков-монархистов оберегала его, помещаясь напротив, в доме тобольского миллионера Корнилова.

После Октябрьской социалистической революции в Тобольске по всем гостиницам разместились графы, князья, придворные царя. Вся свора его приверженцев начала собираться в Тобольск. Прислуга царя могла свободно входить в его дом и выходить из него. Прибытие из Екатеринбурга большевики узнали, что царская семья вела оживленную переписку с монархистами, наводившими гор-

ров пригодится. Сам Керенский говорил полковнику Кобылинскому, начальнику охраны царя: «Не забывайте, что это император. Его семья не должна ни в чем нуждаться».

Бывший царь Николай II, его жена, четыре дочери и сын жили в Тобольске,

род. Нашли письмо дочери бывшего царя Марии к епископу тобольскому Гермогену, в котором она прямо поручала ему организовать бегство царской семьи.

Тобольск, находясь далеко от железной дороги и промышленных центров, жил по-старому. Октябрьская революция его

ПОСЛЕДНЕГО ЦАРЯ

тогда еще не коснулась. В городском Совете рабочих и солдатских депутатов орудовали меньшевики и эсеры. Царской семьей весьма интересовались различные контрреволюционные вожди и даже английский король. Немало тогда еще было людей, которые тешили себя надеждами восстановить в России власть царя.

Первое, за что пришлось пробравшимся в Тобольск большевикам под началом Павла Даниловича Хохрякова приняться, — это за перевыборы городского Совета. В такой напряженной обстановке надо было взять охрану царя в более надежные рабочие руки. В Тобольске имелось несколько лесопильных заводов и небольшие консервные фабрики. Настроение у рабочих было боевое. Уральские большевики провели несколько тайных митингов, собраний, рассказали населению, что происходит в стране. Затем, опираясь на рабочих города, провели перевыборы Совета. Председателем Совета был выбран Павел Хохряков, а двое уральцев — членами Совета. Большевики и эсеры, которые не только хлопали ушами, но и потворствовали скоплению приверженцев царя в Тобольске, были отстранены от власти.

Новый городской Совет взял под свое наблюдение охрану бывшего царя. Были созданы отряды Красной гвардии, из Екатеринбурга и Омска красногвардейцам приехало подкрепление. Ограничили и снабжение царской семьи: Николаю Романову вручили продовольственную карточку.

Конечно, не все шло гладко, и не так просто, как сейчас вспоминается. Начальник охраны бывшего царя полковник Кобылинский хотел расстрелять Павла Хохрякова. Надо было торопиться вывозить царскую семью в Екатеринбург. Мы знали, что, как только вскрыются реки, царская семья может убежать. Для этого, как потом стало известно, была приготовлена морская шхуна английского происхождения — «Святая Мария», команду ее монархистам удалось подобрать целиком из приверженцев царя, они собирались уплыть из России через устье Оби и Кар-

«Уважаемая редакция! Хотелось бы на страницах вашего журнала прочитать чем кончил последний русский царь Николай Романов. Об этой истории давно не пишут в нашей печати, молодежь ее не знает, ходят и всякие провокалки. Я слышал, что царь находился в Тобольске и его, будто бы, хотели выкрасть в Англию, а потом в Екатеринбурге его пытались освободить пом. Как же все-таки Николашу удалось расстрелять?»
В. НЕСТЕРОВ, г. Нижний Тагил.

ское море. Позднее эта шхуна участвовала в боях против нас на стороне белых.

Усложнил дело приехавший в Тобольск из Москвы с полномочиями от ВЦИК некто Яковлев-Мячин, чтобы возглавлять экспедицию по вывозу царя. Поведение Яковлева-Мячина нам показалось подозрительным: он все умалчивал, куда повезет царя, слишком был приветлив с царской семьей и полковником Кобылинским.

Но отряд уральских красногвардейцев сменил прежнюю охрану царя. Командантом дома стал уральский большевик Авдеев.

Николай Романов видел решительность большевиков и готов был подчиниться ехать из Тобольска в Екатеринбург. А бывшая царица — Александра за-

К. И. Наумов. Т. И. Наумова-Теунина, П. Д. Хохряков.

Передача бывшего царского семейства представителям Уралсовета 30. IV. 1918 года в Екатеринбурге на станции Шарташ. С картины В. Пчелина.

упрямилась, не хотела, нашла предлог — болен сын Алексей. Яковлев тоже заколебался. Тогда Павел Хохряков сказал, что если сейчас, пока не вскрылись реки, не увезут бывшего царя, то он ни за что дальнейшее не ручается. Его поддержали все уральцы.

«26 апреля 1918 года, — рассказывает в своих воспоминаниях товарищ Авдеев, сопровождавший царскую семью до самого Екатеринбурга, — в 4 часа утра... было подано одиннадцать троек и пять пар лошадей для семьи и охраны.

Все сборы шли гладко до тех пор, пока Александра не начала требовать трех слуг, вместо двух. Места в повозках были строго рассчитаны. Яковлев согласился исполнить ее требование и стал настаивать, чтоб мы где-нибудь поместили третьего слугу. Пришлось вновь делать некоторые перемещения. Кроме того, багажа оказалось больше, чем было заявлено. Пришлось доставить еще одну повозку, на это ушло еще около часа... С Николаем рядом поместился в экипаже Яковлев.

Помимо красногвардейской пехоты, разместившейся с тремя пулеметами на экипажах, впереди и сзади ехала кавалерия под командой тов. Зенцова. Впереди шла на конях разведка из шести человек красногвардейцев.

Дорогой часто приходилось менять сани на телеги и наоборот, так как в ложбинах еще лежал снег, а местами была голая земля.

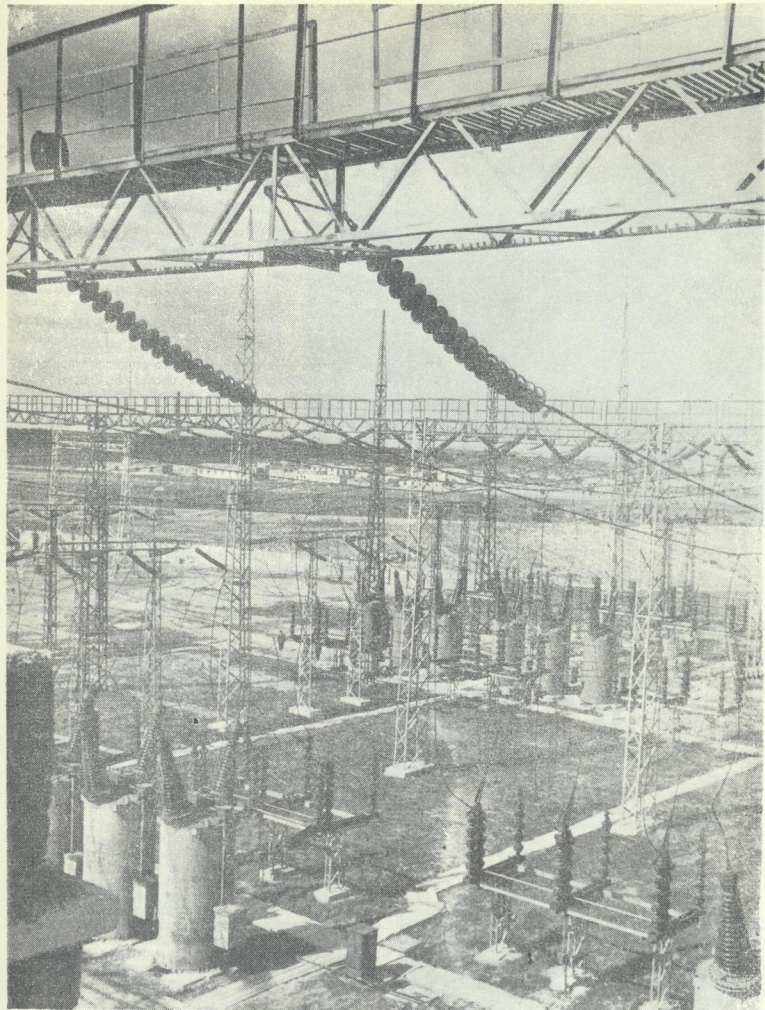
В двое суток в самую распутицу на лошадях мы оставили за собой 260 верст и прибыли в Тюмень. На пути население знало, что везут бывшего царя, хотя мы и старались скрыть это. В деревнях и селах все крыши домов, заборы были плотно усеяны людьми. Крики народа выражали любопытство или злорадство: «Что? До царствования!», «Новое-вался!»

Когда арестованную царскую семью привезли в Тюмень, то Яковлев-Мячин пытался было двинуть всю экспедицию по железной дороге к Омску. Тогда уральцы срочно послали телеграмму в Екатеринбург, и Уральский исполком Совета объявил Яковлева-Мячина вне закона, всем советским органам предписывалось задерживать его, а поезд с царем взорвать, если он пойдет на восток. Яковлев затем открыто перешел на сторону белых.

А Николая Романова уральцы-красногвардейцы доставили по назначению. В Екатеринбурге его с семьей поместили в доме подрядчика Ипатьева, сократили штат царской прислуги, разместили всех в нескольких комнатах. Особняк обнесли забором, у входа и внутри поставили надежную охрану красногвардейцев.

Бывшего царя Николая Романова предполагалось судить открытым судом, ждали из Москвы революционный трибунал. Но наступили тяжелые для Урала дни. Вспыхнуло контрреволюционное восстание чехословацкого корпуса, белые заняли Сибирскую железную дорогу, все ближе и ближе подходили к Екатеринбургу. Подозрительные личности стали мелькать перед домом заключения царской семьи. В городе было раскрыто несколько контрреволюционных заговоров. Монархисты хотели освободить Николая, чтобы сделать его знаменем борьбы с молодой Советской Республикой.

Поэтому Уральский областной Совет вынужден был принять чрезвычайное решение: расстрелять бывшего царя и его приближенных. В ночь на 17 июля 1918 года постановление Уральского Совета было выполнено.

Снимок В. ДИАНОВА.

НА КАКОМ ЗАВОДЕ ДЕЛАЮТ ТАКУЮ АППАРАТУРУ?

Читай об этом на стр. 67.

А. ГУНДОРИН,
генерал-майор в отставке,
бывший начальник артиллерии
28-й дивизии II Армии Восточного фронта

О том, что сердце старого Урала — Екатеринбург освободила от интервентов и белогвардейцев 28-я дивизия II Армии Восточного фронта, пожалуй, знают все. А вот о том, как это произошло, до сих пор не приходилось встречать более или менее подробных описаний.

Мне операция по освобождению Екатеринбурга хорошо запомнилась, как один из самых этапов боевого пути нашей дивизии. В день сороковой годовщины освобождения Урала от временной власти контрреволюции хочется рассказать читателям «Уральского следопыта», как это было.

24 мая... На всем без малого стокилометровом участке дивизии закончены последние приготовления. Части подведены к реке. Темная-темная ночь. Тихо. Ни одного выстрела. Переваляло за полночь. Лодки и небольшие плоты отчалили. На них — канаты, один конец которых закреплен на нашем берегу, другой конец предстоит укрепить на вражеском. Эти канаты помогут переправить большие плоты. Чтобы подойти бесшумно, работали длинными шестами.

Лодки и плоты подплыли к противоположному берегу совершенно незамеченными. Большинство сторожевых постов и охранение противника были сняты без выстрела. С головным 249-м полком начальник дивизии Азин одним из первых вступил на вражеский берег и отсюда командовал боем. Вслед за отважными передовыми бойцами непрерывным потоком пошли большие плоты.

КАК ОСВОБОДИЛИ

На дальних подступах

Весной 1919 года началось общее контрнаступление армий Восточного фронта.

На Южный Урал наступали четыре армии под командованием М. В. Фрунзе, на Средний и Северный Урал — II и III армии (командующий В. И. Шорин). 28-я дивизия во главе с В. М. Азиным наносила главный удар на участке II Армии.

Дивизия занимала позицию на правом берегу Вятки от ее устья до Вятских Полян. Две недели шла напряженная подготовка.

Начаться наступление должно было с переправы через Вятку. Летом ленивая и неширокая, теперь в мае, приняв талые воды северных лесов, река разлилась и стала глубокой. За две недели до начала переправы на берегу были подготовлены плоты, лодки, канаты. К определенному часу снизу должны были подойти пароходы.

Передовые подразделения, не задерживаясь на берегу, быстро двинулись вперед. Беляки в это время сладко спали. Многие офицеры и солдаты были взяты в плен полураздетыми, в белье, босыми, без оружия. В белогвардейских частях возникла паника, особенно усилившаяся, когда в дело вступила артиллерия.

А тем временем началась массовая переправа. Подоспевшие пароходы перевозили тяжелое вооружение, обозы. Бойцы плыли на плотах и лодках.

Дивизия прорвала фронт и стремительно двинулась вперед. 27 мая, нанеся поражение двум дивизиям белых, азины заняли Елабугу, 1 июня — станцию Аргыз, а 2 июня вошли в Сарapul. Вскоре были освобождены Воткинск и Ижевск. Дивизия на широком фронте выдвинулась на рубеж Камы. Полноводная, широкая, быстрая река представляла собой препятствие куда

более серьезное, чем Вятка. Колчаковцы могли рассчитывать на то, что она надолго задержит наступающих и даст возможность белогвардейцам привести себя в порядок.

Не тут-то было!

Не давая противнику опомниться, Азин переправился в районе к северо-востоку от Воткинска, на левый берег Камы, и разгромил белогвардейскую дивизию, благодушеествовавшую в армейском резерве. Азины нависли над правым флангом армейской группировки белых, точно хорошо отточенной пилой подпиливая фронт противника.

Колчаковцы покатались на восток. Дивизия Азина шла в острый клин наступающей Красной Армии, напеленного на узловую стратегическую позицию белых — город Екатеринбург.

На волосок от смерти

Дивизия находилась северо-западнее Красноуфимска. Три колонны растянулись по дороге. Слышались редкие ружейные выстрелы, однообразная трель пулеметной очереди.

И вдруг из-за роши слева появился открытый экипаж, запряженный парой серых лошадей. Впереди и позади ехали всадники.

Коляску заметил Азин.

ЕКАТЕРИНБУРГ

— Кого это там несет? Словно на охоту собрались! Борзых только не хватает... А ну, Стяг, поезжай, узнай, что за птица...

Не дожидаясь возвращения ординарца, Азин поскакал напрямик по лугу, наперез коляске. За ним двинулись двое командиров и остальные три ординарца.

Расстояние между группой конных и коляской быстро сокращалось. И вдруг из экипажа раздалась pistolетная очередь. Пули просистели вблизи всадников, но никого не задели. Азин придержал коня и дал два выстрела из револьвера.

Одна из лошадей упала, коляска остановилась.

Азин шагом подъезжал к экипажу. В нем лежал офицер в полковничьих погонах. Голова его была пробита пулей. Молодая дама в шляпе с пером и газовом платье, залитом кровью, порыви-

Группа азинов (крайний справа, в первом ряду, начальник артиллерии 28-й дивизии А. П. Гундори). Снимок 1919 года.

сто встала. В ее руке сверкнул маленький никелированный браунинг.

Дама успела дать два выстрела. Третьего не последовало. Подоспевший ординарец ударил ее обухом сабли по руке. Револьвер упал. Через минуту были разоружены и сопровождавшие экипаж.

Азин подъехал...

На сафьяновых подушках коляски, сжав ушибленную кисть другой рукой, сидела женщина, исподлобья сверкавшая глазами.

— Что с рукой у ней? — кивнул на даму наддив.

— Сняк, товарищ Азин, — отозвался ординарец. — Я ее легонько...

Дама вскинулась:

Первое печатное сообщение о взятии Екатеринбурга.

Екатеринбург взят Красными войсками.

Ваша столица Урала вновь поднята Красные знамя.

Завина это будет развиваться над нами Уралом Трудовое Красное знамя, а знамя, чтобы в совместной работе с Красной Армией победить врага народа.

Вперед к победе!

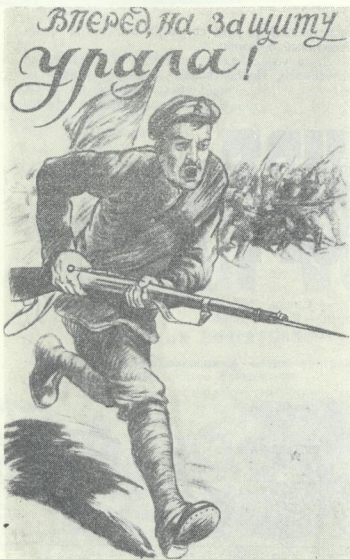
Красный Урал.

— А, так передо мной знаменитый Азин!..
Вдвойне жаль, что промахнулись и муж и я...
Такая встреча! Я мечтала о другой. Например, в
зале суда... или, еще лучше, у виселицы!

случай на подступах к Екатеринбург, который
чуть не стоил ему, если не жизни, то тяжелой
раны.

Плакат времен гражданской войны.

Бригада идет в обход...

Чем ближе наши части приближались к Екатеринбург, тем сильнее становилось сопротивление белых. На рубеже Артинский — Бисертский — Сылвинский заводы колючковцы попытались зацепиться, но были опрокинуты дружным ударом всех дивизий 2-й Армии. Белые откатились и заняли более выгодные позиции на линия Михайловский завод — Нижние Серги — Новоуткинск — Старая Утка. Целый день шел бой, но белые держались.

Азин посоветовал командарму Шорину обойти линию обороны белых. С предложением согласился, а выполнение задачи возложили на Азина.

В обход пошла бригада Томулевича с дивизионом артиллерии. Местность была совершенно неизвестная, но на помощь пришли рабочие Артинского и Михайловского заводов.

По лесным дорогам бригада за ночь обошла укрепленный район и скоро дала о себе знать в глубоком тылу противника. Уловив момент, Азин атаковал противника с фронта. Белые начали отходить по всему участку. Только в центре, западнее Ревды, еще пыталась сопротивляться группа, опираясь на бронепоезда, броневики и артиллерию.

День склонялся к вечеру. Азин нервничал. О бригаде Томулевича вестей не поступало. А надо было решать вопрос об атаке на Екатеринбург.

— Поспешишь — людей насмешишь... Если Томулевич не успеет подойти к городу, наступление приведет к тому, что вышибем белых, как пробку, из Екатеринбурга, и только... А нам нужно разгромить врага!

Но, как бы то ни было, надо принимать решение. Азин отдал приказ: к 12-часам дня 14-го овладеть Екатеринбургом.

Весь день шел бой. Полдень уже давно остался позади, а головные части дивизии все еще находились в шести-семи верстах от города.

* * *

Из темного бора выехал боец на взмыленной лошади.

— Товарищ Азин, донесение от комбрига Томулевича! Доставил донесение разведчик Федоров.

— Ну, где он? Быстрее!

Конный снял фуражку и начал рыться внутри околыша.

— Почему не в конверте?

— Приказано хорошо спрятать!

Азин читал донесение: «Багаж послан на двух подводах... Одна через Нижне-Исетский на восток деревни, другая войдет в деревню с юга...»

— Что за деревня? — спросил Азин.

— Деревней обозначен Екатеринбург, — ответил Федоров. — На словах приказано передать: в город бригада войдет к 22 часам.

Азин посмотрел на часы.

— Сейчас 21.30. Понятно!.. Как сюда прибыли?

— Ехал лесом. Два раза наскочил на белых. Конный преследовал, но не догнал, — отработовал Федоров.

— Оре! Останешься здесь... — И, обращаясь к начальнику разведки Витовту, сказал: — Есть возможность не выпустить противника из города. Бери ординарца и — в город, там встречай людей Томулевича. Не исключена встреча с противником, возьми мою фураку, а то твоя на офицерскую уже давно не подходит...

Витовт отозирался и повернулся.

— Постой! Забери с собой артиллериста... Ну, того, что в железнодорожной будке десяток белых в плен забрал.

Азин пошелкал пальцами.

— Начальник артрязведки Чирков, — подкасал я.

— Исполняйте!

Чисто исполнено!

Походная застава Полтавского полка вошла в Екатеринбург. За ней следовал головной отряд полка.

В первом же квартале города ее встретил конный, который доложил:

— Я от Витовта! За мной — колонна противника с артиллерией... Встречайте!

Колонну без боя, прямо с марша разоружили и захватили батарею.

Как это могло случиться?

Об этом Витовт рассказывал так:

— Вошли мы с разведчиками в город. Проехали сажен триста, видим, стоит пехотная колонна. Около тротуара несколько человек разложили карту прямо на мостовой, чиркают спичками и громко спорят. Когда мы приблизились к этой группе, Чирков крикнул:

— Ваше превосходительство, вот они где, а мы их ищем...

Я подбежал к группе, ко мне подбежал офицер и доложил:

— Докладывает командир первого батальона Иркутского полка капитан Морозов. Господин под-

полковник с офицерами полка уехали вперед. Мне поручено вести полк. Есть данные, что противник стремится выйти на юго-восточную окраину города. Я наметил идти на северо-восток, чтобы не попасть под обстрел...

Витовт перебил капитана:

— Черт знает что! Вся дивизия разбрелась, никак не соберу. Ну, как, вы ориентировались, господин капитан?

— Не успел, ваше превосходительство. Только начали развертывать карту...

— Вы сбились с маршрута, капитан! Где арtdивизион?

— У нас батарея.

— Вот что, господин капитан. Поворачивайте колонну налево, а потом, через два квартала, поверните направо, да быстрее, не задерживайтесь.

— Разрешите, ваше превосходительство... — начал было капитан, но Витовт перебил его: — Разговаривать будем потом, подавайте команду!

— Слушаюсь! — капитан Морозов скомандовал: — С места правое плечо вперед, ша-аго-ом марш! — И тут же двинулся к голове колонны, но Витовт приказал остаться

— Хочу посмотреть ваш полк...

Когда стал вырисовываться хвост колонны, Витовт спросил:

— Это ваш первый батальон?

— Никак нет, здесь весь полк, — слышался ответ: — Полк понес большие потери, осталось всего 320 штукоч...

Витовт поехал.

Чирков дождался подхода батареи. В этот момент в голове колонны полка поднялся шум. Колонна остановилась. Там Азин и Головок уже начали разоружать Иркутский полк.

Воспользовавшись остановкой, Чирков скомандовал что есть силы:

— Конные, слезай! Орудийные расчеты — в голову колонны!

Кто-то закричал:

— Кто командует? Кто командует?

Но команда уже была выполнена. Все конные

На добрую память
 Начальнику штаба 28-й дивизии
 Гундориному А. П.
 о победах:
 Казани, Маматашова, Вятских-Полян,
 Елабуги, Ижевске, Воткинске,
 Екатеринбург, 14/VII - 23 ч. 10 м. 1919 г.
 От благодарного и
 любящего
 начальника 28-й дивизии
 Азина

Автограф начальника Азина на фотографии,
 подаренной А. П. Гундориному в Екатеринбурге.

и орудиные расчеты бежали вперед. Подспела пехота, и батарея была захвачена.

Когда все закончилось, Азин с удовлетворением сказал:

— Чисто исполнено!

Дорогая реликвия

Части дивизии действовали дружно, город был охвачен с трех сторон. В первую очередь были заняты почтамт, вокзал, товарная станция, городская управа, помещения штабов различных воинских учреждений и казармы. Уличных боев почти не было. Воинские части противника не стремились организовать оборону, а рады были вырваться из города и уйти из-под удара.

Азин телеграфно донес командарму Шорнину, что задача, поставленная командармом, выполнена — 28-я дивизия ворвалась в город и полностью очистила его от остатков колчаковцев.

На железнодорожных станциях скопилось много эшелонов с военным имуществом. Диверсионные группы противника пытались сжечь их, но безуспешно. Здесь же застряли несколько эшелонов с воинскими и тыловыми учреждениями белых. В переполненных до отказа вагонах было полно бежавших с белыми буржуев, чиновников, попов, спекулянтов.

Солдат и офицеров разоружили. В течение нескольких дней очистили город и его окрестности от попрытавшихся колчаковских офицеров и разного рода «деятелей». Вылавливать всю эту нечисть помогали нам рабочие Екатеринбург и даже ребятишки.

К утру 15 июля штаб дивизии переместился в центр города. В тот же день приступил к работе революционный комитет Екатерин-

бурга. Вместе с работниками ревкома штаб бывал на заводах, мы побеседовали с рабочими.

Тогда же В. М. Азин подарил мне свою фотографию, на обороте которой сделал надпись:

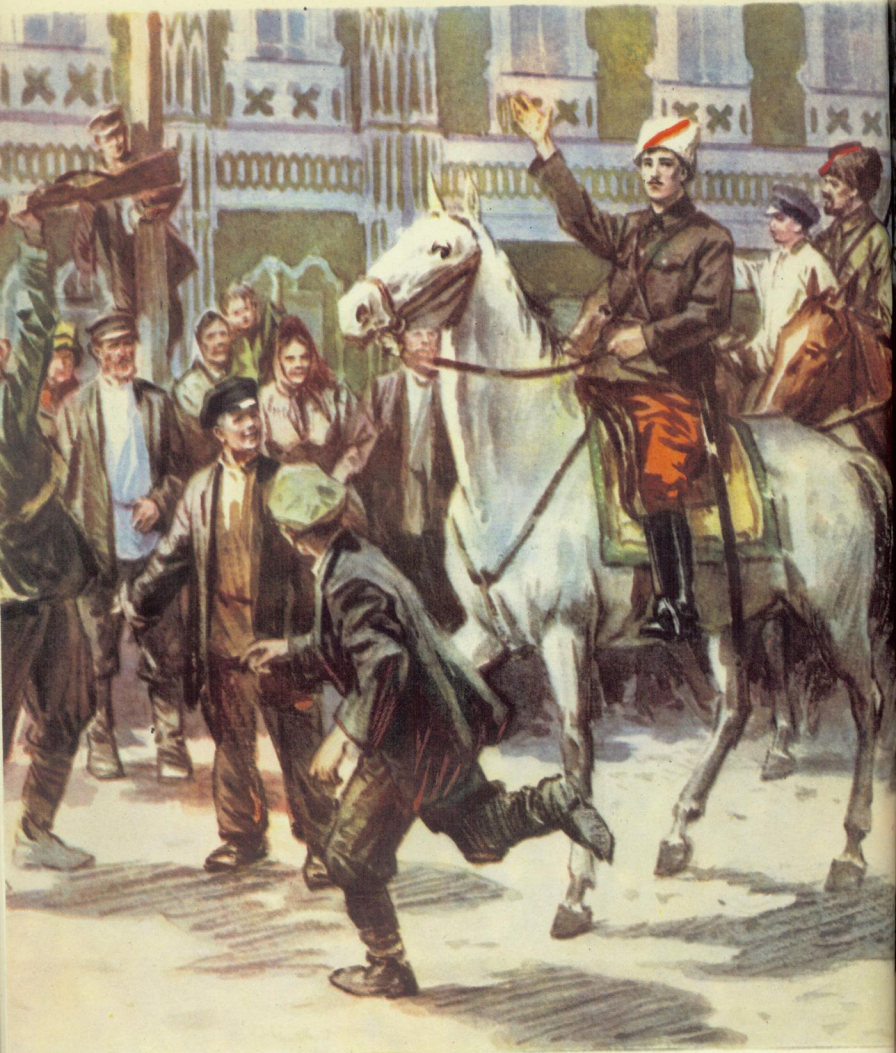
«На добрую память начальнику артиллерии 28-й дивизии Гундориному А. П. о победах: Казани, Маматашова, Вятских Полян, Елабуги, Ижевска, Воткинска, Екатеринбург, 14/VII — 23 ч. 10 м. 1919 г. от благодарного и любящего начальника 28-й дивизии, Азин».

Этот памятный документ я храню и сейчас вместе с самыми дорогими реликвиями.

Екатеринбург в июле 1919 года. Вид с Пешивой горы.

Рисунок А. Вязникова.

То был боец победной славы,
Герой, испытанный борьбой,
Несущий грозные расправы
Врагам свободы дорогой.

То был защитник угнетенных,
Один из близких, дорогих,
И верный друг обремененных,
Товарищ Азин, наш начдив.

*Из красноармейских
стихотворений*

Владимир Азин с бойцами своей дивизии в Екатеринбурге.

Рисунок В. Васильева.

Свердловск (Екатеринбург) в июле 1959 года.
Вид с Обсерваторской (Плешивой) горы.

Рисунок А. Вязникова.

Красные дьяволята

П. БЛЯХИН

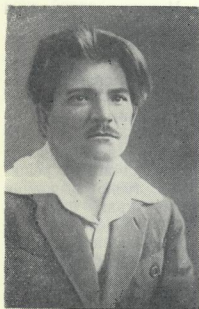
Повесть

На вопросы наших читателей об авторе «Красных дьяволят» редакция сообщает, что Павел Андреевич Бляхин — один из старейших советских писателей, участник трех русских революций, гражданской и Великой Отечественной войн.

Кроме «Красных дьяволят», им написаны повести «Москва в огне», «На рассвете», «Дни мятежных» и другие произведения.

На фото слева председатель Екатеринбургского губревкома П. А. Бляхин в 1920 году.

На фото справа писатель П. А. Бляхин в 1959 году.

ПОГОНЯ

Проехав шагов около полуверсты и выбравшись на знакомую дорогу, Овод пустил коней крупной рысью. Вот уже близко опушка леса, меж деревьев просвечивает небо. Овод натянул поводья и, осмотревшись по сторонам, крикнул, шодрая филину.

Продолжение. Начало см. в № 6.

В ответ из лесной глуши зловеще заркал ворон. Через минуту у самой морды лошади, словно из земли, вырос Следопыт, а за ним появился и Ю-ю с карабином в руках. При виде Овода он широко и радостно улыбнулся.

Лошади в испуге шарахнулись в сторону, едва не сбросив седока.

— Экий ты, леший, как кошка ходишь, — рассмеялся Овод, бросая повод второй лошади Следопыту, — принимай скорей, и марш!

— Что, погоня? — хладнокровно спросил Мишка, одним махом вскакивая в седло.

— Погони еще нет, но она будет. Голубая Лисица в таком бешенстве, что перебьет всю свою банду, если мы не будем пойманы.

— Тогда летим. Садись за мной, Ю-ю.

— Караша, капитана, — тихо отозвался Ю-ю, вскакивая на круп коня позади Мишки.

— За мной! — скомандовал Мишка, взмахнув плетью.

Горячие кони помчались по дороге, взметая вихри пыли.

Лес вскоре кончился. Впереди извилистой лентой тянулся сердитый Днепр.

Беглецы круто повернули вверх, по течению, к известному им броду. По расчетам Мишки, до него оставалось пять-шесть верст, не более. И, если им удастся благополучно перебраться на ту сторону реки, дело будет выиграно, там уже недалеко до военной зоны красных.

Быстроногие маховские кони понравились Мишке, и он на скаку крикнул Оводу:

— Если увидишь Голубую Лисицу, передай ей спасибо за хороший подарок!

Овод рассмеялся:

— Я оставил ей благодарственную записку — будет довольна!

Над Днепром поднялась огромная багровая луна.

— Эка вынесло тебя не вовремя, — сердито проворчал Мишка, стегнув коня, — за десять верст заметят!

В ушах засвистал ветер, из-под копыт лихих коней посыпались искры. Но вскоре Мишка замедлил бег и стал искать гряду камней, обозначающую брод.

Луна, как назло, спряталась за облако, и густая тьма сразу окутала реку.

Не заметив брода, ребята промчались еще с версту вдоль берега. Но вдруг Мишка так круто осадил лошадь, что она взвилась на дыбы, а Овод оказался на десятке шагов впереди.

— Что случилось? — тревожно спросил он, равняясь с Мишкой.

— Тихо! — Мишка прислушался. — Погоня!

А луна, словно издеваясь над ребятами, во всей красе снова выплыла из-за облака, заливая Днепр и все вокруг чудесным сиянием.

— Вон брод! — радостно вскрикнул Мишка, показывая на знакомую кучу

каменной, мимо которой они промчались в темноте. Но позади уже слышался топот многочисленных копыт, а через мгновение ребята увидели бешено мчавшийся отряд бандитов. Скакать дальше вдоль берега не имело смысла — рано или поздно нагонят. Единственный выход — первыми перейти брод и попытаться задержать погоню. Все это Мишка сообразил в одну секунду и отдал команду:

— Сыпь, до брода!..

Беглецы вихрем промчались навстречу врагам и, круто повернув коней, ринулись в воду.

Заметив ребят, маховцы пронзительно взвизгнули и тоже устремились к броду. Однако беглецы уже были на том берегу.

Вылетев из воды на кручу, Мишка отчаянно свистнул и дал шпоры коню:

— Вперед, буденовцы!

Но в этот момент маховцы с седла дали залп по беглецам.

Обе лошади грохнулись на землю, отбросив в сторону своих седоков.

— Вот когда мы встретились! — сердито проворчал Мишка, вскакивая на ноги и хватаясь за маузер.

— Ну, нет, — возразил Овод, — мы еще посмотрим. Во всяком случае, маховские бумаги мы должны спасти во что бы то ни стало.

Во всем подражая Мишке, Ю-ю спокойно снял с плеч свой «карабай». Он редко принимал участие в обсуждении обстановки, но действовал всегда решительно и мужественно, точно выполняя любое приказание командира.

— Ложись и за мной! — скомандовал Мишка, придумав какой-то маневр.

Он прополз шагов пятьдесят вдоль берега и залег за огромным камнем. Ю-ю и Овод последовали его примеру.

— Так как же быть с бумагами? — спросил Следопыт, лежа на животе и зорко наблюдая за противником.

Овод снял сумку с плеча и, передавая ее Ю-ю, сказал:

— Эту сумку Ю-ю немедленно доставит нашим, а мы задержим бандитов у переправы.

— Да, ты прав, всем спастись не удастся, — тотчас согласился Следопыт. — Но не лучше ли тебе самому пойти с бумагами, а мы с Ю-ю дадим бой...

— Нет-нет! — решительно перебил Овод. — Ведь мы дали клятву не покидать друг друга в беде... а беда уже на-

двигается,— и он кивнул головой в сторону брода.

Махновцы заметили свалившихся коней, дали по ним еще три-четыре залпа и смело пустились в реку, идя по два в ряд.

Мишка пожал руку Овода и приказал Ю-ю немедленно отправляться в путь:

— Умри, но сумку доставь нашему полковнику или самому Буденному!

— Слюхай, капитана! — Ю-ю с некоторым колебанием взял таинственную сумку. Он понял, что ему велят оставить своих друзей в самый опасный момент, когда его «карабай» мог бы пригодиться. Но приказ есть приказ. Козырнув командиру и поклонившись Оводу, он молча перебросил сумку через плечо и быстро пополз прочь от берега.

Проводив Ю-ю теплым взглядом, Овод вздохнул:

— Какой он славный товарищ... Прощай, дорогой!..

— Ну-ну,— нахмурился Следопыт,— рано прощаться. Готовься к бою, видишь — идут!

Первая пара махновцев была уже на середине реки. Мишка насчитал шесть пар «хвостиком», значит, тринадцать здоровенных бандитов против двух буденцев.

— Пора начинать музыку,— сказал Мишка, прицеливаясь,— надо снять первую пару — ты правого, я левого... Пли!..

Гулкий залп прокатился над рекой.

Оба махновца свалились в воду. Раздался крик. Бандиты сразу остановились, открыв беглый огонь по мертвым коням, за которыми, как им казалось, спрятались беглецы.

Маневр Мишки оказался удачным. В то время, как махновцы один за другим падали с седел, ребята, невредимые, лежали за камнем.

Потеряв еще двух убитыми, бандиты в панике повернули обратно.

— Ослы! — заметил Мишка, выпуская им вслед одну пулю за другой.— Им надо было переть напролом, потерь было бы столько же, а нас бы, конечно, пристукнули.

— Не беспокойся, Мишук, мы, кажется, и так не уйдем, гляди-ка, что там творится.

На помощь бандитам примчался еще один отряд. Он сразу спешился и вместе с остатками первого отряда открыл по невидимым юнцам ожесточенную стрельбу, осыпая градом свинца большой отрезок берега. Пули запели и над камнем, скрывавшим ребят. Они не отвечали.

— Да, пожалуй, ты прав,— признался Мишка,— пешком нам не уйти, впереди голая степь, а наши кони на том свете... А тут еще эта дурища светит во все лопатки!

Он сердито погрозил кулаком в небо, по которому величаво и медленно катилась луна.

Обстрел вскоре прекратился. Бандиты снова сели на коней и редкой цепью двинулись через переправу.

— Теперь они уже перейдут реку, как пить дать,— проговорил Мишка.— Ну, на-чиной, брат...

И буденовцы опять открыли огонь по бандитам. Однако те не остановились, а только прищпорили коней и вскоре выбрались на берег. Здесь они выхватили шапки и с диким воем устремились к трупам коней. Бандиты надеялись захватить там отчаянных юнцов.

— А ловко мы их надули!— засмеялся Мишка, словно не понимая опасно-

сти.— Кажется, штук семь отправили раков ловить.

Бандиты окружились вокруг мертвых коней, а потом рассыпались в разные стороны в поисках притаившихся ребят. Часть ринулась к камню.

Друзья поняли, что смерть или постыдный плен неизбежны. Овод порывисто поцеловал Мишку:

— Прощай, братишка мой, умрем вместе.

— Зачем умирать, мы еще подеремся,— ответил Мишка, закладывая последнюю обойму в маузер.— За Советскую власть!.. За Ленина! Пли!

Двое бандитов, близко подскакавших к камню, слетели с седел. Испуганные кони шархнулись прочь, волоча своих хозяев.

Беглецы были открыты...

С торжествующим яростным ревом махновцы, сверкая шапками, всей ордой двинулись на двух подростков.

Овод еще раз обнял своего храброго брата и, приставив дуло маузера к сердцу, спустил раков.

— Прощай!..

Все это произошло так быстро и не-

ожиданно, что Следопыт успел лишь подхватить свою сестру на руки, уронив маузер. Разъяренная банда махновцев обрушилась на безоружных, нанося им удары, кто чем мог, сшибая друг друга, задыхаясь от злости...

— Стой, хлопцы! — спохватился командир отряда, вспомнив, что ему приказано поймать и доставить беглецов живьем.

С большим трудом ему удалось разогнать взбесившихся головорезов и провратиться к ребятам. Они лежали неподвижно, как мертвые, залитые кровью, в растерзанных одеждах.

— Собакам собачья и смерти! — злобно проворчал рябой бандит.— Однако кто же из них шпион? Они оба так изувечены, что и разобрать трудно.

— Взять обоих! — приказал командир.— Но сначала отберите портфель с бумагами.

Бандиты осмотрели сумку Следопыта, со всех сторон ощупали Овода, но никаких бумаг не нашли.

— Бумаг нет.

— Как, нет? — растерянно пролепетал командир.— Ну, быть беде: батька всем нам шкуру спустит.

Рассыпавшись вдоль берега, махновцы осмотрели седла мертвых коней, каждый камень, каждый кустик, но бумаги исчезли.

Рябой бандит обмыл лица ребят водой и только тогда опознал Овода-Мельниченко. Командир велел везти его с особой осторожностью, на случай, если он окажется жив.

— А что делать с этим щенком?— спросил рябой, свирепо толкнув сапогом безжизненное тело Мишки.— Приколоть, что ли, на всякий случай?

— Взять и его в лагерь, а там разберем.

И отряд махновцев отправился в обратный путь, захватив несчастных пленников.

Рябой грубо бросил Следопыта поперек седла и медленно двинулся вслед за бандой. Изредка поглядывая на бледное лицо юноши, он злобно ворчал:

— Я тебя довезу, гадюка!

Переехав брод, он незаметно отстал от отряда и, наконец, остановился на крутом обрыве. Слез с лошади и, сбросив беспомощного Мишку на землю, раздел его догола:

— Я тебе покажу, красная собака, как махновцев бить!

С этими словами бандит схватил голого Мишку на руки и, раскачав, бросил с обрыва в кипящие буруны.

— Катись, дьяволенок!

И, словно желая проверить, куда упало тело, бандит нагнулся над обрывом и глянул вниз...

В то же мгновение какая-то черная фигура беззвучно выросла за его спиной. В воздухе сверкнул кинжал; и бандит с криком свалился в Днепр вслед за своей жертвой.

КТО СКОРЕЕ?..

Оставив своих друзей, Ю-ю торопливо полз к молодому дубку, одиноко стоявшему у проселочной дороги, в стороне от реки. На его спине болталась сумка с маховскими бумагами. Время от времени Ю-ю останавливался, осторожно приподнимал голову, оглядываясь назад. Его мучило сознание, что пришлось покинуть товарищей в такую страшную минуту. А он так привязался к ним, что ради спасения отважного «капитана» и его удивительной сестренки готов был положить свою голову. Да, Ю-ю случайно открыл их тайну и теперь смотрел на Дунишу с глубочайшим уважением и восторгом. Однако китайчонок ни одним движением не выдавал своих чувств, оставаясь с виду все таким же невозмутимо спокойным и молчаливым. И вот он вынужден уходить, оставив на растерзание бандитам своих любимых соратников.

— Никараша, капитана, никараша, — укоризненно шептал он, покачивая головой. — Зачем такое?.. Ай, никараша...

Добравшись до дубка, он прилег под ним и стал наблюдать за ходом боя. Он видел, как падали в воду маховцы и в какой панике они бросились обратно, к берегу.

— Маладца, капитана! — одобрил Ю-ю.

Но каков был его ужас, когда второй отряд, невзирая на меткие пули друзей, все-таки перебрался через реку и всей массой набросился на ребят.

Ю-ю мгновенно вскочил на ноги и хотел уже бежать на помощь друзьям, но сумка с бумагами свалилась с плеча, напомнив о суровом приказе Следопыта — доставить ее во что бы то ни стало полковнику.

Ю-ю был в отчаянии. А когда на его

глазах началось дикое избиение ребят, он в бессильном гневе разорвал свою гимнастерку и, потрясая карабином, кричал по адресу маховцев:

— Собака! Бандит! Мой карабай на твоей башке стреляй будет!..

К счастью, за шумом свалки криков Ю-ю никто не слышал. Вскоре он увидел, как неподвижные тела его товарищей были брошены в седла и вся банда отправилась в обратный путь.

Ю-ю понял, что его верные друзья и защитники погибли, и он опять остался один на целом свете, затерянный в необъятной стране, гонимый вихрем событий.

Сердце бедного юноши сжалось от тоски и горя. Захлебываясь от рыданий, он упал на траву и долго и горько жаловался кому-то на свою жестокую судьбу:

— Ай, капитана, мой карош капитана! — повторял он, катаясь по земле. — Пропал наш Овод!.. Совсем пропал!.. За чем остался Ю-ю?..

Ю-ю казалось, что вместе с друзьями погас последний луч, который так тепло согревал его душу. Но вдруг, пораженный какой-то новой мыслью, Ю-ю ударил себя ладонью по лбу и вскочил на ноги:

— Ай, никараша мой башка! — с этими словами он схватил свой карабин и бегом пустился к броду.

Пока командир был жив, Ю-ю считал невозможным нарушить его приказ, но теперь он убит, и ему уже все равно, дойдет бумага немедленно или немножко позже... А главное, надо узнать о дальнейшей судьбе товарищей, быть может, кто-нибудь жив еще, и тогда...

Рискуя каждую минуту сорваться в бурную пучину или попасться на глаза бандитам, Ю-ю с трудом перебрался че-

рез брод и издали последовал за отрядом. Вскоре он заметил, что задний маховец почему-то задержался у обрыва и слез с коня. Ю-ю тоже остановился, спрятавшись за куст.

Бандит снял с седла безжизненное тело и, положив его на землю, присел на корточки. Ю-ю подполз ближе и осторожно приподнял голову. В предутренних сумерках он смутно видел, как бандит сорвал с человека одежду и, подняв обнаженное тело на руки, подошел к самому краю обрыва. Вот он качнул его и бросил в

Днепр. Ю-ю весь содрогнулся: ему показалось, что в воздухе промелькнула всклокоченная голова Мишки.

Вывхватив кинжал, Ю-ю одним прыжком очутился за спиной бандита, а через мгновение тот уже летел вслед за своей жертвой, пораженный насмерть. Ю-ю глянул с обрыва. Внизу пеннлись и ревели волны, разбиваясь об отвесную скалу.

Ю-ю бегом спустился к берегу и, внимательно оглядывая каждый камень, пошел вдоль излучины вниз по течению. Здесь река, сделав крутой поворот, катилась спокойно. Поиски не дали результатов: на пути встречались только голые камни, окатанные водою. Ю-ю тяжело опустился на землю и, полный отчаяния, усталый неподвижным взглядом в темные воды Днепра.

Что делать?

Но вдруг ему почудилось, что кто-то тихо стонет вблизи. Он живо вскочил на ноги и осмотрелся по сторонам — никого нет... Через секунду стон повторился, казалось, он шел из самой глубины реки.

По спине суеверного Ю-ю пробежал холодок: уж не утопленник ли подает голос?

Преодолевая страх, Ю-ю подошел к самой воде, и за большим серым камнем увидел чье-то голое тело, омываемое волнами. Мокрая голова лежала на мелкой

галке, лицом вверх. До слуха онемевшего на месте Ю-ю донесся шепот:

— Овод... Где Овод?..

Дрожа от волнения, Ю-ю бросился в воду, схватил Мишку на руки и, выйдя на берег, осторожно уложил его на песок.

— Мой тавалиса... Мой капитана, — радостно лопотал он, насухо вытирая друга.

Мишка постепенно приходил в себя. Наконец он приподнял голову и мутными глазами устался в лицо Ю-ю, видимо, не узнавая его:

— Где Овод?.. Где Дуняша? — еле слышно спросил он.

Ю-ю беспомощно развел руками:

— Моя не знай, капитана, бандит пришел, бандит взял...

Слеподыт долго не мог понять, что с ним случилось, где он находится и почему он глухой. Только острая боль в раненой ноге вдруг напомнила ему о расправе бандитов и самоубийстве Овода. Он вспомнил, как нежно обняла его Дуняша, прощаясь перед смертью, как она приставила дуло маузера к своей груди, но дальше все пропадало в тумане. Какой-то вой, крики, страшный удар в голову...

В первое мгновение ему захотелось плакать от сознания своего бессилия. Но мысль о том, что Овод захвачен в плен и, быть может, еще жив и ждет его помощи, заставила Мишку собрать последние силы. С трудом приподнявшись на локте, он стал расспрашивать Ю-ю о деталях боя и обо всем, что он видел.

Из короткого рассказа китайца Мишка узнал только, что их долго били, потом бросили на коней и увезли через Днепр, а жив ли Овод, неизвестно...

Глаза Слеподыта вспыхнули гневом и жадной борьбы — надо не плакать, а действовать! Если Овод не умер, проклятый Махо предает его таким пыткам, каких не выдержит даже взрослый человек, а ведь она еще девочка...

При помощи Ю-ю Слеподыт поднялся на ноги, осмотрелся и тщательно ошупал свой ребра и голову — кажется, все цело.

— Вот идиоты! — заметил он. — Двадцать ослов не могли одного Мишку убить!.. — Обычный юмор возвращался к нему. — Вот только нога что-то того... Далеко не убежишь...

Жестоко помятая и покрытая ранами правая нога Мишки опухала. Ю-ю тотчас разорвал свою рубашку и локво переязал ногу Мишке. Но при новой попытке

двинуть раненой ногой Следопыт поблел и свалился на руки Ю-ю. Тот подхватил его и понес к оставленной бандитами лошади.

Придя в себя и увидев перед носом морду коня, Мишка изумился:

— А это что за привидение?

Ю-ю скупко рассказал о стычке.

— Молодец, Ю-ю! — похвалил Следопыт своего славного оруженосца.

Ю-ю счастливо улыбнулся и подал Мишке его одежду, сорванную бандитом. Мишка с удовольствием оделся.

Но как быть дальше? Гнаться сейчас за Оводом — дело совершенно безнадежное, тем более, что каждую минуту бандиты могли хватиться оставшего махновца и начать поиски. Идти пешком не давала больная нога...

Немного подумав, Следопыт решительно скомадовал:

— На коня!

Преодолевая мучительную боль, при помощи Ю-ю Следопыт взобрался на седло. Ю-ю уселся за его спиной.

— Ну, а теперь вперед! — приказал Мишка. — Зарежь коня, но доставь меня к нашему полковнику живым или мертвым. Если буду кричать, не обращай внимания. Только держи крепче и не давай падать.

— Есть, капитана! — Ю-ю понял, что от быстроты бега зависит жизнь несчастной Дуняши, попавшей в руки свирепых бандитов. Он изо всей силы хлестнул и без того горячего коня плетью. Тот бешено рванулся вперед. Мишка скрипнул зубами от боли. И они лихим карьером понеслись вдоль Днепра к броду.

Луна бледнела. Ночная тьма быстро таяла, отступая в лесную глушь.

Далеко за Днепром вихрилась пыль. Слово стрела, выпущенная из лука, боевой конь летел навстречу ветру, раздувая кровавые ноздри. Левой рукой Ю-ю поддерживал Мишку, правой нахлестывал коня и пронзительно кричал на всю степь:

— Га-га-аа!

Обезумевший конь летел вперед птицей...

Посплет ли?..

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В то время, как наши друзья мчались в лагерь Буденного, батько Махно нервно бежал по поляне. Он был взбешен до последней степени: какой-то молокосос

так ловко водил за нос грозного атамана, что его банда дважды подряд оказалась жестоко битой. Это ли не конфуз! На сей раз мнимый сын старшины Мельниченко захватил важную переписку Махно с атаманами других банд и план общего наступления на Екатеринослав. Если беглец не будет пойман и бумаги попадут к красным, провал этой кампании неизбежен.

Махно, как волк в клетке, носился взад и вперед, до крови кусая губы. Он ждал бумаг. Наконец до его слуха донесся топот коней.

— Скорей позвать есаула! — нетерпеливо крикнул Махно, хлестнув по цилиндру подвернувшегося адъютанта.

— Я здесь, батько!

И молодой командир отряда вытянулся перед Махно, взяв под козырек.

— Бумаги! Подай бумаги! — потребовал атаман, протягивая руку.

— Бумаг нет, — дрожа всем телом, ответил побелевший есаул.

— Что ты сказал? Не-е-ет?! — неистово заревел атаман. — Запорю насмерть! Семь шкур спущу, мерзавец!..

Вспыхнув от гнева и незаслуженной обиды, есаул дерзко ответил:

— Забываешь, батько! Я дворянин и не позволю орать на меня!

— Цыть, мальчишка! Взять его!..

На крик Махно явился мрачный одноглазый бандит с толстой плетью за поясом — палач банды. Он мигом скрутил есаулу руки назад и, как щенка, потащил в лес.

— Всыпать ему сто горячих! — крикнул вслед Махно.

Вскоре из леса послышался свист плетей, яростные проклятия и угрозы есаула.

Один из бандитов принес на руках окровавленного Овода и бросил его к ногам атамана, как победный трофей экспедиции.

При виде неподвижного тела мнимого Мельниченко Махно снова вспылал:

— Как, убит? Я ж приказал доставить живьем!

— Хиба ж я знаю? Може, сдох, а може, и живой,— спокойно возразил бандит,— я ж не дохтур...

— Та-а-ак,— зловеще протянул Махно, разглядывая бледное лицо Овода,— если этот змеешыш окажется мертвым, половину вашего отряда вздерну на дерево.

— Та вони ж настоящие дьяволята, трясця их матери! — оправдываясь, выругался бандит.— Двое шенят семерых казаков угробили та трех поранили.

Этот неожиданный сюрприз заставил Махно подскочить на месте и разразиться такой забористой бранью, что даже у выдавших виды бандитов глаза полезли на лоб.

— А дэ же второй шенок? — спросил Махно, немного отдышавшись.— Ты говоришь, их было двое.

— Того Сероштан вез, Гей, Сероштан, тяни к батьке своего шибеника!

На крик никто не отозвался.

Каково же было изумление всей банды, когда стало известно, что и Сероштан и неизвестный соратник Мельниченки бесследно пропали.

— Вот нечистая сила! — в страхе ворчали суеверные махновцы, не зная, чем объяснить таинственное исчезновение.— Мабуть, то переворотень був який, чи що...

А Махно настолько растерялся, что велел немедленно связать и без того неподвижного Овода и под усиленной охраной отправить на новую стоянку. Хитрый бандит понял, что пропажа бумаж и неизвестного мальчишки может привести к неожиданному нападению, и решил тотчас переменить место.

Вскоре вся шайка мчалась по тайным тропам и дорогам в указанный атаманом район на новые грабежи и насилия над украинскими селянами, на новые диверсии в тылу Красной Армии.

Овод очнулся в какой-то темной камере. Снаружи слышался непонятный рокот. Открыв глаза и озирая мокрые, покрытые плесенью стены, он долго не мог сообразить, что с ним произошло. Но постепенно мысли Овода прояснились. Он понял, что каким-то чудом уцелел в страшной скалке у переправы и теперь, видно, находится в плену у лютого атамана, который не даст ему пощады. Жалко, не удалось покончить с собой. В горячке боя он забыл вложить в револьвер новую обойму и упал не от собственной пули, а от удара бандита.

Овода охватила тревога за брата. Где он? Что с ним случилось? Жив ли? Может быть, и он в плену? Тогда их обоих ждет лютая пытка и позорная смерть на виселице.

Овод содрогнулся. Он хорошо понимал, что ему предстоят такие страшные муки, каких, быть может, не знал и действительный Овод, прекрасный образ которого встал теперь перед ним. Да, он постарается умереть так же мужественно, без слез и мольбы о пощаде. Ведь он умирает за Советскую власть, за ту власть, которая принесет свободу и счастье всем беднякам его милой Родины... И Мишке, и славному Ю-ю... Если они еще живы.

Вдруг огромная лягушка прыгнула на голые ноги Овода. Он испуганно метнулся в сторону и, пронзенный с головы до ног мучительной болью, снова потерял сознание.

Очнувшись, Овод снова не мог понять, что же еще случилось? Может быть, это сон? А может быть, это... свобода? Весь забинтованный и отмытый от крови, он лежал на чистой постели в белой уютной комнатке. Как вестник жизни и счастья, светлый луч утреннего солнца падал из маленького окошка на глиняный пол. Ну, конечно, это свобода. Он у своих.

Открылась дверь. В комнату вошла высокая стройная девушка и ласково склонилась над Оводом:

— Не хочешь ли пить, солдатик? — спросила она, подавая кружку с холодной водой.

Дрожщими губами Овод жадно припал к кружке, чувствуя, как вместе с водой в его тело вливаются новые силы.

— Где я? — еле слышно спросил он, словно боясь спугнуть чудесное видение.

— Ты у друга,— так же тихо ответила девушка, глядя на Овода теплыми карими глазами.— Но дальше не спрашивай — я не в силах помочь тебе...

Только теперь Овод услышал уже знакомый ему странный рокот за окном: значит, он находится в том же месте и в тех же руках.

Вдруг дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился Махно в сопровождении одноглазого бандита. Злой, тусклый глаз палача заставил Овода содрогнуться: он вдруг ясно понял, что его раны перевязаны лишь для того, чтобы вернуть его к жизни на новые муки, а может быть, и на смерть.

— Прошу оставить нас, красавица,— вежливо поклонившись девушке, сказал Махно.

Бросив тоскливый взгляд в сторону Овода, девушка молча вышла.

Атаман сел на широкую дубовую скамью около Овода и молча оглядел его с головы до пят: так смотрит сытый кот на пойманную мышь.

Сняв с плеча кожаную сумку, одноглазый бросил ее в угол и молча встал у двери.

В сумке что-то зазвенело...

— Итак,— зловеще спокойным тоном начал Махно,— с кем я имею удовольствие разговаривать? Надо полагать, не с Мельниченко?

— Нет, я дочь бедняка-крестьянина из села Яблонного, которое сожгла ваша банда,— просто ответила самоотверженная девушка, решив выдержать испытание до конца.

Махно, словно ужаленный, вскочил на ноги:

— Как!? Ты... ты... девчонка?! И ты осмелилась проникнуть в мой штаб? А знаешь ли ты, что ждет тебя за шпионаж?

— Пытка и смерть,— спокойно ответила Дуняша.

— Ты не ошиблась, гадюка. У нашего одноглазого дьявола давно уже не было работы.

Дуняша невольно глянула на палача. Отвратительно ухмыляясь, он сидел на корточках и корявыми, как клешни, руками рылся в кожаной сумке. Его сверлящий глаз тускло поблескивал. У Дуняши упало сердце. Но она тотчас взяла себя в руки и отвернулась к стене.

— Ну, так вот что, подлая девчонка,—

снова заговорил Махно, хватая Овода за волосы и поворачивая лицом к себе.— Если ты хочешь быть повешенной сразу без особых хлопот и неприятностей, сейчас же сообщи нам, куда делись украденные тобой бумаги и тот мальчишка, который был вместе с тобой.

— Как? — вскричала девушка.— Следопыт бежал?!

Девушка ликовала: Мишка жив, на свободе!.. Теперь она готова на любые муки...

Услышав ненавистное имя Следопыта, Махно понял, что его бандиты упустили самого главного и неупомянутого врага шайки. Он задрожал от ярости:

— Отвечай, звереныш, иначе из твоей спины вырежут кожу для моих сапог!

— Да что ж тут отвечать! — воскликнула девушка.— Ваши бумаги в надежных руках, а где теперь Следопыт, спроси у ветра в плед...

Лицо Махно позеленело:

— А... ты еще смеешься, змея! Эй, кривой черт, поучи-ка ее, как надо отвечать атаману... Только смотри не зарежь насмерть, а то сам угодишь в Черную балку.

— Слушаю, батько. Я буду дергать по ниточке, так что не умрет даже муха, а толк будет...

Привычным движением палач подхватил Дуняшу на руки и, положив на скамью, захлестнул широкими ремнями. Потом, не торопясь, вынул из роковой сумки острый блестящий клинок странно изогнутой формы.

— От этой штуки и не такие шенки выли,— ворчал палач, хватая девушку за кисть руки.

Дуняша закрыла глаза...

Махно грузно отошел к окну и закурил папиросу. Жадно затягиваясь и выпуская изо рта кольца дыма, он следил за каждым движением крабьих рук палача. Тяжкие муки беззащитной жертвы, видимо, доставляли ему наслаждение. Его

серое лицо подергивалось судорогой, на тонких губах застыла кривая усмешка.

Время шло. Пытка продолжалась. Палач глухо ворчал, изрыгая проклятья. Но ни единого звука, ни слова мольбы о пощаде не услышал Махно от юной героини. Только побелевшее лицо ее покрылось холодным потом, да искусанные губы залились кровью...

— Довольно! — прохрипел пораженный стойкостью девушки Махно. — Пшел вон!

Он боялся, что Дуняша умрет, не открыв своей тайны.

Ворча, как побитый пес, одноглазый отошел.

Дуняша очнулась и, тяжело вздохнув, застонала от невыносимой боли...

Махно довольно улыбнулся:

— Ну, что, красный дяволенок, будешь отвечать батьке Махно?..

— Буду, — еле слышно ответила девушка.

— Вот и добре, — похвалил бандит, присаживаясь поближе к изголовью. — Если ты честно ответишь на мои вопросы и расскажешь, где теперь находится штаб Буденного, ты будешь помилована. Катись ко всем чертям... И баста!..

Дуняша с трудом повернула голову, тяжело глянула в испитое лицо мучителя и твердо сказала:

— Убей меня, но своих братьев я не выдам бандиту!

В то же мгновение над головой Дуняши сверкнула шашка взбешенного Махно.

— Стойте! Стойте! — раздался вдруг испуганный крик, и девушка, которая пошла Овода, бросилась в ноги Махно: — Пощадите! Пощадите его, милый атаман, — умоляла она, хватая за руки обезумевшего от ярости бандита.

Описав над Дуняшей кривую, шашка медленно опустилась и ткнулась концом в пол.

Мрачное лицо Махно прояснилось. Он торопливо поднял девушку за плечи и, заглянув ей в глаза, сказал:

— Хорошо, моя красавица. Ты дашь

мне выкуп, и я помилюю эту дерзкую девчонку...

— Что вы сказали? Это — девчонка?! — гневно сверкнув глазами, воскликнула незнакомка. — Неужто грозный атаман воюет с такими младенцами?!

Махно снова потемнел:

— Я уже сказал, что дарую ей милость: она будет просто повешена, как военный шпион... И баста! — Он сделал знак палачу: — На Черную балку!

— О, какой же ты зверь! — просто-напросто незнакомка, загоразвивая Дуняшу. — Нет-нет! Я не дам ее!..

— Не плачь, сестра, — с глубоким чувством сказала Дуняша, — мне смерть не страшна. Я умираю за святое дело. Прощай!..

Странная девушка прильнула губами к тонкой бессильной руке Дуняши, залилась слезами.

Палач грубо оттолкнул ее, схватил пленницу за руки и понес из комнаты...

Дверь за ними захлопнулась, как крышка гроба.

В ЧЕРНОЙ БАЛКЕ

Теплый летний день тихо угасал. Ветерок приносил из степей крепкий аромат трав. Невозмутимый покой царил над миром.

Но люди-звери продолжали творить свое злое дело. На дне глубокого темного оврага, именуемого Черной балкой, под корявым сучком обожженного молнией дуба лежал бедный Овод. Из мрачной глубины балки он видел только кусочек угасающего неба, и его душа тоскливо тянулась вверх, в эту синюю даль, полную красоты.

И впервые за всю свою боевую жизнь стойкий и крепкий Овод почувствовал себя маленькой, беззащитной девочкой, попавшей в зубчатое колесо кровавой войны и вот теперь, сию минуту, будет безжалостно раздавлена вдали от родных мест, на дне черной ямы. А ведь она желала народу добра и счастья. Она мечтала о том, чтобы знания Советов засияло над миром, возвещая всем угнетенным зарю свободы и братства... Как чудесно заживут бедняки, когда придет этот желанный час!

И, забыв на мгновение о неотвратимой казни, Дуняша счастливо улыбнулась, опять вспомнила милого своего Мишку и

верного друга Ю-ю с его неразлучным «карабаем». Вспомнила и живо представила себе их безутешное горе, когда дойдет до них весть о ее смерти. А что будет с доброй их матерью, которая ждет не дожидется своих дорогих птенцов?!

И тяжкие слезы сами собою покатались по исхудавшим щекам больной девушки. Ей так страстно хотелось жить.

— Ну, пора,— словно сквозь сон, услышала она пропитой голос,— надо спешить...

И огромная туша склонилась к распростертой на земле Дуняше. Одноглазый палач продел ее голову в веревочную петлю. Потом она увидела, как конец веревки перекинули через сук. Могучий отрок дуба был заметно потерт посредине.

— Знать, не меня одну вешали здесь проклятые бандиты,— гневно подумала она, машинально поправляя петлю, съехавшую на подбородок. И только теперь Дуняша остро почувствовала, что ее минуты сочтены, что она никогда больше не увидит ни знойного летнего солнца, ни голубого неба, ни пестрых пахучих цветов, ни верных друзей. Ее сердце сжалось предсмертной тоской и сознанием полного бессилия.

Никакой надежды на спасение не было. Помощник палача — плюгавый низкорослый бандит,— лениво переваливаясь с ноги на ногу, уже подходил к своей жертве... А через минуту мертвое тело будет одиноко качаться над этой ужасной ямой, слетятся хищные птицы и...

— Кррр! Кррр!— донеслось до ее слуха злое карканье ворона.

Услышав знакомый сигнал, девушка встрепенулась и, как эхо, отозвалась криком филина.

Палач отпрянул.

— Что это? С ума, что ль, она спятила?..

— Мабуть, и так,— спокойно отозвался помощник, поднимая руку, чтобы достать конец веревки, перекинутой через сук.

Дуняша подняла голову и глянула в направлении звука. Но вокруг никого не было, только на противоположной стороне оврага что-то серое шмыгнуло в кустах, слегка шелохнув ветку.

«Что ж это? Неужто вороны уже слетаются к оврагу в предчувствии легкой добычи?» — тоскливо подумала Дуняша, вновь поднимая глаза к небу, где уже загорались бледные звезды.

— Прощайте, звезды! — тихо прошептала Дуняша.— Приласкайте за меня рыжего Мишку, поцелуйте Ю-ю...

— Та ну же, тягни! — сердито крикнул палач.— Какого дьявола канителишься, каракатица.

Помощник лениво подпрыгнул, но конец веревки повис так высоко, что он коснулся его только концом пальца.

— А, будь ты проклята, змеюка! С этим чертенком и перед смертью морока...

Он подпрыгнул еще раз:

— Ну, вот, и готово!..

Веревка стала натягиваться...

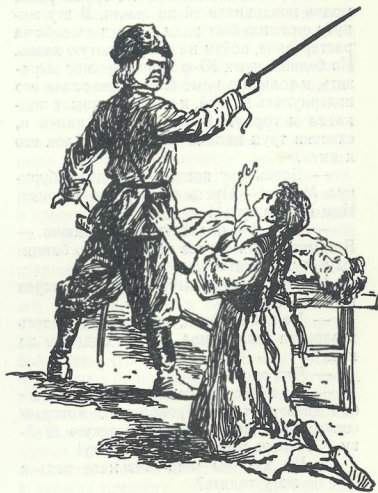
Дуняша в ужасе закрыла глаза. Крик ворона повторился. Дуняша, собрав все силы, резким движением сбросила с головы петлю.

От неожиданности потянувший за веревку подручный палача потерял равновесие и свалился.

В то же мгновение в вечернем воздухе прокатился залп из двух карабинов, и оба злодея, пронзенные пулями, завертелись ужами в предсмертной агонии.

Не успела Дуняша прийти в себя, как кто-то уже крепко обнял ее и покрывал лицо поцелуями.

— Дуняша, милая Дуняшка!.. Жива!.. Да очнись же, это я, Мишка!..

Девушка обвила руками кудлатую голову брата. Она еще не верила своим глазам.

Но кривой палач лежал неподвижно под дубком. Его подручного Ю-ю проворно сваливал в ту самую яму, которая была приготовлена для Дуняши.

Поняв, наконец, что она спасена от лихой смерти, Дуняша прильнула головой к широкой груди Следопыта и залилась горячими радостными слезами.

Когда улегся первый порыв, она позвала к себе верного соратника Ю-ю и крепко расцеловала его, благодаря за спасение и помощь.

Растроганный Ю-ю, не знаящий ничего ласки, встал на колени перед лежавшей девушкой и, сложив на груди руки, молча поклонился ей до земли. В эту минуту он готов был ради нее отдать себя на растерзание, пойти на самую лютую казнь. Но бедный язык Ю-ю ничего не мог выразить, и только черные блестящие глаза его подернулись влагой, и какой-то комок подкатил к горлу. Он быстро поднялся и, схватив труп палача за ноги, поволок его к яме...

— Брось эту погань!— сердито буркнул Мишка.— Пусть их вороны хоронят. Нам пора в путь!..

— Да-да!— подхватила Дуняша.— Возьмите меня скорее отсюда, а то бандиты могут хватиться!..

Мишка лукаво улыбнулся и, посмотрев на часы, сказал:

— Не бойся, Овод, через полчаса здесь заварится такая каша, что им будет не до нас.

— Что за каша?

— Да ничего особенного, я привел с собой десятка три добровольцев, которые согласились потрещать махновскую шайку!.. А теперь марш-марш в дорогу!

— Но как вы меня возьмете, ведь я еще не могу ходить?

— Не беспокойся, это уж наше дело. Ну, что, Ю-ю, готово?

— Есть, капитана!—отозвался Ю-ю, подавая носилки, сделанные им из ветвей того дуба, на котором махновские бандиты хотели повесить Овода.

Осторожно уложив больную, наши герои медленно пошли по дну оврага, прочь от страшного места.

На этот раз ночь им благоприятствовала: небо сердито хмурилось, угрожая дождем.

Овраг кончился. Следопыт тихонько свистнул. Из-за темной купы ближайших деревьев появил-

ся буденовец с винтовкой в руках:

— Несете, хлопцы?

— Несем.

— Жив ли?

— Жив.

— Вот будет рад наш Дед! Давай скорей на тачанку.

Красноармеец подошел к носилкам, радостно поздоровался с Оводом и вместе с Ю-ю понес Дуняшу к тачанке.

— Сено положено?—спросил Следопыт.

— Целый ворох.

— Тогда едем!

Овод и Мишка, у которого еще побаливала нога, устроились на тачанке, а неутомимый Ю-ю и боец, взяв винтовки на ремень, пошли следом.

Проехав верст семь-восемь по глухим местам, они услышали позади себя отчаянную ружейную трескотню.

— Ну, началось потеха!—радостно потирая руки, воскликнул Мишка.— Дальше мы можем ехать спокойно. Голубая Лисица решит, что она попала в капкан, и даст тягу к старому лесу, где им знакома каждая тропинка.

И действительно, вскоре перестрелка стала затихать, удаляясь, а затем и совсем прекратилась.

Дорогой Мишка подробно рассказывал Оводу, как он с помощью Ю-ю вырвался из лап бандитов, как они мчались в полк Деда, как проследили потом шайку Махно и разыскали, наконец, Черную Балку...

В свою очередь Овод поделился с братом своими переживаниями, особенно подробно рассказав о странной девушке, осмелившейся заступиться за него перед зверем Махно.

— А где это было?— заинтересовался Следопыт.

— На водяной мельнице. Я узнала об этом, когда палач вынес меня из комнаты.

Следопыт в раздумье почесал затылок:

— Так ты говоришь, девушка назвала себя твоим другом?

— Назвала...

— А Махно обругала зверем?

— Зверем.

— И тот не убил ее?

— Нет, даже назвал ее милой красавицей.

— Гм... Странная штука... Тут что-то есть, этакое,— нахмутив лоб, изрек Мишка.— А девка все-таки молодчага. И смазливая, говоришь?..

— Как в сказке,— улыбаясь, ответил Овод.

— Ишь ты...

Путники незаметно продвигались вперед и к восходу солнца уже нагнали свой полк.

Трудно себе представить радость и удивление старого полковника и буденовцев, когда они услышали о возвращении уже похороненного всеми Овода. Узнав подробности о пытке и героическом поведении Овода, его пришел навестить сам Буденный. А вскоре он послал рапорт высшему командованию с просьбой о награждении орденами наших героев.

На другой день Конная армия Буденного всеокружающей силой двинулась вперед, очищая от врагов советскую землю. К великому огорчению Деда, Овод был еще так слаб, что его пришлось оставить в ближайшем госпитале, а вместе с ним остались, конечно, и его друзья— Следопыт и Ю-ю.

Расставаясь с ребятами, старый полковник обнял и расцеловал каждого по очереди.

— Берегите себя, хлопцы,— наказывал он, моргая покрасневшими глазами,— зря на рожон не лезьте и бейте белыхов с умом. Я вас в партизанский отряд сдам. Нас уж вы не догоните...

Любимый буденовский полк ушел вместе с армией, ушел и Дед...

И опять трое юных бойцов-разведчиков окунулись в кипящий котел кровавой войны.

А пока три друга ищут свое место в строю, расскажем читателю, как Овод попал в штаб Махно.

Во время одной из стычек буденовцев с маховскими бандитами Овод заметил на поле боя тяжелораненого деревенского парня: он горько плакал над трупом старого бандита. Парень был без оружия, в крестьянской одежде. На вид он казался не старше Овода. Из допроса в штабе полка выяснилось, что это сын убитого старшины Мельниченко, верного друга и соратника Махно. Он возглавлял одну из его шаяк, которая и была уничтожена буденовцами. Уцелел только этот парень. По его словам, отец впервые взял его с собой, с тем чтобы передать самому Махно в качестве ординарца. По документам и письмам, найденным в кармане старого Мельниченко, рассказ парня подтвердился.

Такой случай Овод решил немедленно использовать и, посоветовавшись с друзьями, составил план действий. Нарядившись в одежду пленного парня, с документами

отца явиться к Махно под именем сына убитого старшины, втереться к нему в доверие и остаться при ставке. Мишка и Ю-ю будут держать связь с полком и доставлять добытые сведения.

С некоторым сомнением и неохотой полковник одобрил план красных дьяволят.

Вскоре наши разведчики проследили банду Махно. Переодетый Овод, «весь в слезах» и проклинаая красных, явился к атаману. Он просил принять его в банду, чтобы отомстить буденовцам за смерть отца.

Весть о разгроме шайки Мельниченко разъярила Махно, но просьбу его «сына» он решил удовлетворить, а в знак согласия ожег его плетью и приказал зачислить казачком при своей особе.

Скрипнув зубами, Овод стерпел «ласку» бандита и поклялся отплатить ему сторицей. А как он выполнил свою клятву, читатель уже знает.

ТАИСТВЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Через десять дней после описанных событий, глубокой ночью, по дороге из города выехал большой красный автомобиль. Он был изрешечен пулями, осколками снарядов, но летел, как буря, поднимая облака пыли и наполняя безбрежную степь тревожным гулом. Вслед за ним мчался отряд вооруженных всадников.

В автомобиле сидели трое военных в кожаных куртках. Один из них, отличавшийся низким ростом и широкими плечами, поместился на откидной скамеечке, держа наготове маузер и зорко глядя ваясь в темноту ночи. Двое за его спиной тихо переговаривались между собою:

— Признаться, я очень опасаюсь засады.

— Да. Я тоже думаю, что надо быть начеку...

— В самом деле никому не известный бандит вызывает на свидание командира красных партизан, обещая помощь против Махно. Согласитесь, что все это очень странно и пахнет провокацией.

— На всякий случай за нами следует полужэскадрон надежных рубак...

— Это, конечно, хорошо. Впрочем неожиданного нападения я не боюсь: с нами едет такой разведчик, о котором говорят, что он чует махновца за сто верст...

Путники смолкли. И только глухой рокот мотора да отдаленный гул лошадиных копыт нарушал тишину ночи.

Вдали показались черные контуры леса. Автомобиль спустился в ложбинку.

— Стойте,— сказал низкорослый военный, приподнимаясь с сиденья.

Автомобиль остановился:

— Что случилось, товарищ?

— Надо прощупать овраг перед опушкой. Ждите сигнала: если завоет волк, немедленно мчитесь обратно и верните отряд, а если все будет благополучно, я дам знать лично...

Говоривший бесшумно выскочил из автомобиля и сразу исчез, словно нырнул в черную воду.

— Вот дьяволенок!— воскликнул один из оставшихся военных.— Пропал, как кузнечик в траве...

— Я даже не успел заметить, в какую сторону этот парень направился...

— Недаром он носит кличку Следопыта...

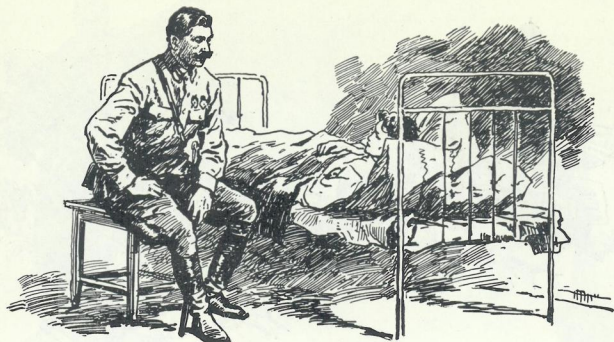
— Говорят, у него есть сотрудники, и такие же ловкие, как он.

— Да. И я очень доволен, что согласился принять их в наш полк. Эти отчаянные ребята так ненавидят Махно, что готовы искать его хоть на дне моря.

Беседа была прервана прибытием конного отряда.

— Приготовьтесь к бою и стойте в этой ложбине, — приказал командир красных партизан, выходя из машины.

Прошло еще минут сорок в напряженном ожидании...

— Все в порядке!— сообщил Следопыт, бесшумно вырастая за спиной командира, вздрогнувшего от неожиданности.— Садись ребята!

Наши друзья — Овод и Ю-ю — вскочили вслед за Мишкой в машину.

— Вот так штука!— удивился командир.— Да вы же настоящие невидимки! — Вперед!

Оставив конных в засаде, автомобиль помчался к опушке леса.

Из оврага навстречу им, держа руку на эфесе шашки, вышел человек в полувоенной одежде.

— Это он,— шепнул Следопыт на ухо командиру.

Автомобиль остановился. Нащупав пистолет, командир выскочил из машины и пошел к человеку.

— Я весь к вашим услугам, командир. Если угодно, я бы мог...

— Вы меня извините,— перебил командир партизан,— но вашему слову мы не можем довериться без достаточных оснований. Согласитесь сами, что есаулы не так часто изменяют своим атаманам...

— Вы правы, конечно, но, к сожалению, никаких доказательств сейчас я не могу вам представить. Вы можете проверить меня только на деле.

— Каким образом?..

— Я могу хоть сейчас дать вам самые точные сведения о предстоящих операциях шайки Махно, и вы можете разгромить ее

в любое время. Меня же оставьте в качестве заложника, а в случае предательства расстреляйте, вот и все...

— Хорошо,— согласился, наконец, осторожный командир.— Вы можете сейчас поехать со мной в город?

— Нет, этого не следует делать. Завтра утром я должен быть у Махно на приеме и освобожусь лишь часам к десяти.

— В таком случае я жду вас завтра к двенадцати часам дня.

Условившись о месте встречи, они быстро разошлись.

Усаживаясь в автомобиль, командир вдруг заметил отсутствие Следопыта:

— А куда делся ваш старший?

— Пошел проследить есаула,— ответил Овод, вместе с Ю-ю вылезая из машины,— а кстати проведать что-нибудь о расположении банды.

— Как? Он опять полез в пасть Махно?— удивился командир.

Овод улыбнулся:

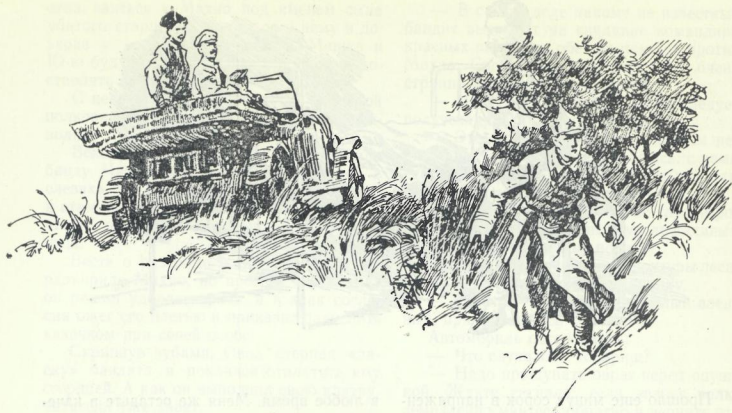
— Не беспокойтесь, товарищ командир, Следопыта не так-то легко скушать.

— А вы едете с нами?

— Никак нет. Мы с Ю-ю подождем его здесь, а завтра вечером, когда ваш полк двинется против Махно, мы будем на месте...

— Почему вы думаете, что мы выступим именно завтра?— спросил командир, не зная, чем объяснить уверенность Овода.

— А потому, что завтра шайка попы-

тается разгромить продовольственную базу Красной Армии в Н-ском, и вы сделаете большую оплошность, если не предотвратите удара.

— Соображение верное, — согласился командир, — однако, зачем нам связываться с этим подозрительным есаулом, если вы сами так хорошо осведомлены о замыслах шайки?

— Он может сообщить ценные подробности, нам еще не известные... Ну, мы уходим, товарищ командир. До свиданья!.. За мной, Ю-ю!

— Есть, тавалиса!

Ребята исчезли.

В сопровождении конного отряда красный автомобиль помчался обратно. Надо было немедленно готовить генеральный бой с многочисленной бандой Махно.

В партизанский отряд знаменитого командира Николя Цибули ребята попали без особых затруднений. Как только Овод вышел из госпиталя, их приняли с большой охотой, ибо слава о подвигах тройки дьяволят уже вышла за пределы буденовской армии. А рекомендации старого полковника еще выше подняли авторитет юных разведчиков. Они были счастливы, когда узнали, что полк Цибули получил приказ от высшего командования разгромить шайку Махно. Втайне надеясь поймать самого

атамана и свести с ним свои счета, ребята принимали горячее участие в розысках шайки и подготовке к решающему бою.

В ожидании Следопыта Ю-ю и Овод присидели в овраге до самого утра. Их начала уже одолевать тревога. Но карканье ворона, раздавшееся поблизости, возвестило о благополучном возвращении Мишки.

По установившейся традиции ребята ничем не обнаружили своих опасений и любопытства. Усевшись на траве по обеим сторонам Следопыта, они разложили перед ним немудреную закуску. Покончив с едой, Следопыт рассказал друзьям о результатах своей экспедиции в лагерь Махно. Есаул действительно вернулся в шайку, которая расположилась за лесным массивом в большом селении. По некоторым признакам и по подслушанным разговорам Следопыт вывел заключение, что в банде назревает раскол. Часть махновских соратников была недовольна чересчур «самодержавным» поведением Махно, который расправлялся с ними, как хотел, по любому поводу, нередко засекая насмерть наиболее строптивых. Недовольны были бандиты и «несправедливым» распределением награбленного добра. Но наибольшее раздражение вызвали последние неудачи шайки и явная бесплодность всех попыток

РАССВЕТ В СВЕРДЛОВСКЕ. СНИМОК И. ТЮФЯКОВА.

подорвать Советскую власть на Украине. Часть молодых махновцев поговаривала даже о переходе на сторону красных. Расправа Махно с есаулом подлила масла в огонь.

— Мне кажется, что при первой же серьезной стычке с красными часть банды покинет Махно, — заметил Следопыт, кончая рассказ. — Особенно, если увидит в наших рядах есаула...

С этими словами разведчик растянулся под деревом, решив передохнуть до восхода солнца.

— А Голубую Лисицу я все-таки высеку, — пробормотал он, уже засыпая.

Свод прилег рядом с Мишкой, а Ю-ю, как обычно, поджал под себя ноги и уселся у изголовья своих друзей с «карабаем» наготове. Он ни на минуту не смыкал глаз. Его взгляд подолгу останавливался на спокойном лице Дуняши.

Ю-ю теплели, губы расплывались в счастливую улыбку. Он еще не отдавал себе отчета в том, как горячо и чисто любит эту девушку. Но, если спросить его, что есть в мире самого дорогого и прекрасного, он назвал бы Дуняшу.

Окончание следует.

ОРЛЕНОК

Непокорный,
гордый,
непреклонный,
Жизни для Отчизны не щадя,
Он пошел под красные знамена
В армию великого вождя.

Знают ныне взрослый и ребенок:
Той уральской грозовой весной
За святое дело пал Орленок,
Комсомолец Родины родной.

Продолжая подвиг паренька,
От него мы взяли эстафету,
Сделаем мы радостной планету,
Коммунизм построим на века.

Николай КУШТУМ

Памятник героям-комсомольцам в Челябинске. Скульптор Л. Головицкий.

КОМДИВ 27

Усталый командир легендарной 27-й Омской Краснознаменной дивизии Степан Сергеевич Вострецов медленно ехал верхом по извилистой лесной дороге. После трех суток учений дивизия возвращалась в свой лагерь на отдых. Командир, обогнав полки, ехал со своим адъютантом и боевым товарищем Чу Чин-лином.

Добровольцем вступив в 1918 году в Красную Армию, китаец Чу Чин-лин храбро сражался на Восточном фронте против колчаковцев. В одном сражении он вынес тяжелораненого Вострецова с поля боя. Прошло пять лет, как закончилась гражданская война, но они не хотели расставаться. Вот и сейчас они ехали рядом и, отдыхая, вспоминали былые: тяжелые бои на Уфимском плоскогорье у деревни Верхние Киги, бои под Златоустом за Уральский хребет, схватки с колчаковцами под Челябинском. Вспомнили, как Чу Чин-лин ходил в разведку, его ранили, но он захватил в плен двух колчаковцев с пулеметом.

Деревня поредела. Всадники выезжали из леса. Позади раздалась песня:

В степях Приволжья, в безбрежной шире,
В горах Урала, в тайге Сибири,
Стальной грудью врагов сметая,
Шла с красным стягом двадцать седьмая...

Нагоняя комдива, на опушку вышла колонна. Впереди ехал командир полка Ф. А. Ершаков, во главе батальонов любимцы бойцов — А. В. Васильев, С. С. Епанечников, И. С. Шапкин, ныне офицер Советской Армии.

И вот комдива нагнала медленно двигающаяся повозка. Лошадь слегка хромала.

Вострецов строго спросил ездового:

— Почему лошадь хромает?

— Расковалась, товарищ командир дивизии,— смущенно ответил боец, приложив руку к козырьку.

— Вижу. А почему не проверил перед выездом в поле и не подковал вовремя?

— Три дня тому назад водил ковать,— разъяснил ездовой,— да кузнец у нас молодой, неопытный. Нет у нас в дивизии хорошего кузнеца...

— Как нет?— резко оборвал его командир дивизии.— Сворачивай в штаб и жди там.

— Есть, товарищ командир дивизии, приказано ехать в штаб дивизии и там ждать,— повторил приказание ездовой.

Не прошло и двадцати минут, как солдаты-кузнецы всей дивизии, поправляя на ходу гимнастерки, выстроились перед штабом.

— Что случилось?— недоуменно спрашивали они друг друга.— Зачем нас всех вызвали?

Появился Вострецов. Подойдя к бойцам, он неожиданно спросил правофлангового:

— Кто у вас командир дивизии?

— Вы, товарищ командир дивизии,— бойко ответил старший кузнец полка.

— Не о том спрашиваю,— сердито ответил Вострецов. И спросил у другого:— Ну, а ты знаешь?

— Командир нашей 27-й Омской Краснознаменной дивизии — герой гражданской войны, четырежды орденоседец,— отчеканил боец.

— Герой... Не о том речь. Я спрашиваю, кто у вас командир дивизии по специальности?

Никто не мог ответить на этот вопрос.

— Ну, так запомните,— сказал Вострецов.— Ваш командир дивизии — кузнец. Работал кузнецом в железнодорожных мастерских в Уфе, в Челябинске, в царской армии так же, как вы сейчас, ковал лошадей.

К Вострецову подвели хромую лошадь.

— Кто ковал?— спросил он.

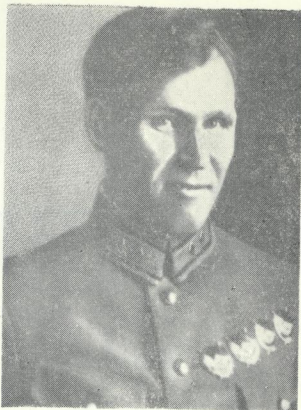
— Я, товарищ командир дивизии,— тихо ответил кузнец 80-го полка Киселев и опустил голову, готовый получить наказание.

Но Вострецов быстро надел поданный ему брезентовый фартук, взял инструмент и подошел к лошади.

— Смотрите, как она подкована,— показывая ногу лошади, сказал он.— А теперь смотрите, как надо подковывать.

Сорвав старую подкову, Вострецов подрезал копыто, тщательно подогнал новую подкову, затем быстро и ловко перековал все четыре ноги лошади.

Как было солдатам не любить такого комдива! Ветераны дивизии часто рассказывали молодым бойцам о Вострецове. Четыре героя гражданской войны — В. Блюхер, Я. Ф. Фабрициус, И. Ф. Федько и С. С. Вострецов — были награждены по четыре раза орденами Боевого Красного Знамени. Биографию Вострецова знал каждый боец и командир двадцать седьмой. С девяти лет он начал работать, помогая старшему брату-кузнецу в селе Казанцево близ Бирска (ныне Башкирская АССР). Затем нужда заставила двенадцатилетнего мальчика покинуть родительский дом и пешком за 120 километров пойти в Уфу искать работу.

С. С. Вострецов в 20-х годах.

Юношей рабочий Степан Вострецов вступил на путь революционной борьбы. В 1905 году он расклеивал листовки против царя, участвовал в массовых выступлениях во время Первой русской революции, стал членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Затем он был солдатом царской армии, три года отсидел в тюрьме за агитацию против самодержавия, а в первую мировую войну был награжден Георгиевскими крестами и двумя медалями за храбрость.

Когда после Октябрьской революции трудовому народу пришлось отстаивать молодую Советскую Республику с оружием в руках, Вострецов стал одним из самых отважных красных командиров.

В предгорьях Урала с осени 1918 года С. С. Вострецов сражался с белогвардейцами. Весной 1919 года освобождал от колчаковцев Бирск. Затем, командуя 242-м Волжским полком, громил колчаковские банды в горах под Златоустом. 24 июля 1919 года С. С. Вострецов с небольшой группой бойцов своего полка неожиданно ворвался на станцию Челябинск и открыл пулеметный огонь по эшелону колчаковцев. Когда вражеская пуля сразила пулеметчика, командир полка сам лег за пулемет и заставил противника бежать. Первым боевым орденом С. С. Во-

стрелов и был награжден за взятие Челябинска.

Подоспевшие бойцы 242-го Волжского совместно с бойцами 243-го Петроградского полка выбили засевших в Челябинске белогвардейцев и освободили город. Но колчаковцы собрали севернее Челябинска свои резервы и перешли в контрнаступление, и шесть суток, днем и ночью, шли упорные бои.

В этом сражении погиб боевой друг Вострецова — командир 235-го Невельского полка Окулов и другие героико-освободители Урала.

На помощь Красной Армии со всех сторон подходили отряды вооруженных уральских рабочих. Белогвардейцы сумели прорваться к городу в районе станции Косарги и пытались обходным маневром окружить страшную для них 27-ю дивизию. Вострецов двинул свой полк на противника тоже в обход и вместе с 241-м Крестьянским полком смелым и сильным ударом во фланг смял колчаковцев и обратил в бегство.

С. С. Вострецов в 1932 году.

Разбитые под Челябинском белогвардейцы поспешно отступили на восток, бежал с Урала и сам Колчак, надеясь закрепиться на реке Тобол и удержаться в своей столице — Омске. Но ничего у него не получилось. В ноябре 1919 года Красная Армия подошла к Омску. 242-й Волжский полк Вострецова двигался в голове наступающих войск. Ночью с группой храбрецов командир полка прорвался сквозь колчаковские цепи и захватил железнодорожную станцию. В штабном вагоне белых он заставил колчаковского офицера отдать по телефону приказ всем белогвардейским частям сложить оружие. В это время полки 27-й дивизии атаковали город.

За освобождение Омска дивизия была награждена революционным Красным Знаменем, и ей было присвоено почетное наименование «Омская».

Второй орден Красного Знамени Степан Сергеевич получил на Западном фронте в боях за освобождение Белоруссии, где он был очень тяжело ранен. Третий орден — за боевые дела, воспетые в народной песне «По долинам и по взгорьям». В «штурмовые ночи Спасска» Вострецов командовал, идя впереди наступающих цепей на сильно укрепленные позиции города Спасска на Дальнем Востоке. Вместе со своими бойцами он одним из первых вошел в освобожденный от белогвардейцев и иностранных интервентов Владивосток.

Четвертым орденом Красного Знамени С. С. Вострецов был награжден за хитро задуманную и блестяще выполненную операцию на Дальнем Севере: в трудных опасных условиях была ликвидирована последняя белая банда колчаковского генерала Пепеляева (брата расстрелянного колчаковского председателя Совета Министров Пепеляева). Сам Пепеляев взят в плен. Дальневосточным Чапаевым назвали хабаровские комсомольцы нашего земляка, уральского кузнеца Степана Вострецова, который, когда «на Тихом океане свой закончили поход», стал командиром легендарной 27-й дивизии.

Е. ТИМОФЕЕВ,
полковник запаса

Коммунары РАССВЕТА

Ф. БУЛАТОВ,
старый коммунист

Рисунки В. Бубенщикова

1

Это было в конце гражданской войны. Коммунист Сафон Сидорович Орлов приехал домой из Тобольска, где около года сидел в белогвардейской тюрьме. Красные войска так быстро заняли Тобольск, что расстрелять всех заключенных в тюрьме белые не успели.

Крестьянин Орлов сначала не совсем ясно разобрался в событиях. Но в тюрьме он научился многому от товарищей-коммунистов. И вот он снова на свободе, остался жив. В тюрьме каждую ночь ожидали смерти: белые расстреливали то одного, то другого.

Орлов пошел в окружком партии и сказал секретарю:

— Хочу идти добровольцем в Красную Армию.

Но оказалось, что он глуховат: в тюрьме его однажды сильно избили.

— Красная Армия добьет Колчака и без твоего участия, — ответил секретарь. — Ты, крестьянин, иди домой, сплывай крестьян вокруг Советской власти. Вот тебе брошюра с речью Владимира Ильича Ленина, прочитай ее товарищам на селе.

Близко родная деревня. Дома ждут маленькие сыновья, жена. Орлов перебирал в памяти и всех бедняков, с которыми надо будет действовать вместе. Петр Горюнов... многочисленный... мается, небось, и не сеет нынче. Фома Отставнов... Федор Стафеев. Кого-кого, а бедняков в деревне много!

2

В избе Орлова собралась беднота, человек двадцать. Все они хозяйничали на осинском пласту, вернее, не пласту, а на отдельных лужайках. Земля была подзолк, кормила плохо, кроме овса и ржи, ничего не росло. При больших дождях и рожь гнивала. А народ умелый, золотые руки — гнули ободья, делали колеса, коромысла, в общем, ремесленничали.

Орлов долго рассказывал о революции, о гражданской войне, прочитал беднякам брошюру Ленина.

«Жить по-старому, — писал Владимир Ильич, — как жили... нельзя, и такое расхищение человеческого сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше про-

По следам рудознатцев

На севере Свердловской области, в районе города Североуральска, расположено крупнейшее в мире месторождение бокситов — алюминиевой руды. Зовут это месторождение — Красная Шапочка.

Много разных легенд и предположений сложилось вокруг сказочного названия богатого клада. Многие, например, предполагали, что там, где впервые начали добывать бокситы, была большая красная сопка. А старожилы это опровергают: не помнят они такой сопки.

Недавно нашли записки Петра Герантьевича

РАСТЕТ

Баянова, жителя села Петропавловского. Оно находится в нескольких километрах от того места, где обнаружили бокситы.

Записки Петра Герантьевича помогли разгадать тайну сказочного названия. На его глазах проходили первые изыскательские работы.

В 1930 году, когда в стране только еще создавалась алюминиевая промышленность, особое внимание уделялось разведке недр Северного Урала: там бокситы встречались.

Геолог Александр Николаевич Каржавин руководил поисковыми работами на территории,

должаться не может... Вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному...»

Слушая, Горюнов возбужденно тербил шершавыми руками свою русую бороду. Затем он встал, перелернул кушак, подошел поближе к Орлову. Все ждали, что Горюнов скажет, этот редко говоривший многосемейный бедняк, кряжистая сутловатая фигура которого как будто была для того и создана, чтобы терпеть нужду.

— Сафон Сидорович! Сердце болит от дум. Вот она жизнь-то, руками вот этими делается. — Он протянул перед собой заскорузлые жилистые руки. — Но, видно, одних рук не хватает для хорошей жизни. Надо соединить наши руки. Надо, чтобы еще и разум был. Разум партия нам дает. Советская власть поможет. Прошу записать меня в коммуны.

Орлов вышел из-за стола, обнял за плечи Горюнова и поцеловал его. Затем записался Федор Стафеев, Фома Отставнов и еще девять бедняков. Председателем коммуны избрали Орлова.

Назвать коммуны решили «Рассвет», потому что собрание окончилось к рассвету, и людей встречал встававший новый день, день новой жизни.

3

В Красноуфимске председатель коммуны Орлов обратился в уездный продовольственный комитет с просьбой отпустить семя коммуне и немного продовольствия. Ему ответили: «Упродком не имеет права разбазаривать хлеб, заготовленный для государства».

Орлов возмутился и пошел в исполком уездного Совета с жалобой. Исполком на заседании выслушал Орлова, как была организована коммуна «Рассвет», и обязал упродком выделить коммуне 100 пудов семенного зерна и 25 пудов муки на питание.

Коммунары стали энергично готовиться к севу. Обобществленных лошадей подкармливали отрубями и мешанной. Стафееву было поручено в селе Березовке, через Совет получить выделенные из числа конфискованных у богатей 6 плугов и 2 конные селки. Горюнов и Отставнов поехали за выделенными коммуне семенами. Остальные готовили плуги и бороны.

В конце апреля с красным флагом выехали на первый коллективный весенний сев.

Летом знакомится с коммуной приезжало много крестьян-бедняков из окрестных сел и деревень. Детально расспрашивали обо всем: коммуна стала заразительным примером для них.

Коммунары работали на заготовке сена, затем хорошо справились с уборочной.

Хозяйство пошло в гору.

Но конец 1920 года принес много и горя. Многие кулацкие сынки, мобилизованные советской властью в трудовую армию, дезертировали и пробрались домой. Газета «Уральский рабочий» (№ 251, 24 октября 1920 г.) по этому поводу писала: «Красноуфимский уезд по своей природной «приветливости» славится нальпымо дезертиров». И правда, густые непроходимые леса (урманы) вокруг коммуны «Рассвет» стали приютом для дезертиров. Наступающие морозы, голод и ненависть к беднякам заставляли дезертиров объединяться в банды, одна из них начала орудовать между Нижними Сергами, Шемахой и Назянетровском.

О их похождениях в «Уральском рабочем» сообщалось: «Бандиты не только грабят, они убивают выборных работников Советов. В одной из деревень Михайловской волости, увидев выборного работника Совета, в присутствии детей в его комнате подвесили за шею. Одного продотрядника дезертиры ранили в живот, а потом поджаривали его на огне».

Крестьяне активно помогали красноармейским отрядам вылавливать дезертиров. Коммуна «Рассвет» тоже не стояла в стороне. Одна из таких банд, известная по всей округе, была банда Си-

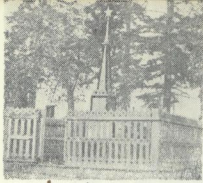
КРАСНАЯ ШАПОЧКА

где ныне расположен город Красноуральск. Здесь он обратил внимание на бурый камень, который увидел в коллекции известного ученого и краеведа Федорова. Этикетка гласила: «Бедный железняк». Этот кусок руды Каржавин послал в Москву на исследование. Действительно, в руде было мало железа. Но оказалось, что это боксит. Просматривая записки, оставленные Федоровым, Каржавин установил, что кусок «бедного железняка» найден неподалеку от села Петропавловского. Началась разведка. Так были открыты богатейшие залежи боксита.

Ну, а Красная Шапочка? Баянов пишет, что здесь же, на одной из обыкновенных сопок, как раз на развилке дорог, стояла большая лиственница. Иногда она покрывалась хвоей красноватого оттенка. Вершину ее сломала молния. Ветки дерева причудливо переплелись, напоминая шапку. Лиственница служила хорошим ориентиром. Вот откуда и произошло сказочное название богатого клада руды.

Чтобы увеличить производство алюминия в три раза, как это намечено в семилетнем плане, нужно усилить и добычу сырья, из которого

нищина, сына крупного кулака из села Шемена. Их человек сорок скрывался в лесах около горы Теплой.

Памятник погибшим коммунаркам.

В землянке столпилась орава бандитов, вооруженных чем попало. Главарь Синицын, обросший, опухший с перелою, глаза налились кровью, дел мутным взглядом присутствующих.

— Кто сказал, что нас в Аржанге перехватит красноармейский отряд Снегирева?

— Я сказал, — ответил Левка Шавкунов.

— Ты целую неделю пьянствовал у себя дома, ничего не знаешь. За такую панику надо тебя прикончить!

Бандит Мельников, чтобы выслужиться, поставил перед Синицыным новую бутылку самогона.

— Надо сейчас же ехать и всю коммуноу... того.

Синицын хлебнул еще и заорал:

— Бей коммунистов! Громи Советы! Душить их беспощадно! Не быть им хозяевами! Мы хозяева!

А в это время председатель коммуны Орлов получил через нарочного записку из Поташкинского волостного исполкома Советов: «Тов. Орлов! 24 октября с. г. на заседании волисполкома слушается ваш доклад о работе коммуны «Рассвет». Соответственно с этим приготовьте материал».

И Орлов собрал членов коммуны, чтобы подвести итоги работы за сезон. Ф. Е. Стафеев, ведавший учетом, доложил:

— В коммуне 15 семейств, всего трудоспособных 32 человека. Коммуна имеет 17 лошадей, 10 коров, посева было 40 десятин, озимых посеяно 10 десятин. При обмолоте в среднем падает по 60 пудов с десятины.

На собрании решили начать строительство собственной мельницы, скотного двора, склада для хранения зерна. Затем Орлов уехал в село Поташку на заседание волисполкома.

Там он отчитался и рассказал:

— Живем мы дружно. Все возникающие недоразумения устраняются на заседаниях правления коммуны или на общем собрании.

производятся металлы. Поэтому сейчас на Североуральских рудниках развернулось большое строительство.

За семидесять лет здесь созданы семь вертикальных шахт-гигантов. Самая крупная из них по мощности равняется трем-четырем существующим. Рабочих вы здесь почти не увидите: все процессы будут автоматизированы.

В районе Североуральска много подземных пещер, трещин, воронок, по которым вода из рек поступает в шахты и затопляет их. На откачку воды тратится очень много средств. Например, в мае 1957 года из шахт выкачано столько воды, что если ее слить в одно место, то потребуется бассейн длиной и шириной в один километр, а глубиной четыре метра. Поэтому около Североуральска строятся железобетон-

Коммуна пользуется авторитетом в соседних селах. Среди единоличных хозяйств волости мы, как «светлячок», показываем путь беднейшему крестьянству... Только вот банда Синицына угрожает нам расправой. Я прошу исполком, чтобы красноармейский отряд, возглавляемый товарищем Снегиревым, передвинуть к нам. Мы поможем выловить бандитов.

Заседание постановило помочь коммуне через Березовское селпо продать коммунаркам с срочной жатки-сноповязалку, триера для сортировки семян и другие машины. Орлов также вручил пакет на имя командира красноармейского отряда Снегирева и дали сопровождающего красноармейца Елизарова.

В свою деревню Деганчу Орлов с Елизаровым возвращались верхом на конях и решили заехать к коммунаркам на реке Оса. Оттуда короче путь и до Верх-Белянки, где стоял отряд Снегирева.

Когда приближались к дому коммунара Горюнова, заметили, как из лесу с горки к реке спускается верховой отряд, человек тридцать. Что за отряд, в темноте не разберешь, и Орлов крикнул:

— Эй, кто вы?

— Свои, — ответили ему.

— Наверно, разведка красноармейцев, — предположил Елизаров, и они с Орловым спешили.

А отряд во весь опор перескочил по мосту реку, и Орлова с Елизаровым сразу окружили. Увидев, что они попали в руки бандитов, Орлов выхватил револьвер и открыл огонь. Красноармеец Елизаров тоже. Но Елизарова убили, а Орлова схватили живым, обезоружили.

Главарь Синицын орал:

— Бей! Громи! Истребляй!

На глазах Орлова озверевые бандиты выволокли из дома Петра и Михаила Горшковых, Фому Отставного, тут же расстреливали их, кололи штыками и топтали ногами. Синицын подошел к Орлову:

— Ну, что осталось от твоей коммуны? Больше ей не встать. А тебе, небось, умирать-то не хочется? Молчишь? Трусишь?

— Я не боюсь смерти. Это тебе страшно: ты же не сегодня, так завтра будешь уничтожен

ные каналы, по которым пропустят реки. Это грандиозный труд. Только для того, чтобы прорыть котлованы для каналов, требуется вынуть сотни тысяч кубометров скального грунта. Попробуем погрузить его на автосамосвалы. Тогда получится караван машин длиной от Свердловска до Москвы.

Быстро и неузнаваемо по воле партии преобразается ранее захолустный суровый край. Город и шахты теснят тайгу, дороги режут ее на отдельные куски.

Сейчас даже старожилы не могут указать точное того места, где была сопка с ливневницей.

А. МАЛЬЦЕВ

народом,— ответил Орлов и плюнул бандиту в лицо.

— Бей его! — завизжал Синицын и выстрелил в грудь Орлову.

Один из коммунаров — Федор Крупянко, услышав стрельбу и крики бандитов, побежал ночью по лесу и добрался до поселка Верх-Белянка к командиру красноармейского отряда Снегиреву. Поднятый по тревоге отряд во весь опор помчался туда, где свирепствовала банда.

Но в это время кулаки поскакали в деревню Арганчу к дому секретаря партячейки коммуны Федора Естафьевича Стафеева.

Они оценили дом Стафеева и хотели захватить секретаря врасплох. Стафеев не растерялся, заперся. Бандиты стали ломиться к нему — он открыл огонь из нагана. Тогда бандиты бревнами стали выбивать дверь, а Стафеев взял самодельную бутылочную гранату и залез на чердак. Когда кулачье ворвалось в сени, он бросил гранату в толпу и крикнул:

— Получайте, гады, мой гостинец!

Выломав в крыше доски, Стафеев прыгнул с чердака в огород и побежал, но провалился в картофельную яму, сломал ногу и был захвачен бандитами. Они изрешетили его пулями.

Награбив и захватив с собою все, что только можно было, бандиты поспешили скрыться.

Отряд Снегирева без устали преследовал кулацкую банду.

Как ни хитро были замаскированы кулацкие землянки у горы Теплой (один дымоход даже был выведен в дупло старой липы), красноармейцы разыскали их гнездо. Окружили, забросали гранатами. Ни один бандит не ушел. Главарь Синицын и с ним двенадцать бандитов были уничтожены, двадцать семь остальных — арестованы. Военный трибунал большинство из них приговорил к расстрелу.

А погибшие от руки бандитов коммунары с почестями были похоронены в селе Поташки (сейчас Артинский район Свердловской области). Колхозники, трудовая интеллигенция, школьники и пионеры и поныне бережно охраняют священную могилу коммунаров и чтят их память. Славится в этих краях колхоз «Урал». Он сейчас сильно разросся, объединился с другими, с каждым годом становится богаче и богаче.

Дело первой коммуны «Рассвет» никогда не умрет.

Папина кукла

Она сидит на письменном столе, большая, нарядная. Чувствуется, что куклой в доме не играют. У нее целы руки, не оторваны ноги, и нос, который у всех кукол бывает отбит на следующий же день после покупки, цел и невредим.

Семилетняя Таня с уважением поглядывает на нее.

— А почему ты не играешь этой куклой? — спрашиваю я.

— Матильда папина, — серьезно отвечает Таня.

Папина кукла? Интересно! Папы редко играют в куклы. И потом — почему «Матильда»?

— А еще у папы есть медаль. Вот! — говорит Таня.

Медаль № 15592

Из золотых колосков поднимается развернутое знамя. На нем — барельеф Эрнста Тельмана. Вокруг по-немецки написано: «Будь готов к защите Родины!» Наверху, на ленточке, — три буквы FDJ и цифры 15. 8. 1951.

FDJ — Союз свободной немецкой молодежи. Медаль имени Эрнста Тельмана — высшая награда этого Союза.

15 августа 1951 года... В этот день студенты и молодежь — участники III Всемирного фестиваля — из восточной зоны Берлина, где проходил фестиваль, с лозунгами, транспарантами отправились в западный сектор. Они шли с мыслью о мире, дружбе, братстве. Встретили их танки, пулеметы. Западноберлинская полиция постаралась: 413 юношей и девушек были ранены. И вот в память о жертвах этой мирной демонстрации Союз свободной немецкой молодежи ГДР постановил учредить медаль имени Эрнста Тельмана.

...Как же попала она к Таниному папе, тагильскому горняку?

Солдаты тушат пожар

4 сентября 1955 года. Пожар начался внезапно. Огромный пожар на маслодельно-мукомольном комбинате в одном городке Германской Демократической Республики.

Когда пламя, охватив этажи, вырвалось на волю, тагильчанин Иван Шубин с друзьями играл в футбол на физкультурной площадке в своей воинской части, которая стояла неподалеку.

— Пожар! — крик Шубина потонул в зву-

ках боевой тревоги. Через несколько минут два подразделения советских солдат с брандспойтами, лопатами, шлангами ринулись в пылающее здание.

О том, что было дальше, писали многие журналы и газеты Германской Демократической Республики и других стран. Вот что напечатано в журнале «Фрайе вельт» («Свободный мир») за 1955 год.

«В МОРЕ ОГНЯ»

Особенно неистовствовало пламя в маслодельном цехе. Здесь был главный очаг пожара. А рядом с цехом — бочки с машинным маслом. Много бочек. И каждая могла взорваться в любой момент: они уже накалились.

Иван Шубин первым очутился у этого ревущего царства огня и разрушения. Секунда — и он скрылся в пламени. За ним — друзья Геннадий Комаров, Джонни Тидиа, Виктор Алексеев, Геннадий Рудь и Дмитрий Рочев. Никто не думал об опасности. Одни выкатывали из помещения бочки, другие выносили маргарин, муку, зерно, масляничные культуры. Многие сотни тонн вынесли руки советских солдат.

Вооружившись брандспойтом, Шубин потянул пожарный рукав к маслодельному цеху. Кто-то помог ему. Оглянулся — Михаил Деревяноко, товарищ по части.

— Скорее, скорее, Миша!

Цех весь залит пламенем. Опять цистерны. На этот раз с маслом, подсолнечным и льняным. Их немало, и в каждой по несколько тонн. Если взорвется хоть одна, все попытки потушить огонь будут напрасны. Едкий, удушливый дым лезет в рот, в глаза.

С потолка рухнула огненная балка, за ней другая. Что-то ударило Шубина в спину. Но он не чувствует боли. Прекратилась подача воды: горящее бревно придало шланг. Шубин отбросил бревно — путь воде открыт. Задыхалась гимнастерка, вот-вот вспыхнет. Кажется, что сил хватит уже ненадолго. Но пламя через проем в потолке перекинулось на другой этаж, в цех окончательной обработки жмыха. И Шубин с Деревяноком поволокли шланг туда.

Новое препятствие — большая раздвижная железная дверь преградила путь. Она закрыта и накалена. За железом — огонь, слышно потрескивание горящих досок, стук падающих балок.

Удар ломом. И огненный вихрь опалнул лицо солдата. Здесь все в огне. Сверху и снизу пылает пол. Насквозь просматриваются этажи. Тяжело нагруженные солдаты перепрыгивают с одной балки на другую. В любой момент можно провалиться через этаж на раскаленные докрасна автоматические прессы.

Советским солдатам помогают жители ближайших городов, рабочие комбината, многочисленные пожарные команды из всех соседних населенных пунктов.

«Еще пару минут, — думает Шубин, — и большая часть будет спасена». И тут

Немецкие пионеры в палате у Шубина.

случилось страшное. Сперва с грохотом и треском обвалилась крыша. Как брызги гигантского морского вала, разлетелись искры, унося огненным вихрем в небо. За ней закачалась и рухнула стена. Ее обломки живо погребли солдата. Это был Иван Шубин.

«Будет жить!»

Очнулся Шубин в госпитале, на кровати, один конец которой был неестественно приподнят. Казалось, он висит. Двигались только руки и голова. Ног Иван не чувствовал совсем. Около кровати стоял баллон с кислородом и цветы. Много цветов.

«Что со мной? Где я?» И опять сознание оставило его.

Два месяца советские и немецкие врачи боролись за жизнь Шубина. Два месяца у его постели дежурили товарищи по части, немецкие пионеры.

Три недели у кровати стоял кислородный баллон.

Диагноз был серьезный: сотрясение головного мозга, сдавление позвоночника, кровоизлияние в спинной мозг, потеря подвижности и чувствительности ног.

Но врачи сказали: «Будет жить!»

Носок сапога

В палату к Шубину пришел и Франц Курт, рабочий комбината. Он тоже был на пожаре. Перебираясь через дымящиеся балки, груды кирпичей, он вдруг увидел торчащий из-под них носок сапога. «Человек!» Курт быстро разрыл. Под обломками лежал солдат без сознания.

Из окна по лотку Ивана Шубина спустился на землю. Минуты... И двери госпиталя закрылись за санитарными носилками.

...Немецкий рабочий и тагльский горяк. Встретясь в госпитале, они крепко пожали друг другу руки.

«Дружба и вечное спасибо!»..

Радио. Газеты. Журналы. О советском воине узнал весь мир. И к нему полетели письма. Рабочие, врачи, школьники, инженеры писали Шубину. И не только из ГДР. Письма приходили из Западной Германии, из других стран. Из далекого Китая писали Шубину ребята. Он получал в день по 100—120 писем. Простые люди благодарили советского воина за смелость, за то, что он жертвовал своей жизнью, спасая предприятие чужой ему страны. Артист из Дрездена писал Шубину:

«Дорогой друг!

Я был потрясен, когда прочитал о Вашем героическом поступке во время тушения пожара. От всего сердца благодарю вас за этот подвиг. Вот что такое дружба, человечность и героизм без громких слов! Вот каков советский человек!.. Дружба и вечное спасибо!..

Не так давно я переселился с запада нашего отечества в ГДР. В моих родных краях, на Рейне, я познал солдат-окупантов, носящих американскую военную форму. Я видел, как они избивали пивными бутылками шоферов такси... опустошали тяжелыми танками плодородные поля. Но я не видел ни одного их поступка, который можно было бы сравнить с Вашим».

Каждый день в палату к Шубину приходили делегации. Союза свободной немецкой молодежи, представители фабрик, профсоюзов — более 150 делегаций. Пионеры из берлинского детского дома принесли ему на память куклу.

Окружной комитет Союза свободной немецкой молодежи решил наградить русского солдата за героизм при спасении народного предприятия медалью имени Эрнста Тельмана.

Сейчас в ГДР дети ходят в школу имени Ивана Шубина по улице, тоже названной в честь его, и пионеры отряда имени Шубина хотят быть такими же смелыми, решительными, самоотверженными, как уральский горняк!

Человек поднялся на-гора

Лебяжинский рудник в Нижнем Тагиле. Закончилась смена, и говорливая лавина рабочих потекла вниз с горы, в поселок. Среди них коренастый человек — демобилизованный солдат Иван Степанович Шубин. Он небольшого роста, держится прямо, ничто не напоминает о тяжелых ранениях.

Дома его ждут письма. Он достает зеленатый конверт с немецкой маркой. Пишет бургомистру города, где был пожар.

— В гости зовет. Что ж, видно, съезжу к друзьям, в отпуск. Привет им от нашей шахты передам, от бригады, — говорит Шубин.

До службы в армии и после Иван Степанович работал на шахте «Эксплуатационная» машинистом электровоза. Но жизнь шагает вперед, вносит поправки.

— Теперь у нас бригада комплексная: сами и рвем, и бурим, и грузим, и возим. Словом, каждый и скреперист, и проходчик, и электровозчик, — все рядовые горняки, — смеется он.

И смех у него хороший, тихий, простой.

Оксана БУЛГАКОВА

А. ПОКАЗАНЬЕВ

Рассказ

Бригада сорилась. Та самая бригада слесарей Кости Шеломенцева, о которой напечатано целых два подвала в городской газете! Там превозносились их необыкновенная дружба, которая накрепко спаяла коллектив, соревнующийся за право называться коммунистическим. Характеры слесарей представлялись почти ангельскими. И вот эти-то ангелы, взъерошились и, размахивая испачканными рудной пылью и машинным маслом руками, неприятными голосами покрикивали друг на друга.

Было их шестеро. Седьмым в конторке мастера был Сережа Петелин, выпускник горнообогатительного техникума. Худощавый, хмурый, он сидел неподвижно и отчужденно смотрел на всех темными глазами. Лишь изредка на его губах появлялась и гасла непонятная усмешка.

Петелин попал в бригаду случайно. Просто не повезло. К его приезду на заводе не оказалось ни одной свободной руководящей должности. Сережа пошел в комитет комсомола, там ему посоветовали:

— Иди пока в слесарную бригаду. И тебе полезно: производство наше хорошо узнаешь. И ребята возле тебя малость пообтешутся. Воспитательной работы там пока никто не ведет.

Простым слесарем?! Да ведь он еще в прошлом году, когда был на практике, с успехом выполнял роль мастера.

Петелин скрыл свое недовольство и согласился поработать в бригаде. Но, сам того не замечая, он стал скептически относиться ко всему, что вокруг него происходило.

«Они и, правда, какие-то неотесанные, — думал Петелин, разглядывая возбужденные лица товарищей по работе. — Орут, как на толкучем рынке. И это бригада, которая борется за право

НЕСОЗНАТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКА.

называться коммунистической! Да никогда не завоевать им этого права при таком отношении друг к другу».

Ссора возникла из-за того, что молодые слесари, вчерашние фезеешники Витя Бахарев и Толя Соловьев вдруг отважились раскритиковать своих напарников, работавших по высокому разряду.

— Колдуете возле дробилок, как шаманы какие-нибудь, не объясняете ничего. Этак возле вас всю жизнь будешь малограмотным.

И ведь кто сказал-то, кто в шаманы произвел! Витька Бахарев, безропотно таскавший за Семеном Туркиным гачные ключи и глядевший ему в рот. Вот тебе и тихоня!

Долговязый Семен Туркин, оскорбившись, выпрямился во весь свой рост. Он мрачно скрестил руки на груди, презрительно изрек:

— Дитятко! Все дело в том, что твоя мама поторопилась взять свое недоразвитое чадо из детского садика. Но при чем тут слесарь шестого разряда Семен Туркин?

— Сами шевелите мозгами,— поддержал его лукавый Прохор Петухов. У него у самого второй месяц покорно ходил в подручных молчаливый Толя Соловьев.— Что, в самом деле, няньки мы вам, что ли? Руки вы боитесь запачкать, животик опасаетесь переутомить. В этом все дело.

— Э-эх, Прохор! — в гневе поднялся со скамьи Толя Соловьев.— Несознательная ты фигура! Руки я боюсь запачкать? Животик свой берегу? А кто позавчера за пятой дробилкой хралел на всю фабрику? Я или ты? Что ни грязней работа, ты ее мне. Шестерню тащить со склада — такси тебе всегда готово: загвозок мой. Бессовестный ты, Прохор! И зачем тебя в бригаду взяли, я удивляюсь.

Такой прыти от напарника Петухов никак не ожидал.

Витя Бахарев пошел «на второй завод».

— А ты, Туркин, беда, какой разви-

той! Все развитие в длину. Вымахал вон какой, а в голове одни пережитки. Зазнайство — раз! Любишь, чтоб угоджали тебе — два! Опыт свой, как Кошей Бессмертный, прячешь — три! И...

— Витя, ты неправильно избрал свой жизненный путь,— невозмутимо парировал Туркин.— Тебе надо в лекторы идти. С таким языком — и в слесарях! Талант зарываешь.

Сережа Петелин не принимал участия в словесной баталии. Впрочем, не он один. Помалкивал и сам бригадир — Костя Шеломенцев. Вел он себя как-то странно. Восхищенно крутил головой, когда кто-нибудь выстреливал остроумное словечко; добродушно посмеивался, глядя на расходившегося Витю Бахарева; задаченно скреб затылок, выслушивая саркастические сентенции Семена Туркина.

И это возмущало Сережу Петелина. Что это за бригадир?! Он, Петелин, уже давно поставил бы всех на свои места. Люди совсем забыли о своем высоком назначении. Ведут себя, как жалкие индивидуалисты. Необходимо тотчас же напомнить им о патриотической миссии, которую выполняют коллективы, включившиеся в соревнование высшей формы.

Но румяный бригадир с непростительными синими глазами, ни разу не вскипев, дождался, когда все выговорились, и сказал:

— Ну, теперь хватит. По-моему, сказано все. Разбирайтесь, что к чему. Разберетесь, я думаю!

И он невозмутимо перешел к текущим делам. Выяснилось, что кому-то надо выйти сегодня в ночную смену. Да не через шестнадцать часов, как предполагается, а через восемь. Иначе нельзя, потому что третьей дробилке грозит остановка, если не отрегулировать ее главные шестерни. А выкроить время для ремонта можно только ночью.

Бригадир поморгал, поглядывая то на одного, то на другого, и вздохнул:

— Бахареву с Соловьевым придется

выходить. Нам всем в школу сегодня надо. Среда. Ничего не поделашь!

Семен Туркин засмеялся. Петелину показалось, что смеется он злорадно, с торжеством.

— Хе-хе! Ты, Витя, речь произнеси перед дробилкой, глядишь, делу и подмога. Вот, не критикой старших. Так тебе и надо!

— Топай, топай в свою школу,— орызнулся Бахарев.— Может, когда-нибудь и сознательно станешь. Шамаи!

Злорадно, как опять показалось Петелину, осклабился и Прохор Петухов. Подмигивая сидящему Семен Туркину, он с ехидцей проговорил:

— Выговорочек, Толя, обязательно схватишь. Как завалите ремонт, так вам завтра механик вкатит. Персонально. Каждому. Вот мы с Семеном порадуемся!

На том и закончилась перебранка. Бригада разошлась.

Работа в ночной смене предстояла большая. Сережа Петелин, добираясь до общежития, с тревогой думал о том, что может произойти, если дробилку не отремонтировать вовремя. Техник-обогадатель, он отлично представлял себе схему размола поступающей в дробильное от-

деление руды. Любую другую мельницу можно когда угодно отключить, и технологический процесс не особенно пострадает. Но третью... Одна за другой останутся вслед за нею шаровые мельницы в главном корпусе обоганительной фабрики, затихнут флотационные машины. В конечном счете возникнет простой в медеплавильном цехе, и государство не получит много тонн черновой меди.

Какое недомыслие! Неужели бригадир не понимает всей серьезности создавшейся обстановки? А вся бригада? С каким удовольствием эти четверо отказались идти в ночную смену. Никто и не подумал о том, что ответственнейшая операция — регулировка шестерен — возложена на двоих неопытных слесарей.

Нет, он, Сергей Петелин, обязан вмешаться. В комитете комсомола были правы, когда сказали ему, что в бригаде нужна воспитательная работа. Не словесная, нет! Сергей Петелин воздействует на эту публику другим путем. Пусть они своими глазами увидят, что значит подлинно коммунистическое отношение к труду. Потом он проведет с этими малосознательными слесарями соответствующую беседу. Он объяснит им, каковы должны быть нормы

поведения, растолкует, что индивидуализм — это унижительный пережиток прошлого...

Ровно в полночь Сережа Петелин вошел в громадный корпус, заполненный могучим грохотом дробилок. Со скромным достоинством, ни на кого не глядя, он прошел по коридору в гардеробную, чтобы переодеться в спецовку.

В гардеробной сидел на скамейке и, нутужась, натягивал сапоги пожилой, добродушный человек — механик пролета. Он приветливо поздоровался с Петелиным, но не выразил ни малейшего удивления по поводу того, что молодой техник, работавший утром, вышел еще и в ночь. Сережу это задело. Втайне ему очень хотелось услышать слова поощрения и даже восхищения. Ведь далеко не каждый способен поступить так, как поступает сейчас он!

Механик, наконец, натянул задревевшие в сушилке сапоги и сказал Петелину:

— Решили, значит, помочь? Доброе дело!

— Да ведь иначе нельзя,— оживился Сережа.— Разве двое отремонтируют дробилку? А у бригады никакой заботы. Странная, знаете ли, какая-то бригада. Не осознали люди, что от них требуется. Не поняли еще, каким должен быть коммунистический труд. Словами их, конечно,

не воспитаешь. Нужен пример. Добрый пример. Ну, вот, я и решил выйти. Понимаете?

Он обернулся к механику. Тот как-то странно на него посмотрел.

— Да, конечно,— торопливо сказал механик, поднимаясь. Усмехнулся чему-то и, загремев сапогами, пошел к выходу.

Через пять минут был готов и Петелин. Он вышел из гардеробной и неторопливо направился в конторку мастера. За фанерной дверкой слышны были голоса: видимо, Бахарев с Соловьевым еще не ушли. Предвкушая их удивление и радость, Сережа изобразил на лице деловитую озабоченность и взялся за ручку.

В конторке на скамье у стены сидели рядом, как самые добрые приятели, Семен Туркин и его напарник Витя Бахарев. На другой скамейке вполголоса переговаривались Толя Соловьев и Прохор Петухов. А бригадир, все такой же невозмутимый и синеглазый, сидел за столом и писал в сменном журнале, изредка справляясь о чем-то у своего напарника Алешки Мельникова.

— Какой еще фитиль?— добродушно говорил Семен Туркин Вите Бахареву.— Сам ты фитиль! Сальником эту штуку называют. А кто тебе сказал, что сальники бывают только в подшипниках?

— Ага, теперь понял! — воскликнул Бахарев и посмотрел на Туркина восхищенными глазами.— Понятно, Сема!

Петелин, не двигаясь, стоял на пороге, забыв закрыть дверь. Его заметили.

— Вот это по-нашему! — сказал Сея Туркин и по-своейски подмигнул Сереже.

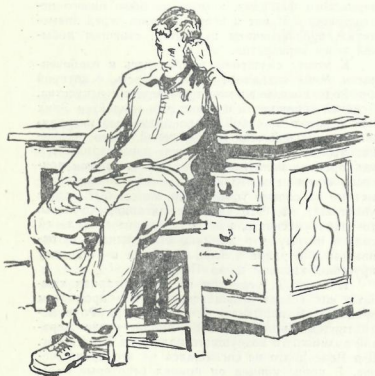
Глянул на Петелина Прохор Петухов и, рассмеявшись, сообщил:

— А я из-за тебя сегодня по алгебре чуть было двойку не схватил. Все думал: придет или не придет. Днем ты мне каким-то незоснательным показался. Каюсь!

Бригадир Костя Шеломенцев перестал писать, удовлетворенно посмотрел на Петелина и сказал:

— Чудаки! Наша же выучка! Человек-то ведь уже две недели у нас в бригаде!

И никто из них не понял, почему так пуницво, чуть не до слез, покраснел Сережа Петелин. Просто все решили, что он скромный парень и не привык, чтобы его вот так, в глаза, хвалили...

Приключения ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ

В № 2 «Уральского следопыта» за 1959 год была напечатана очерк М. Мамедова «Приключения янтарной комнаты», в котором рассказывалось о судьбе этого образца искусства, вывезенного фашистами из Ленинграда. Поиски янтарной комнаты продолжаются.

Еще в прошлом году газета «Калининградская правда» опубликовала интересные материалы о поисках янтарной комнаты. Они вызвали самый живой интерес не только в Советском Союзе, но и у наших друзей за рубежом.

Особенно активно откликнулся журнал «Фрай вельт» («Свободный мир»), который издает Общество советско-германской дружбы в Берлине. Журнал обратился к своим читателям с просьбой сообщить все, что известно о судьбе и местонахождении янтарной комнаты. Редакция журнала получила уже много важных сведений, которые сейчас проверяются. Один из откликов, напечатанных в еженедельнике, — статья профессора Берлинского университета имени Гумбольдта доктора Гергарда Штрауса, с текстом которой мы знакомим наших читателей.

ВСТРЕЧА И ДОЛГ

«Лишь тот может получить настоящее представление о янтарной комнате, кто имел счастье видеть ее целиком, лучше всего при солнечном освещении. Стены почти пятиметровой высоты, казалось, излучали при этом золотисто-коричневый свет — совершенно рассеянный и все же достаточно сильный, чтобы самому поглащать солнеч-

ные лучи. Одновременно создавалось впечатление, будто комната становится уже. Однако ощущения тесноты не возникало. Это напоминало внутреннее покои эпохи позднего абсолютизма, стены которых подчеркивались и одновременно скрадывались зеркалами».

Это описание янтарной комнаты — отголосок глубоко пережитого. Я считал уместным привести его для того, чтобы дать почувствовать неповторимость предмета, а следовательно, и его значение, и тем самым побудить людей помочь в розыске произведения искусства.

Сам я впервые увидел янтарную комнату в 1942 году, после того, как она была доставлена в Кенигсберг гитлеровско-фашистскими войсками. Доктор Роде, тогдашний директор местного музея искусств, тайком показал мне выложенные янтарем большие стеновые плиты еще до того, как они были установлены. Затем я снова увидел их уже как целую комнату — в верхнем этаже южного крыла замка и при полном солнечном освещении (д-р Роде избрал для выставки превосходное помещение, выходящее на южную сторону). Плиты были укреплены хотя и хорошо, но лишь временно. Это обстоятельство и некоторые высказывания д-ра Роде дали мне основание полагать, что он тоже рассматривал выставку в Кенигсберге как промежуточный этап.

Хотя красота произведения искусства произвела на меня очень большое впечатление, я был одновременно смущен и озабочен. Смущенным я чувствовал себя ввиду тех обстоятельств, при которых очутился в янтарной комнате. И хотя я был совершенно непричастен ко всему случившемуся, во мне жило ощущение, что я стал соучастником грабежа: ведь это были люди моего народа, которые напали на Советский Союз, продвинулись до Ленинграда и захватили эту драгоценность как военную добычу. Мое смущение возросло еще больше, когда д-р Роде показал мне и другие произведения искусства, вывезенные, вероятно, из Киева и Одессы, и рассказал о колоколах, доставленных из окрестностей Вильноса и отправленных на переплаву. Для меня и моих товарищей, хорошо знакомых с варварством гитлеровского фашизма, в этом не было ничего неожиданного. И вот я впервые стоял перед знаменитым произведением искусства, ставшим добычей этого варварства.

К моему смущению прибавилась и озабоченность. Меня озадачила таинственность, с которой д-р Роде показывал мне произведения искусства. Я начал спрашивать и узнал, что гауляйтер Эрих Кох оставил за собой право полностью распоряжаться судьбой этих произведений. Было очевидно, что похищенные ценности рассматриваются как предмет политики и что Кох со своими приспешниками не замедлит поступить с этими предметами по своему усмотрению, может быть, даже уничтожит их. Что касается янтарной комнаты, то такая опасность, нам казалось, не грозила ей только потому, что комната изготовлялась в основном в Берлине и была подарена в 1717 году прусским королем царю Петру I.

И все-таки, несмотря на это, янтарная комната, как вскоре оказалось, явилась предметом политики. Я попытался уговорить д-ра Роде демонтировать комнату, чтобы она не стала жертвой возможного воздушного налета на Кенигсберг. Д-р Роде долго не соглашался на это предложение. В конце концов он принял некоторые меры предосторожности. В оконных нишах были уста-

новлены для защиты от осколков невысокие за-
слоны, сделанные из тонких брусев.

В 1944 году, когда мы снова встретились с
д-ром Роде, тот сообщил мне, что он все-таки об-
ратился к Коху за разрешением демонтировать
янтарную комнату. Кох вначале отказал, расце-
нив это предложение как поразительное. Летом
он дал, наконец, разрешение на демонтаж — ис-
задолго до того, когда в течение двух ночей вся
центральная часть города, в том числе и замок,
была превращена под град бомб в выжженные
руины (между прочим, советские и французские
военнопленные по собственной инициативе пере-
правляли тогда впасть через рукава реки жен-
щины и детей, в то время как англо-американские
самолеты продолжали сбрасывать свой смерто-
носный груз. Среди населения об этом еще долгое
время шли разговоры).

На следующий день после налета я побывал
в центральной части города, совершенно разру-
шенной, отыскивал разбитые памятники архитек-
туры, зашел и во двор разрушенного замка — и
там я снова увидел д-ра Роде и янтарную комна-
ту. Она была упакована в большие ящики, стояв-
шие у входа в южное крыло. В его подвалах она,
очевидно, и находилась во время налета, что и
спасло ее от уничтожения. Д-р Роде ждал теперь,
пока подвалы окончательно остынут. Насколько
я помню, он хотел разместить ящики опять там
же, так как административное помещение музея
находилось как раз над этими подвалами.

Об этом он говорил еще в начале 1945 года,
а также о своем намерении спрятать янтарную
комнату. Какое место хранения имел Роде в виду,
узнать не удалось. Этот, между прочим, послед-

ний разговор состоялся, насколько я припоминаю,
между 11 и 15 января. Вскоре после того Совет-
ская Армия стояла уже под Кенигсбергом, пере-
резав в районе Эльбинга пути на запад. До кон-
ца марта еще существовал морской путь через
залив. Потом под ударами Советской Армии пала
крепость Кенигсберг. Непосредственно перед сла-
чей войска СС взорвали боеприпасы в том самом
южном крыле замка, в подвалах которого когда-
то находилась янтарная комната. Часть подвала
устояла от взрыва. Но янтарной комнаты там не
было обнаружено.

После 1945 года я еще несколько раз сталки-
вался с янтарной комнатой, правда, теперь уже
только мысленно, в поисках ее.

Такого рода «встречи» происходят еще и се-
годня. Однако справки, наводившиеся в различ-
ных пунктах республики, а также в других местах,
не дали результатов. Безрезультатными оказались
и большие поисковые работы, предпринятые
в 1949—1950 годах в Калининграде, к участию в ко-
торых был привлечен и я. Тем горячее приветст-
вую я инициативу журнала «Фрайе вельт», ре-
шившего обратиться ко всем и к каждому с
просьбой помочь в розысках янтарной комнаты.
Такого рода расследованиями мы обязаны заня-
ться сейчас больше, чем когда-либо.

Мы получили назад в полной сохранности все
наши произведения искусства, принятые в 1945 го-
ду Советским Союзом под свое кровительство.
Позаботимся же, чтобы в музеях Советского Со-
юза вскоре не осталось мест, напоминающих о
том, что когда-то там находились произведения
искусства, похищенные гитлеровцами и с тех пор
бесследно исчезнувшие!

ПО ДОРОГАМ ДЕДОВ И ОТЦОВ

Шел сентябрь 1918 года. Неожиданно в рас-
положении Красной Армии под Кунгуром появи-
лись подразделения какою-то неизвестного отря-
да красных. Это оказался Южноуральский парти-
занский отряд легендарного Блюхера. С тяжелы-
ми боями он прошел огромный путь от Белорецка
до Кунгура по тылам врага. Из него была сфор-
мирована 30-я дивизия III Армии, которая была
потом Колчака на Урале и в Сибири.

Историю «Железной тридцатой» стали изу-
чать члены общества «Глобус» Свердловского
Дворца пионеров. Они обнаружили много ценных
документов, реликвий. Эта работа оказалась на-
столько увлекательной и важной, что ею заинтересовалось Главное Политическое Управление
Советской Армии. При его содействии в чине криж-
ковцы побывали в одной из частей Советской Ар-
мии, которая продолжает славные традиции зна-

менитой дивизии Блюхера. Ребята встретились с
офицерами и солдатами части, подарили им бо-
шой альбом по истории 30-й дивизии.

Отряды краеведов общества «Следопыт»
Свердловской школы № 77 собирают материалы
по истории гражданской войны на Урале. Ребята
побывали в городе Реж, где встретились с бывшим
командиром пулеметного взвода 29-й дивизии Та-
ланкиным, мотоциклистом этой же дивизии Кар-
ташовым. Они нашли интересные фотографии, до-
кументы. Свою работу краеведы будут вести в те-
чение всего лета.

Пионеры свердловской школы № 8 сейчас ищут
материалы о героях гражданской войны в районе
города Нижние Серы.

А. АРЗАМАСЦЕВ

Этих дней не смолкнет слава

Это слова всем известной старой партизанской песни. В ней рассказывается о том, как народ защищал в грозные годы гражданской войны правое дело Октября.

То были грозные дни. Партия устами своего вождя Ленина бросила клич: «Все на защиту завоеваний Октября!» И тысячи добровольцев

пошли сначала в Красную гвардию, а потом в Красную Армию. Много было молодежи. Первыми шли члены ССРМ (Союза Социалистической Рабочей Молодежи), или, как их тогда называли, «соцмольцы» — будущие комсомольцы. В Екатеринбург они создали свою комсомольскую сотню.

Боевали они отважно, не щадя жизни. Од-

нажды во время неожиданной атаки белоказаков под Черной Речкой, в одной сотне рабочего отряда был убит командир. Бойцы растерялись, но член ССРМ медицинская сестра Шура Лошатиная, выхватив наган, кинулась вперед и заняла место павшего командира.

— Сотня, пли! — звонко скомандовала она.

Один дружный залп... второй. Белоказки дрогнули. Шура с криком «Сотня, за мной!» первая бросилась в атаку, увлекая за собою бойцов. И белоказки были отброшены, а затем и разгромлены.

Подробно об этом можно прочитать в книге А. Баранова «Октябрь и начало гражданской войны на Урале» и в сборнике «Разгром колчаковщины на Урале».

Смелым, безаветно преданным делу революции был начальник

Красной гвардии матрос Хохряков. Он героически погиб в августе 1918 года в бою с белогвардейцами под станцией Крутиха, недалеко от Екатеринбурга. Его именем названы улицы в Ленинграде, Свердловске, Тюмени.

О жизни этого удивительно отважного человека рассказывает в своей книге Ф. Корелин «Матрос Хохряков».

О том, как была разбита армия ярого врага Советской Республики Колчака и чем кончился этот «верховный правитель России», поддерживаемый иностранцами, вы узнаете из книги Л. Спирина «Разгром армии Колчака».

Много несчастий принес уральцам и сибирякам этот царский адмирал. Он ненавидел народ, и колчаковцев превосходительствуя всем другим белых банд над рабочими и крестьянами. Колчак был арестован и расстрелян по решению военно-революционного комитета в Иркутске и спущен в прорубь на Ангаре.

Большой, полный жертв и лишений путь прошла тогда героическая Красная Армия, прежде чем пробил желанный час победы. И уже тогда выковывался братский союз народов,

борющихся за свое освобождение, стремящихся построить мир. В Красную Армию добровольно вступали венгры, чехи, рабочие-китайцы, жившие на Урале.

Павел Петрович Бажов в книге «Бойцы первого призыва» рассказывает, как однажды во время боя из лесу, со стороны Ирбитских Вершин, показались два человека. Они привлекли внимание всего взвода,

расположившегося по линии, пересекавшей дорогу на Рудянку. Рослые, худощавые, длинноногие, они привели улыбались, у обоих за плечами было по небольшому узелку.

— К нам, что ли? В Красную Армию? — удивился командир взвода.

— Да-да-да! — быстро ответил китаец, и оба усердно закивали головами.

Так в 6-й роте полка Красных Орлов стали бойцами первые два китайца. Оба рабочие, и в первых же боях они показали себя стойкими и храбрыми людьми. Порой на них даже кричали: «Ложись, зря убьют». А китаец, пристроив винтовку на сук дерева у опушки, с неизменной улыбкой отвечали: «Шанг!».

П. П. Бажов был сам участником гражданской войны, служил в полку Красных Орлов. Об этом говорится в книге «Красные Орлы», написанной нашим земляком генералом армии Ф. И. Голяковым. Его книга — это дневник, который он вел во время походов полка.

То был легендарный полк. Уральские Красные Орлы всюду дрались умело, с хитростью и отвагой. Этот полк первым в Красной Армии был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Четыре десятилетия минуло с тех пор. Пройдут еще десятилетия, пройдут века. Но и ваши дети и дети ваших детей, свершая великие дела на земле, часто будут напевать эту старую боевую песню:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда...

Б. РЯБИНИ

ЧТО УВИДЕЛ СЛЕДОПЫТИК

5*

Читай со следующей страницы.

К. КОСТИН,
лауреат Сталинской премии

Рисунки Г. Перебатова

то в глухом лесу Яков Михайлович Свердлов в первый раз выступал на таинной скалке перед уральскими рабочими. Неподдалеку в дни гражданской войны колча-овцы, удирая из Екатеринбурга, пытались учинить последнюю кровавую расправу над группой сочувствующих большевикам, но жители сумели «раствориться» в дремучем лесу. Все это уже история, хоть еще и недавняя. А сейчас завод ежедневно отгружает по 20—25 вагонов электротехнического оборудования в разные концы нашего государства и другие страны.

Может быть, описывать все шаг за шагом?

Многие у нас на заводе помнят, как здесь шумели вековые сосны таежного леса. В теплые майские вечера там, где сей-

час протянулись нити стальных магистралей и асфальтовые полотнища дорог, любители самой поэтической охоты стояли на вальдшнепной тяге. А на том месте, где исполнинской тростью вышаряется заводская труба, в предурегниих весенних сумерках токовали глухари.

Один из заводских ветеранов — Евгений Владимирович Ганебный уверяет, что как раз там, где сейчас вход в наш гигантский трансформаторный корпус, он с дунок дублетом когда-то уложил пару матерых косачей. Лоси, козы, рыси нередко встречались здесь. А сколько было груздей и ягод!

Ныне пейзаж другой. Тайга сначала уступила место строительям. А они 15 июля 1934 года сдали в промышленную эксплуатацию первую очередь нового электротехнического завода. С тех пор он растет и растет.

Обдумывая, что и как написать, я бегал к Федору Никитичу Дядькину, к Григорию Кузьмичу Герасимову — строителям завода, работающим и ныне. Мне много рассказали любопытного А. П. Оленев, В. А. Юдицкий, А. С. Сагитов, О. И. Садовникова, А. В. Ефимченко и многие другие, кто бесменно трудится на заводе с первых дней его пуска. Среди них и старейший работник бюро технической информации Валерий Михайлович Безруков, которого в шутку называют историком, летописцем или передвижным справочным бюро завода.

Рассказ каждого из них занял бы полжурнала. Что делать? Голова у меня шла кругом.

Первая просека в лесу.

1. Тайна сновидения

Мне приснился необычайный сон. Будто бы меня разбудили...

Впрочем, сны — отражение действительности — вызываются возбуждениями в коре головного мозга, и в наш век искусственных спутников Солнца неудобно выдавать сны за явление загадочное. Поэтому сначала объясню, что предшествовало моему забавному сну.

В нашем конструкторском бюро работы было не меньше, чем у Петра I под Полтавой. За семилетку завод должен увеличить производствo гидрогенераторов в десять раз по сумме мощностей. А главное, мы проектируем еще невиданные в мире гидрогенераторы на триста тысяч киловатт каждый для будущей Красноярской ГЭС на Енисее.

И вот в такие жаркие дни звонят из «Уральского следопыта» и говорят: «Расскажите в журнале самое интересное о вашем заводе. Ему ведь исполняется 25 лет».

Тут и начались мои мучения. Хотелось выполнить задание редакции, но что же выбрать самое интересное? Думал-думал и чем напряженнее, тем более запутывался. День и ночь у меня в голове бродили разные мысли. Что интересно? Что неинтересно?

Завод «Уралэлектрааппарат» — детище второй пятилетки. Построен он на месте, где когда-

Вот что теперь на месте леса.

2. Что же мне приснилось?

Я ложился спать взбудораженный и обеспокоенный, теряя надежду выполнить задание «Уральского следопыта».

И однажды мне приснилось, будто меня разбудил сам следопыт. Да, да! Тот символический маленький человечек, что нарисован на первой странице каждого номера, рядом с названием журнала. Он так и явился ко мне, рисованный, как в мультипликационном фильме, и, стаскивая меня с постели, строго скомандовал:

— Подъем! На завод — шагом марш!

Меня испугала такая военная команда. Я никогда не служил в армии, это во-первых. А вторых, я почувствовал, что этот вездесущий, любознательный и пыливый искатель сейчас вымогает из меня душу почище, чем любой корреспондент. И потом это же во сне — я не смогу сопротивляться или скрыться: я же сплю!

Но он приветливо по-мальчишески улыбнулся и сказал:

— Поздравляю весь ваш замечательный коллектив с юбилеем!

«Ага!» — успокоился я немного. — Может быть, недостатками на заводе интересоваться не будет».

А он добавил совсем благожелательно:

— Покажите самое интересное. К походу я готов! У меня, как видите, новые ботинки с толстыми подметками типа «студебеккер». Надеюсь, их хватит для путешествия по такому почтенному предприятию?

Рисованный человечек-следопыт был так непосредствен и мил, что через несколько минут нашего знакомства просто очаровал меня. Не теряя времени, он взял в свою сильную ручонку мой указательный палец, и мы отправились по родному заводу.

Сон был настолько реалистичен, что, если бы не следопытик, все выглядело бы совсем обычно, как наяву.

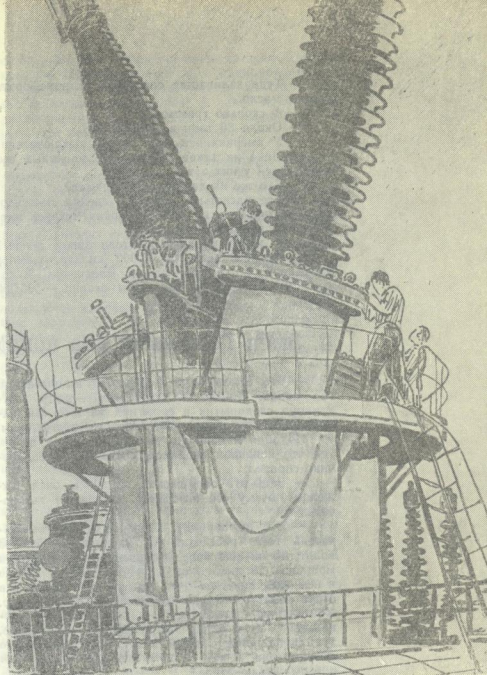
3. Рогатые исполины

Входим в цех силовых выключателей. Маленький спутник еще крепче ухватился всей пятерней за мой палец.

— А для чего вы делаете такие огромные бидоны с рогами?

— Это совсем не бидоны с рогами, а силовые масляные выключатели. Ты, конечно, знаешь выключатели электрического тока в квартире. А эти устанавливаются на электрических подстанциях. Они отключают и включают линии электропередач, по которым проходит очень сильный ток высокого напряжения. В квартире электрический ток силой всего 0,3—0,5 ампера при напряжении 127 или 220 вольт. А наш выключатель рассчитан для тока до 2000 ампер и при напряжении до 500 000 вольт.

Ты снимал у квартирного выключателя крышечку из пластмассы? Видел при включении и выключении маленькие искры? Такие же искры, похожие на гигантскую молнию, появляются и в контактной части масляного выключателя. Эту молнию у нас называют «электрической дугой». В ней температура — несколько тысяч градусов, она способна расплавить за долю секунды любой

Собирают гигантские выключатели.

металл. Поэтому, чтобы в момент отключения линии электропередачи не вспыхнул пожар и не расплавились контакты, их размещают вот в этом металлическом баке, который заполняется маслом. Электрическая дуга гаснет в толще масла.

— А зачем рога?

— То, что ты называешь «рогами», — фарфоровые изоляторы. Они отделяют провода высокого напряжения от металлического бака. Каждый выключатель состоит из трех трех баков с «рогами», соответственно трем фазам переменного тока.

— А потрогать изоляторы можно?

— Сейчас, конечно, можно, но на электростанции, когда работают генераторы и линия передачи находится под током высокого напряжения, такое любопытство может окончиться смертью.

Следопытик забрался на бак, боязливо дотронулся до изолятора и засыпал меня вопросами:

— Какое масло будет в баке — подсолнечное или сливочное? Сливочное, наверное, можно заменить маргарином? У нас в Свердловске его уже выпускают. Это будет дешевле.

— Туда заливается специальное трансформаторное масло.
 — А сколько граммов?
 — Около 30 тонн в каждый бак.
 — У американцев есть такие выключатели?
 — Пока на такое напряжение масляных выключателей у них нет.
 — Кто же их на заводе придумал?
 — Все расчеты и чертежи сделал инженер-конструктор Георгий Александрович Четчьев вместе со своими помощниками.
 — А маленькие выключатели завод делает?
 — На 3000 вольт и 15 000 киловольт-ампер разрывной мощности — самые маленькие. А самый мощный, на котором ты стоишь, — 500 000 вольт.

4. Змеи Горынычи «на поа»

— Что это за Змеев Горынычей вы поставили «на поа»? Побегим посмотрим! — вдруг воскликнул следопытик и спрыгнул ко мне. Мы направились к мощным воздушным выключателям.

Подойдя к исполдну и подняв голову вверх, так что капюшон свалился, следопытик недоверчиво спросил:

— Ведь это сооружение, наверное, очень тяжелое, почему его называют воздушным выключателем?

— Все по порядку. Во-первых, этот выключатель тоже рассчитан на напряжение 500 000 вольт, но он еще более мощный — его разрывная мощность 20 миллионов киловольт-ампер. Только в нем электрическая дуга гасится не в масле, а в струе сжатого воздуха при давлении 20 атмосфер. Контактная часть у него — внутри этих вертикальных пустотелых фарфоровых изоляторов, туда и подается сжатый воздух от специального компрессора. А как ты думаешь, сколько деталей в этом выключателе?

— Сто? Двести? Триста?

— Тридцать пять тысяч, если не считать болтов, винтов и гаек. Его высота тоже около 12 метров, а вес 60 тонн. В нем одного фарфора 16 тонн. Эти новые сверхмощные выключатели установят на линии электропередачи Сталинград — Москва, а масляные выключатели на линии Куйбышев — Урал. Для нашего сурового уральского климата масляные выключатели будут надежнее. Они рассчитаны для работы при температуре до 58 градусов ниже нуля.

— Славенькие Змеи Горынычи!..

— Если вопросов нет, пойдем дальше. Но прошу тебя, никогда не называй этот выключатель Змеем Горынычем, поставленным «на поа». Это образец новой техники и гордость коллектива завода. Даже знаменитый скептик лорд Ситрин, бывший у нас в гостях во главе английской делегации энергетиков, и тот очень высоко оценил наш стройный и мощный воздушный выключатель. У них, как и у американцев, нет еще таких исполинов.

— Наверное, им завидно?

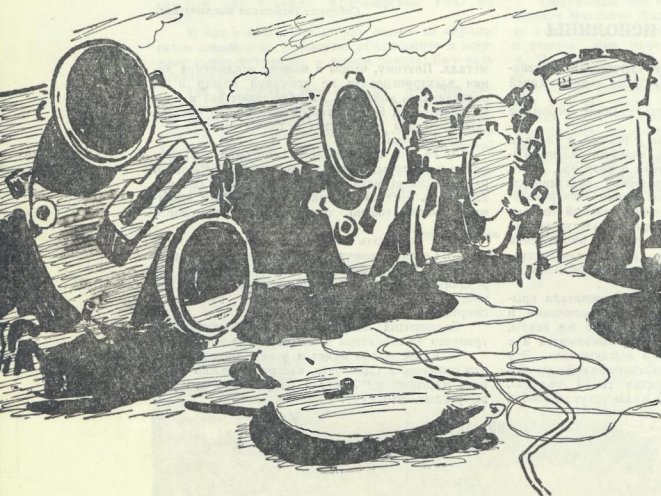
5. И вовсе не поликлиника

— Вот это поликлиника! — захлопал в ладоши следопытик, когда мы вошли в другой корпус завода.

— Какая поликлиника? Это же цех, где делают мощные ртутные выпрямители.

— А почему тут столько врачей в белых халатах, белых шапочках и белых перчатках?

— Это рабочие — вакуумные сборщики. Здесь нужна высокая техническая гигиена, такая же, как в хирургическом отделении поликлиники. В выпрямителях, которые будут преобразовывать переменный ток в постоянный, применяются ртуть и высококачественный графит. Поэтому в цехе очищают воздух от паров ртути, которые вредны для здоровья. В аппаратах нужна стерильная чистота всех внутренних частей. Иначе

Выключателей-гигантов надо много.
 Это заготовленные баки для них.

ртутный выпрямитель может заболеть и перестанет работать. Это опасно. Ведь более четверти электроэнергии потребляется в промышленности страны в виде постоянного тока, а электростанции вырабатывают только переменный. Электродвигатели у трамваев, троллейбусов, в метро, в электропоездах питаются постоянным током. Для получения алюминия, электролитической меди во многих отраслях электрихимии, везде применяются постоянный ток, нужны ртутные выпрямители. Например, алюминиевый завод средней мощности потребляет непрерывно свыше ста тысяч киловатт.

— Где же переменный ток превращается в постоянный?

— Вот в этих металлических цилиндрах, их называют вентилями. Внутри создан вакуум, и там размещены графитовый анод и ртутный катод, между которыми образуется электрическая дуга. Преобразование происходит в атмосфере ртутного пара. Такие выпрямители делаются на три, шесть и двенадцать вентиляей, соединенных последовательно. В каждом из них около десяти килограммов ртути и пятнадцать килограммов самого высококачественного графита.

— Сто двадцать килограммов ртути и сто восемьдесят килограммов графита в каждом из двенадцати вентиляей ртутных выпрямителей! Сколько же градусников и карандашей можно сделать из этих материалов? Наверно, 100 тысяч градусников и 150 тысяч карандашей! Не меньше!

— Да, пожалуй, не меньше.

— Вот почему в Свердловске трудно купить градусник или карандаши для черчения.

Это, конечно, не совсем верно. Но мало ли кому какие мысли приходят во сне!

6. Трансформаторы на колесах

Заходим в корпус силовых трансформаторов. Судя по недоуменной физиономии следопытика,

Бывает, трансформаторы умещаются на ладони. А «Уралэлектрораппарат» делает вот такие большие.

он впервые видит такие огромные трансформаторы, которые устанавливаются не в радиоприемниках.

— Зачем у трансформаторов колеса, ведь это не вагон и не паровоз? А какой надо иметь радиоприемник или телевизор, чтобы вставить в него этот большой трансформатор?

Я поспешил объяснить:

— На электростанциях генераторы вырабатывают ток напряжением не выше 15 тысяч вольт. Чтобы передать электроэнергию на сотни километров, напряжение поднимают до 35, 220 или 500 тысяч вольт. Для такого преобразования тока и служат силовые трансформаторы.

А потребители электроэнергии на фабриках, заводах, в городах и селах для безопасности и экономичности применяют ток низкого напряжения — всего 127—220 или 380 вольт. Тогда используются силовые трансформаторы, понижающие напряжение. Ток по линиям электропередачи передается мощностью в десятки и сотни тысяч киловатт, поэтому и трансформаторы нужны огромные. Они часто устанавливаются под открытым небом, на рельсах в несколько метров длиной. По рельсам можно откатить трансформатор при его ремонте или проверке.

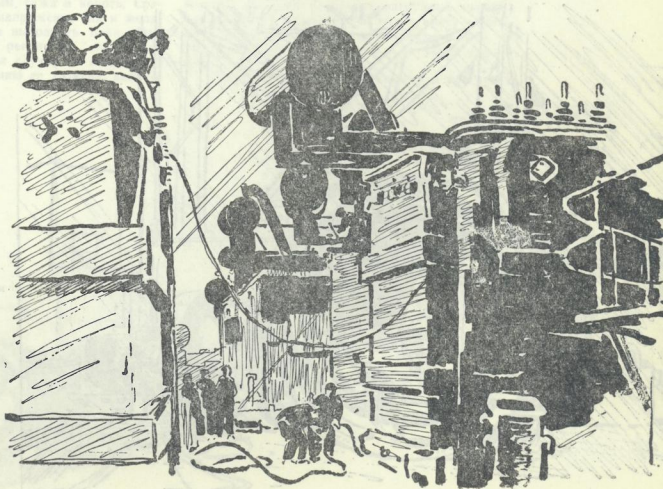
Внутри бака трансформатора размещены магнитопроводы, первичные и вторичные обмотки, бак заполнен маслом. Масло — хорошая изоляция между витками обмотки.

— А зачем бак весь обшит трубами?

— По трубам, вваренным в бак, масло циркулирует и охлаждает обмотки и стальные магнитопроводы. Когда по обмоткам проходит ток, выделяется тепло. Нагретое масло в баке поднимается вверх, затем по трубам спускается вниз и при этом охлаждается.

— И сколько весит такой «Илья Муромец»?

— Сто пятнадцать тонн, он выше двухэтажного дома. Трансформаторы «Уралэлектрораппарата» идут во все концы нашей Родины, в страны народной демократии. А вот эти красавцы — наши посланцы в Индию. Они смогут работать при шестидесятиградусной жаре, в суровом тропическом воздухе. Они имеют защитные покрытия от возможных и очень опасных микробов.

7. За раз всего не помотришь

Наш большой корпус крупных электрических машин поразила моего спутника своей грандиозностью, изобилием сильных металлообрабатывающих станков, скрежетом снимаемой резцами стружки, гигантскими подъемными кранами, которые перетаскивали узлы и детали весом до 150 тонн.

— Здесь мы делаем электрические машины, — рассказывал я. — Самые маленькие — мощностью 200 киловатт и весом 5—6 тонн. Самые тяжелые — весом до 350 тонн. Высота крупных машин в собранном виде — с трехэтажный дом. В скором времени мы будем изготавливать гидрогенераторы для ГЭС на Енисее. Вес такой машины будет около 2000 тонн.

Здесь мы делаем и большие машины для прокатных станов, мощные электродвигатели для насосных станций. Наши двигатели стоят на насосных станциях Волго-Донского судоходного канала имени Ленина.

Смотрю, у моего собеседника интерес к этим машинам как-то пропал.

— Послушай, дружище! — говорю ему. — У тебя преждевременно появилась скверная черта журналиста: тебя интересует и зажигает все только самое большое в мире, самое тяжелое в мире, самое мощное в мире. Или ты просто устал от впечатлений? Пойдем тогда прокатимся на карусели!

Мой дружок немного смутился от неожиданного предложения, но сразу потянул меня вперед. Мы подошли к гигантскому карусельному станку с надписью «Коломенский завод».

— Вот наша карусель. На ней можно не только кататься, но и обрабатывать детали весом до 150 тонн с диаметром до 15 метров. Если к площадке станка подвесить детали для любителей катания, он сможет тянуть поезд с 3000 пассажиров!

Я попросил рабочего-карусельщика покатать нас на самой малой скорости. Следопытик был в восторге. После этого я показал ему ножницы, на которых режут стальной лист толщиной почти в кирпич — до 42 миллиметров. Посмотрели мы и вальцы, на которых гнут такую сталь.

В котельно-сварочном цехе, где лязг и грохот металла смешивался с искровым жужжанием электросварки, где вспышки молний электрических дуг и снопы искровых извержений настраивали на какой-то фантастический лад, усталый следопытик совсем обмяк. Я хотел было потрунить, что он явно не в ладах с фантастикой. Но в это время мы остановились у мощных трехвалковых вальцов. У нас на глазах полоса листовая стали толщиной почти в два кирпича быстро превратилась в кольцо, через которое свободно может проехать автомобиль.

Я попробовал было рассказывать, что каждый месяц четыре тысячи тонн листовой и профильной стали здесь превращаются в сварные конструкции. Но мой следопытик явно измучился.

— Пойдемте сделаем где-нибудь привал, — предложил он.

Я сразу согласился, радуясь про себя, что не он меня, а я его доканал.

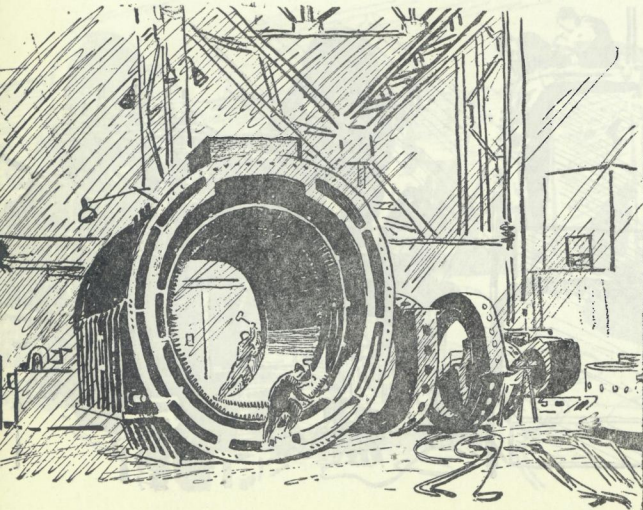
8. Глазами постороннего гостя

Когда мы шли к выходу с территории завода, я задал моему спутнику вопрос:

— Скажи откровенно, что же тебе не понравилось и что понравилось на нашем заводе?

Немного подумав, он начал выкладывать свои отрывочные впечатления.

— Прежде всего в некоторых цехах валяется довольно много кусков металла, деталей, болтов, гаечек, за которые можно зацепиться и повредить ногу. В производственных корпусах окна и

На сборке электрической машины.

световые фонари настолько мутные, что не видно, как по территории завода бегают машины, электрокары и лошади, а ведь это очень интересно.

Не понравилась мне доска показателей хода выполнения плана отдельными цехами. Видно, многие стрелки испортились, и их никто не ремонтирует. Сегодня 14-е число, а некоторые стрелки стоят на месте и не двигаются вперед. Кто же должен их исправить?

— Директор завода, — ответил я шутливо. — Гость, видно, не понял шутки и продолжал:

— Очень интересен ваш «крематорий», яма, в которой сжигают производственные отходы. Об этом я читал в «Уральском рабочем». Сколько там пропадает бумаги! А ведь школьники пограммам собирают макулатуру. Наверное, потому многие хорошие книги из-за недостатка бумаги издаются маленьким тиражом. Мне понравились ваши заводские ворота с маркой «УЭА». Говорят, их спроектировал не воротный архитектор, а известный конструктор гидрогенераторов Валерий Иванович Страхов.

Я в полном восторге от карусельного станка, на котором можно обрабатывать такие огромные детали и каждый день кататься, получая зарплату. Понравилась мне картинка самого огромного гидрогенератора, который будет выполнять работу за 400 тысяч лошадей.

Не могу забыть закрыщиков-портных, которые кроят и режут огнем листовую сталь толщиной до 120 миллиметров и сваривают такие огромные и прочные детали. А масляные и воздушные выключатели на мировое напряжение — 500 тысяч вольт! А подъемные краны — тяжеловатлеты, запросто поднимающие груз по 150 тонн! Мне хочется быть шофером на таком кране, откуда все видно и можно кататься по восемь часов подряд, а в конце месяца и по двенадцать часов. Многие рабочие с удовольствием разговаривают и рассказывают так много интересного, особенно, когда простывают, не имея работы, хотя в это время они почему-то больше сидят, а не стоят.

Очень сильное впечатление остается от заводской трубы, из нее густыми клубами выбрасывается черный и едкий дым, сажа и копоть. Сразу чувствуется огромное напряжение сил и желание руководителей завода выполнить план. Мне рассказывали, что до революции, когда не было пионеров, произошел случай на подмосковной фабрике: по приказанию ее хозяина, капита-

листа Павлова, поставили новую трубу по последнему слову техники, чтобы топливо сгорало полностью. И, когда фабрикант увидел, что дым почти незаметно, он разозлился и накричал на инженера: «Что это за фабрика, на которой стоит труба, а не видно, как дым валит? Что подумают люди? Что фабрика у Павлова остановилась? Сломать такую трубу, восстановить старую, чтобы дым было видно, чтобы все знали: фабрика у Павлова работает на полную мощность».

Вы поняли мой намек? Давайте лучше взглянем в завтрашний день вашего завода, когда труба станет бездымной! За семилетку, надеюсь, справитесь?

9. Что же будет завтра?

Завтра — это рост, рост и рост!
Завод будет строиться и расширяться. Стране нужно больше и больше электроэнергетического оборудования.

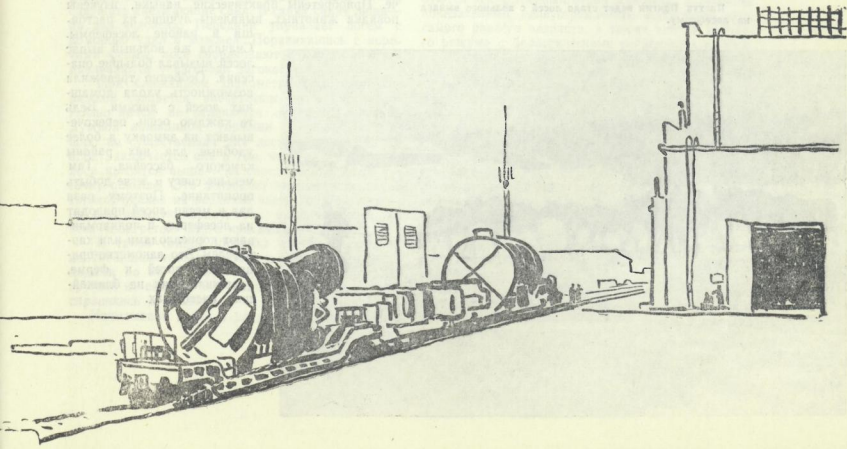
Выпуск силовых выключателей, трансформаторов, ртутных выпрямителей возрастет в 2—2,5 раза, гидрогенераторов — раз в 8—10.

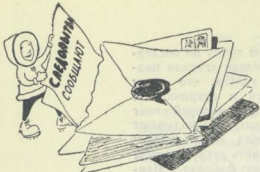
Через 3—4 года вечерний филиал Уральского политехнического института на нашем заводе начнет выпускать инженеров, которые, работая у станка и приобретая практический опыт, одновременно получают и диплом. Сотни бригад получат звание бригады Коммунистического труда.

Издания наши будут совершенствоваться, их мощности — увеличиваться. Воздушные выключатели начнут делать на 700—800 тысяч вольт, начнем проектные и исследовательские работы по гидрогенераторам до 600—800 тысяч киловатт, а может быть, и до миллиона киловатт в одной машине. Настоящий завод «Уралэлектроргинт».

А теперь, как видишь, мне надо проснуться, идти на работу. Пора закончить наш туристский прогреб по заводу. По установившимся обычаям, как дорогому гостю, от имени нашего коллектива, даю тебе на память нагрудный значок с маркой нашей продукции «УЭА» и книгу «Уральский завод электромашиностроения». В ней на досуге ты прочтешь то, чего я не успел рассказать.

Я стал искать значок и книжку и проснулся.

ДОМАШНИЕ ЛОСИ

Чуток и осторожен «хозяин тайги» — красавец-великан лось. Где-то чуть хрустнет сучок под ногой недовольного охотника, а мощное тело сохатого (так зовут лоса на Урале) уже взвывает в стремительном и легком прыжке. Не любит лось человека, боится встречи с ним. И, пожалуй, не совсем напрасно: поредело от этих встреч многочисленное некогда лосиное племя. Да так поредело, что пришлось государству взять его под свою защиту — издать закон об охране этого замечательного зверя.

А лось — зверь действительно замечательный. Самый крупный представитель животного царства тайги, он мог бы сослужить большую службу людям. Уже много лет мечтают люди, как бы подружиться с лосем, сделать его своим помощником — домашним животным, так же, как не очень далекого родственника его — корову.

Но возможно ли это?

Единственная в мире

В заснеженной глухой тайге, на самом берегу реки Печоры, затерялся небольшой поселок Якша — центральная база Печоро-Ильчского государственного заповедника. Перед поселком по замерзшей, заснеженной реке идет человек, за ним, как за вожакom, следует целое стадо лосей. Дойдя до дорожки, пересекающей реку, человек поднимается по ней на левый берег и заводит лосей через ворота в загон, высокая изгородь которого тянется вдоль берега Печоры. Над воротами загона красуется череп лоса с большими рогами, а под ним в рамке крупная надпись — «Опытная лосеферма».

Читатели, безусловно, знают о животноводческих фермах, о зверофермах пушных зверей, но о лосеферме слышат, наверное, впервые. Это и не удивительно: ферма одомашненных лосей в Якше

Пастух Пачгин ведет стадо лосей с вольного выпаса на лосеферму.

первая в истории нашей земли и пока единственная в своем роде. Именно поэтому на опытной лосеферме Печоро-Ильчского заповедника можно увидеть и узнать много нового и интересного о нашем крупнейшем лесном звере — лосе. Давайте совершим заочную экскурсию на лосеферму и познакомимся с ее работой.

Куда шли лоси

Прежде всего, поинтересуемся, откуда и зачем привел человек стадо лосей в загон лосефермы.

Человек этот — пастух Афанасий Максимович Пачгин, в прошлом таежный охотник и следопыт высокой квалификации. Всю зиму — с конца октября до апреля — лоси фермы пасутся в тайге под его наблюдением. Ежедневно с утра выходит он на лыжах в тайгу и обходит по проложенной им круговой лыжнице район, в котором пасутся лоси. Если лыжница нигде не пересекается выходными следами лосей, он может возвращаться домой и спокойно отдыхать. Появились такие следы — пастух или заводит «нарушителей границы» обратно в круг или берет выходные следы в новую круговую лыжницу.

Надо также пастуху проследить, нет ли в районе выпаса следов хищных зверей и лыжниц браконьеров. Тех и других надо побережечь, принять меры охраны.

Нелегко пастуху. Случается иногда, особенно если долго нет снегопадов, что круговая лыжница пастуха пересекается множеством сходных лосиных следов различной давности. Кажется совершенно невозможным отличить старые следы от свежих. Вот тут-то и приходит на помощь специальность следопыта: Афанасий Максимович безошибочно находит в этой заснеженной путанице нужные следы, а по ним и самих животных.

Сейчас следить за свободно пасущимися в тайге одомашненными лосями стало гораздо легче. Приобретены практические навыки, изучены повадки животных, выявлены лучшие их пастбища в районе лосефермы.

Сначала же вольный выпас лосей вызывал большие опасения. Особенно тревожила возможность ухода домашних лосей с дикими. Ведь те каждую осень перекочевывают на зимовку в более удобные для них районы камского бассейна. Там меньше снега и легче добыть пропитание. Поэтому два в месяц лосей приводят на лосеферму и подкармливают корнеплодами или картофелем. Это лакомство привлекает лосей к ферме, удерживает их на ближайших пастбищах.

Кукла — внучка дикой прирученной лосихи — воспринимает опыт по определению у нее газообмена гораздо спокойнее, чем ее бабушка.

Вот и сегодня Афанасий Максимович привел свое стадо лосей из тайги на лосеферму для очередной подкормки. Дадут им вместо пирожных по 2—4 килограмма картофеля, съедят они его, полежат во дворе пару часов, а к вечеру пастух снова отведет их в тайгу. Лосям полюбилось лакомство — за 10 лет существования лосефермы не было случая ухода ее питомцев со своими дикими собратьями.

Лось в упряжке

Как не подивиться такому. На зимней дороге, спускающейся с горы к воротам лосефермы, появляются два лося, запряженные в сани на высоких копылах. Под гору лоси спускаются осторожно, иногда оседая на задние ноги, чтобы сдержать наезжающие сани. В санях сидят люди — по два человека. Передний управляет лосем с помощью удила и вожжей. Поравнявшись с воротами фермы, лоси сворачивают с дороги и останавливаются у изгороди загона.

При ближайшем знакомстве с лосиной упряжкой создается впечатление, что она решительно ничем не отличается от самой обычной дужной лошадиной упряжки. Однако небольшая, но существенная для лося разница все же есть. Заключается она в том, что гужи на хомуте лося крепятся выше — на середине или даже чуть-чуть выше. Это позволяет перенести основное тяговое усилие на верхнюю часть лопаток лося — на его мощную холку, так выделяющуюся на всех «портретах» этого красавца.

В такой санной упряжке лосей испытывали на 200-километровых пробегах с суточными переходами по 20—35 километров и с полезной нагрузкой на сани до 200 килограммов. Они хорошо справились с задачей.

Испытывали лосей и на грузоподъемность. По

ровной зимней дороге предельная полезная нагрузка на одного лося составила 1861 килограмм.

А летом в условиях бездорожной тайги лось показал себя прекрасным выючным верховым животным. Только работать на них нужно ночью — лоси плохо переносят жару. Зато при ночном пробеге лось свободно нес на седле стокилограммовый груз 30 километров.

Испытания показали, что лось вполне пригоден для транспортного использования. Однако в природе рабочего лося не существует, и создать его может только сам человек. Для этого требуются искусственный отбор животных с лучшими показателями, целенаправленное воспитание их с самого раннего возраста, а также увязка рабочего режима с биологическими особенностями лося.

На одной из фотографий вы видите старшего научного сотрудника и ветврача лосефермы Михаила Веняминовича Кожухова. На выездном им лосе Буяне он приехал за грузом, доставленным для заповедника самолетом. Буян не боится самолета, стоит рядом с ним совершенно спокойно, и его даже никто не держит. А вот наша собака Лайка явно возмущена присутствием лося в столь несоответствующей ему «культурной обстановке» и с ожесточением обливает Буяна. Но его и это никак не тревожит, и он даже не обращает внимания на разбушевавшуюся собачонку.

Михаил Веняминович на выездных им лосях Буяне и Урале совершает дальние поездки совсем один, без помощников.

В тренировке лосей Кожухову активно помогает наш зверовод и тренер Эля Лебедева. Эля — энтузиаст и большой любитель своего дела. Два

Ездовой лось фермы в санной упряжке.

года назад она кончила среднюю школу в Курганской области и приехала к нам по собственному желанию рядовым рабочим. Сейчас она работает уже старшим звероводом-тренером и одновременно учится заочно в Вологодском институте животноводства.

Майка-рекордсменка

Считалось, что лоси очень редко размножаются и вообще плохо выживают в неволе. Поэтому они будто бы и не поддаются одомашниванию.

Ветеринарный врач лосефермы Кожухов (первый справа) приехал на выезженном им лосе Буяне за грузом, доставленным самолетом для заповедника.

Но посмотрите-ка на фотографию и подсчитайте, какой приплод получила наша лосеферма в 1957 году. Здесь — девять лосят, полученных от шести лосих. Причем три мамы принесли по два лосенка. Неплохой показатель для первых одомашненных лосих!

Этот год не исключение. Так, девятилетняя Милка телилась семь раз и принесла двенадцать лосят, восьмилетняя Альфа — шесть раз и принесла девять лосят, ее ровесница Майка — тоже шесть раз и принесла восемь лосят, даже пятилетняя Малютка телилась три раза и принесла шесть лосят. А все домашние лосихи фермы с 1949 по 1958 год принесли 52 лосенка.

Поскольку все эти лосята родились в домашних условиях, они уже не ручные, а домашние лоси. Среди них есть представители первого, второго и даже третьего домашних поколений, то есть дочки, внуки и правнучки первых ручных лосих.

Эти потомки отличаются от своих прирученных бабушек и прадедушек. Домашние лоси, особенно второго и третьего поколения, имеют более спокойный и послушный характер, привязанность к воспитавшему их человеку и потребность в его покровительстве выражена у них гораздо сильнее. Например, Кукла — внучка ручной лосихи Малютки — при «медицинском освидетельствовании» ее (определении газообмена) не проявляла той повышенной нервности, которая наблюдалась у ручных лосих и мешала работе с ними. Кукла спокойно отнеслась к надевшей на ее морду маску и ко всему процессу опыта. Точно такую же терпимость в поведении проявила Кукла и тогда, когда ее приучали к доению.

Кстати, мы еще не упоминали об этом достижении лосефермы, а оно представляет, пожалуй, наибольший интерес. Что лосей приучали ходить в упряжке — такие случаи были известны и в прошлом, но донть лосих стали впервые на нашей лосеферме. Вот уже шесть лет мы проводим

эти опыты и с несомненностью установили, что лоси могут быть хорошими продуктивными животными.

Так, от впервые отелившейся лосихи Майки нам удалось надоять всего лишь 50 литров молока, а после пятого отела она дала уже 430 литров. Майка стала рекордсменкой. В первый год раздоя лактации (период, когда животное дает молоко) у нее закончилась во второй половине августа, а на пятый год — во второй половине ноября.

Лосиное молоко — высококачественный продукт питания. Оно очень богато жиром, белком и витаминами. Масло сбивается прямо из молока. Из десяти литров лосиного молока получается 1,2—1,3 килограмма сливочного, или один килограмм топленого масла.

Эти цифры еще только самые первые, но очень убедительные показатели. Они говорят, что лосей вполне можно использовать в качестве молочно-продуктивных животных. А это очень важно для тех районов северной тайги, где содержание коров крайне затруднительно: там нет естественной кормовой базы. В нашем первом опыте по раздоя лосих не использованы еще многие методы, с успехом применяемые в животноводстве, и уже это одно дает надежду получить значительно большие результаты.

Но добиться всего этого было нелегко. При проведении первых опытов по раздоя лосих нашим дояркам — Евдокии Пацгиной, Анастасии Егоровне Морозовой и Анастасии Никифоровне Паршаковой — пришлось проявить настоящее мужество. Впервые приступая к дойке, никто из них не знал, как поведет себя лосиха и не придется ли им позаканиться с силой удара лосиного копыта. А такое копыто и медведя валит насмерть. Делалось, конечно, все возможное, чтобы оградить доярку от такого случая. С этой целью доярка заранее, еще до первого отела, приучала молодую лосиху к процессу дойки. Давала ей какого-нибудь лакомого корма и в это время массирувала ей вымя, потягивала за соски. Так постепенно лосихи привыкали к этому еще не знакомому ни им, ни их предкам процессу.

После отела лосят сразу же отнимали, не давая матке облизать и покормить их. Выпаивали лосят с рук молоком, надоенным от их матерей. В результате лосихи совершенно утратили свой врожденный материнский инстинкт к лосытам и перенесли свою любовь и ласку на доярку.

В этом пришлось убедиться на таком случае. При съемке кинофильма «Повесть о лесном великане» понадобилось заснять лосиху, кормящую своего лосенка. На роль «киноактрисы» избрали Майку: ей скоро надо было телиться. На этот раз у нее решили не отнимать лосенка и поместили в специальную вольеру, предназначенную для кино съемки. Но, отелившись, Майка не проявила материнской ласки и заботы к лосенку, и, даже не облизав его, ушла в противоположный конец вольеры. Когда же через некоторое время подсохший и немного окрепший лосенок заковылял к матке и попытался сосать ее, лосиха совершенно неожиданно набросилась на него и стала избивать передними ногами. Лосенка сейчас же отняли. После этого к вольере подошла доярка. Майка подбежала к ней, стала лизать руки, лицо и тихонько стонать. Доярка спокойно вошла в вольеру и подоила Майку. Так врожденный материнский инстинкт лосихи был подавлен условным рефлексом, выработанным в ней человеком.

Зверовод Эля Лебедева тренирует трехгодовалую лосиху Малютку.

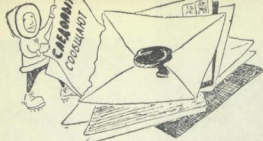
* * *

Огромны возможности изменения природных особенностей животных под влиянием искусственно измененных условий жизни. Наглядным тому примером может служить успешный опыт одомашнивания лоса в Печоро-Ильчском заповеднике. Одомашнивание лоса дает возможность человеку не только использовать наиболее полно все полезные качества этого животного, но и направленно совершенствовать их. Для северной тайги, где очень мало корма для травоядных животных, одомашнивание лоса открывает перспективу развития новой формы животноводства — лосеводства.

Е. КНОРРЕ,
зав. лосефермой,
кандидат биологических наук

Приплод лосефермы за 1957 год. Домашние лосята первого, второго и третьего поколений.

ДЕРЕВО — РОЩА

В парке районного центра Вадиль (Ферганской области) находится замечательная чинаровая роща. В ней всего лишь два десятка деревьев. Зато роща имеет интересную особенность: вся она выросла из одного корня. Трудно вообразить целую рощу с таким количеством гигантских стволов, растущих на одном корне. И все-таки это бесспорный факт.

В 1957 году в «Пионерской правде» были опубликованы фотоснимок и статья, в которой

сообщалось, что в селении Фирюза (южнее Ашхабада) находится самое могучее дерево во всей Средней Азии. От корня его растет шесть стволов высотой свыше тридцати метров, а толщина дерева у подножия — около семи метров. Дерево триста пятьдесят лет.

Интересно сопоставить размеры фирюзинской чинары с вадильской. Корень вадильской чинары в окружности достигает 27,5 метра, а в поперечнике — свыше десяти метров. На нем семнадцать отростков. Все они расположены на кромке корня. В центральной части его, где некогда рос основной ствол, теперь зияет гигантское дупло. Ясно, что фирюзинская чинара значительно моложе вадильской, а значит, самое могучее дерево в Средней Азии — «Вадильская роща».

Существует легенда, что под вадильской чинарой после жаркой схватки с врагами отдыхал сам великий Искандер Зулкарнайн (Александр Македонский). За достоверность легенды поручиться невозможно. Но известно, что войска Александра Македонского были в пределах Ферганской долины и даже соорудили крепость Александрия эсхата (Александрия крайняя).

В юго-западной части Вадилы в 1953 году я обнаружил древний могильник, относившийся к эпохе бронзы (датировка подтвердилась археологическими раскопками), но следов поселения, относящихся к этому времени, в Вадиле пока не нашли.

П. КОНОПЛЯ,
г. Фергана

Общий вид чинары.

Вход в дупло.

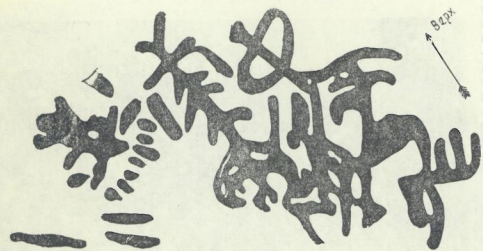
УРАЛЬСКИЕ ПИСАНЦЫ

2. Скала над Ирбитом

В 1913 году я узнал, что в Ирбитском уезде есть село Писанец, или Писанское. Откуда такое название? Имеет ли оно связь с писанцами — наскальными рисунками краской? Оказалось, что имеет. Село получило свое название по писаному камню.

Ирбитский писанец нашлся на известковой скале левого берега Ирбита. Над водой совершенно отвесная скала возвышается метров на 8—10. Удивительно, как это древний человек ухитрился сделать рисунки на такой высоте, казалось бы, совершенно не доступной.

Крутизна берега никоим образом не позволяла подобраться к древним рисункам, чтобы срисовать их. Пришлось достать лодку и встать на приколю близки скалам,

ЗУБ МАМОНТА

Этот огромный зуб мамонта нашел Виктор Пронин — член географического общества «Гло-

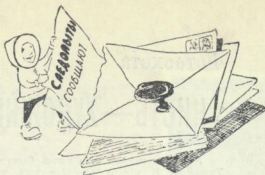
бус» Свердловского Дворца пионеров. Обнаружил он его случайно недалеко от Калиновских разрезов (окрестности Свердловска).

Редкая находка заинтересовала многих краеведов. Кто знает, может быть, Виктор открыл новое «кладбище» мамонтов?

Нынешним летом истории школы № 67 организуют в этом районе поиски окаменевших костей уральских мамонтов.

Известно, что на Среднем Урале находки костей мамонтов — не редкость.

А. АЛЕКСАНДРОВ

КАМЕННАЯ РОЗА

Нежные полупрозрачные лепестки этой розы веером расходятся от центра. Не верится, что такой искусный цветок создала природа из камня.

Роза «выросла» из гилса, в результате его кристаллизации. Ее нашли члены минералогического кружка Свердловского Дворца пионеров в угольных пластах близ города Еманжелинска (Челябинская область).

Ю. КОПЫТОВ

ПОЛЕТ ГОРНОСТАЯ...

Как-то утром я шел по берегу реки Янчер и осматривал ловушки на зайца. Вдруг перед глазами мелькнула тень. Смотрю,

низко над лесом летит тетерев, а на нем пассажиром горностай.

Я удивился: откуда такое чудо? Оказалось, чуда никакого нет. Зимой горностаи питаются главным образом грызунами. Но иногда они нападают на тетеревов, которые прятуются в глубине леса и на ночь зарываются в снег. Спящие птицы становятся жертвами маленьких хищников.

Бывают случаи, когда горностаи нападают на зайцев, особенно на молодых.

Е. УТРОБИН

откуда рисунки хорошо были видны. Сделаны они побуревшей теперь красной охрой. Известно, что краска разводится эта краска, но она отлично сохраняется до сих пор. Можно предположить, что краска разводилась кровью животных, которая должна содержать какое-то количество жира, и что для наведения краски употреблялась кисть, сделанная из волоса животного.

Что представляют собой рисунки, можно только догадываться. Облик, вероятно, фигура человека. Рядом, несомненно, звери. А самый большой рисунок напоминает еловое дерево с поникшими ветвями.

Рисунки сделаны примерно две тысячи лет тому назад, когда здесь жили предки древней юэры и современных манси и ханты.

В одном месте скалы со стороны реки имеется небольшая расселинка, нечто вроде пещерки. Она может служить двум-трем людям укрытием. Наверху скалы довольно хорошая площадка, на которой удобно расположиться. Здесь мне посчастливилось найти до десятка мелких глиняных черепков большой древности, а также угли — тоже свидетельство далекого прошлого.

С «писанной» скалой связаны легенды. В одной легенде говорится, что чудской князек во время состязаний был унесен резвым скакуном в реку. Когда он разбился, то его кровь покрыла вырезанную на скале надпись. По другой легенде, рисунки сделаны кровью князика и коня, прах их похоронен вместе с богатством в пещере, кото-

рую завладела землей. А третья гласит, что при нашествии татар люди отсюда бежали. Предварительно они зарыли свои богатства, в том числе и золотые бобы, в древнем лесу, в урочище «Катюшинское болото». Оно расположено в десяти верстах от писаного камня, на правом берегу реки Ирбит.

Несомненно, какое-то зерно исторической правды в этих легендах есть, пусть его ищут археологи и историки.

В. БИРЮКОВ

ФОТОХОТА

КИСТЬ—ХУДОЖНИКАМ

Мы с приятелем шли вдоль берега таежной реки Талымы. И что-то разговорились об абстрактном искусстве Запада. Смесь, вспомнил, как один художник в Америке выставил картину, нарисованную ослом. — Осел вертел по холсту хвостом, который художник обмакивал в разные краски.

Назад мансийская лайка Несик то и дело облаивала глухих глухухай, которые вылетали клевать галяку на берегу.

— Несик! Перестань! Они же ничего не рисуют, — отстрили мы.

Вдруг голос собаки изменился. На невской сосенке в густой хвое сидел светло-рыжий зверек. «Соболь!» — в один голос воскликнули мы и нацелили фотоаппараты.

Но зверек бросился вниз по стволу и, перепрыгнув через собаку, пустился наутек, да как-то не по-собольиному.

Несик пулей бросился вдогонку, и мы вновь услышали лай. Зверек спрятался недалеко, под корнями кедра. Убедившись, что из-под дерева есть всего один выход, мы притаились. Минут через десять зверек выгнулся.

Это колонка — хищный зверек из семейства куниц, обычный обитатель уральских лесов. мех его ценится недорого. А волос из хвоста идет на изготовление самых лучших — «колонковых» — кистей для художников.

В Западной Европе и Америки он не водится. Надо сообщить о нем художникам абстрактного искусства. Колонка можно, наверное, приручить макая хвост в краску и мазать им по холсту. Все-таки лучше, чем осел.

Г. БАБАКОВ,
охотовед

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА МАРКАХ

Отмеча сороковую годовщину освобождения Урала от Колчака и неизбежно посмотреть, какой отдалека мила гражданская война на советских почтовых марках. Историческое сражение под Нарвой 23 февраля 1918 года, когда в тяжелых и кровопролитных боях обиделась наша героическая Советская Армия, мы видим на марке 25-копеечного достоинства из серии, посвященной сорокалетию Советского Союза СССР. Эта серия выпущена в 1958 году и состоит из 5 марок.

Действия легендарной Первой Конной армии отражены в четырех марках 1930 года в честь 10-летия Первой Конной. На марке в 14 копеек дано схематическое изображение карты боевого пути Первой Конной армии. На трех других — в 2,5 и 10 копеек — отдельные эпизоды боевых дел красноармейцев. Перекакивается с этими марками другая марка, выпущенная в 1933 году в серии, посвященной 20-летию Красной Армии и Военно-Морского Флота. На 80-копеечной марке воспроизведены картины художника М. Авладова «Приезд И. В. Сталина в Первую Конную армию».

В этой же серии была выпущена рублевая марка, на которой помещен известный кадр из фильма «Чапаев». В честь пятнадцатилетия учреждения ордена Красного Знамени в 1933 году была выпущена марка стоимостью в 20 копеек с изображением боевого ордена и колонны знаменосцев краснознаменных полков.

Героическому штурму и взятию Перекопа посвящены шесть марок, выпущенных в 1940 году к 20-летию этой даты. На 10-копеечной марке дано изображение памятных героев Перекопа. На 15-копеечной — красноармеец, бросающий гранату во вражеский окоп. На марке в 30 копеек — портрет талантливейшего полководца гражданской войны М. В. Фрунзе на фоне схематической карты Перекопской операции. На марке 50-копеечного достоинства показан момент форсирования Сиваша, на 60-копеечной марке — штаб М. В. Фрунзе в селе Строгановке. Завершается эта интересная серия рублевой маркой, на которой изображен красноармеец, возмуженно оповещающий о взятии Перекопа.

Тридцать выпускались марки с портретом М. В. Фрунзе (в 1935, в 1940 и в 1950 годах).

В 1933 году выпущена серия марок, посвященных памяти 26-ти бакинских комиссаров, зверски расстрелянных интервентами в 1918 году.

Дважды (в 1944 и в 1948 годах) выпускались специальные серии, посвященные героям гражданской войны И. Щорсу, В. Чапаеву и С. Лаво, Стояловичу и Бруну Чапаеву — Д. А. Фурманову были посвящены две марки 1951 года.

В 1956 году вышла марка с портретом Григория Ивановича Котовского, советского полководца, героя гражданской войны.

Вот краткий и далеко не полный перечень тех советских марок, на которых в той или иной форме нашли отражение героические события гражданской войны в СССР.

Ю. САКНЫНЬ.

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волочин, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Койнов, Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники и краеведения), Л. Сорокин, Л. Неверов (редактор отдела прозы и поэзии), Г. Переботов, Кл. Рождественская, В. Шустов.

Обложка художника С. Киприна.

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор Я. Черников.

Технический редактор Т. Меньщикова.

Корректор О. Булгакова.

Подписано к печати 17/VI 1959 г.

Бумага 84×108¹/₁₆—2,5 бум. л. — 8,2 печ. л.

Уч.-изд. л. 96.

НС 25571.

Тираж 50 000.

Заказ 181.

Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской хромолитографии.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА МАРКАХ

